

ОТ РУСИ ДО КИТАЯ

ИЗ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

John

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**От Руси до Китая:
из новых археологических исследований**

Сборник статей к юбилею Ю.Ю. Моргунова

Москва,
2017

УДК 902/903
ББК 63.4
О80

Утверждено к печати на заседании Ученого совета
Института археологии Российской академии наук

Издание осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований
Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» по проекту
«Русь и народы евразийских степей в X–XVII вв. по данным археологии»

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук В. Ю. Коваль
Составитель: И. Н. Кузина

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. А. Беляев,
кандидат исторических наук М. Д. Полубояринова

О80 **От Руси до Китая: из новых археологических исследований. К юбилею Ю.Ю. Моргунова.** – М.: Институт археологии РАН, 2017. 128 с.

ISBN 978-5-94375-239-1

Сборник посвящен отдельным проблемам взаимоотношений средневековой Руси со Степью и Востоком: культурным, торговым, экономическим и этническим. Разные по охвату материала статьи раскрывают важные темы с точки зрения формирования и осуществления различных контактов граничащих или удаленных друг от друга на значительные расстояния земель и государств средневекового мира.

Книга будет интересна археологам, историкам, искусствоведам.

**УДК 902/903
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-239-1

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2017
© Авторы статей, 2017

Содержание

К юбилею Ю. Ю. Моргунова	7
Печатные труды Ю. Ю. Моргунова	8
<i>Армарчук Е. А.</i> Северо-Восточное Причерноморье XI–XIV веков: традиционные черты и привнесенные «степные» элементы культуры	14
<i>Бадеев Д. Ю.</i> Изменение городской территории средневекового Болгара по данным геоинформатики	35
<i>Коваль В. Ю.</i> Импортная поливная керамика Торецкого поселения	42
<i>Коваль В. Ю.</i> Испанская керамика в средневековом Болгаре	74
<i>Коваль В. Ю.</i> Привозились ли в Европу корейские селадоны?	93
<i>Кузина И. Н.</i> Стекланные декантеры на памятниках Восточной Европы	101
<i>Милованов С. И.</i> Развитие торговых связей и административный статус малых городов Рязанской земли во второй половине XII – XIV веке	111
<i>Турилов А. А., Чернецов А. В.</i> Следы знакомства с восточным двенадцатилетним циклом в славянской традиции	120
Сокращения	127

К юбилею Юрия Юрьевича Моргунова

13 июня 2017 г. исполнилось 70 лет одному из старейших сотрудников отдела средневековой археологии (до недавнего прошлого – отдела славяно-русской археологии) Института археологии РАН Юрию Юрьевичу Моргунову. В 2018 г. будет уже полвека, как Юрий Юрьевич работает в стенах нашего Института. За этот солидный срок им проделана грандиозная по объему работа – исследована практически вся территория Переяславльского княжества, одного из ключевых государственных образований на территории Древней Руси. С момента поступления на работу в Институт археологии в 1968 г. Юрий Юрьевич каждое лето проводил в поле, в 1972 г. он возглавил сначала отряд, а затем экспедицию, досконально изучившую долину реки Сулы.

За годы работы экспедиции исследованы десятки памятников, проведены прорезки валов, разработана передовая методика полевого изучения древнерусской фортификации, особенно востребованная в наши дни. Наряду с полевыми проектами, Юрий Юрьевич всегда уделял внимание публикации полученных материалов, его монографии стали настольной книгой не только специалистов по археологии Южной Руси, но всех археологов-медиевистов. Его «Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков» (2009) заставили совершенно по-новому увидеть древнерусскую фортификацию, пересмотреть устоявшиеся оценки и интерпретации. Однако главной темой его исследований всегда оставалась историческая география Переяславльской земли. Размещение исследовавшейся территории на южном пограничье русских земель неизбежно заставляло изучать отношения Руси с народами степей, и этой теме посвящено немало работ Ю. Ю. Моргунова, без которых историографию данного вопроса представить уже невозможно. Русско-степные и русско-восточные (в широком смысле) взаимоотношения всегда находились в центре внимания исследователя, составляя одну из важных тем, которые он разрабатывал в прошлом, и, надеемся, будет разрабатывать в будущем.

Поздравляя юбиляра, желаем сохранить столь свойственный ему оптимизм, бодрость духа, энергию для новых исследований, и, конечно, здоровья. Надеемся, что небольшая подборка статей, связанных своей тематикой с различными контактами Руси со Степью и миром Востока, будет нашим скромным подарком к юбилею. Этим сборником коллеги Ю. Ю. Моргунова по отделу средневековой археологии высоко оценивают его достижения в археологии и истории, и демонстрируют желание заниматься подобной проблематикой рука об руку с ним.

Печатные труды Ю. Ю. Моргунова

Монографии и авторефераты

- Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск: Курский гос. обл. музей археологии, 1996. 160 с. (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 2).
- Посульская оборонительная линия Древней Руси: этапы формирования и развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1998. 27 с.
- Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск, 1998. 126 с. (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 3).
- Сампсониев Остров: пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 2003. 186 с.
- Фортификация Южной Руси X–XIII вв. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2007.
- Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 302 с.
- Летописный город Снепород и его округа. X–XIII вв. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2012. 252 с. (Сер.: *Archaeologica Varia*).
- Крепостные валы и стены Южной Руси X–XIII вв. Исследование летописных и археологических источников. Saarbrücken: Palmarium Academie Publishng, 2013. 200 с.
- Историческая география Переяславской земли по археологическим и летописным источникам (середина XI – середина 30-х годов XII века). М., 2018. (В печати)

Статьи, публикации, тезисы

1. Разведки в Жуковском и Погарском районах Брянской обл. // АО-1971. М., 1972. С. 82. (Соавт.: И. И. Артеменко)
2. Разведки на Сумщине // АО-1972. М., 1973. С. 315–316.
3. Раскопки кургана у с. Александровское // АО-73. М., 1974. С. 123, 124. (Соавт.: Петренко В. Г., Найденко А. В., Куйбышев А. В., Чернецов А. В., Пронин Г. Н.)
4. Разведки в Черниговской обл. // АО-1974. М., 1975. С. 329.
5. Новый вариант печати Владимира Мономаха // КСИА. Вып. 144. 1975. С. 104, 105.
6. Три древнерусских городища Верхнего Посулья // КСИА. Вып. 150. 1977. С. 74–79.
7. Раскопки курганов в Волгодонске // АО-1976. М., 1977. С. 111. (Соавт.: А. И. Семенов.)
8. Разведки в Сумской обл. // АО-1977. М., 1978. С. 359. (Соавт.: Л. Г. Ковалева, А. Н. Загребельный.)
9. Разведки в Посулье // АО-1978. М., 1979. С. 373.
10. Разведки на Суле // АО-1979. М., 1980. С. 310.
11. Работы Посульской разведочной группы // АО-1980. М., 1981. С. 286–287.
12. Древнерусские укрепления округлой формы на Левобережье // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докл. республиканской конференции молодых ученых. К., 1981. С. 116.

13. Летописный г. Вяхань // СА. 1982. № 2. С. 237–245.
14. Два городища XI–XIII на р. Ромен в Посулье // КСИА. Вып. 171. 1982. С. 65–71.
15. Древнерусские городища течения р. Ромен // КСИА. Вып. 175. 1983. С. 73–82.
16. До питання про руйнування Кончаком переяславського Посулля в 1185 р. // УІЖ. 1984. № 7. С. 118–122.
17. Летописный г. Попаш // СА. 1985. № 1. С. 241–249. (Соавт.: Н. Н. Коринный.)
18. Работы в Лубенском районе Полтавской обл. // АО-1984. М., 1985. С. 274–276. (Соавт.: В. И. Неприна, А. Б. Супруненко.)
19. О территориальном делении посульской границы // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке» (тез. докл.). Баку, 1985. С. 250–251.
20. Розкопки літописного Сніпороду // Пам'ятки України. 1985. № 1. С. 49–50. (Соавт.: В. И. Неприна и А. Б. Супруненко.)
21. Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины. Каталог выставки. Полтава, 1985. С. 38–46. (Соавт.: Е. Л. Гороховский, И. Н. Кулатова и др.)
22. Круглые городища Левобережья Днепра // СА. 1986. № 2. С. 110–120.
23. Надпись на корчаге с Полтавщины // КСИА. Вып. 187. 1986. С. 55–58. (Соавт.: А. А. Медынцева.)
24. «Полю ворота» по археологическим данным // «Слово о полку Игореве» и Путивльщина. Тез. докл. научной конференции. Путивль, 1987. С. 23, 24.
25. Древнерусские городища окрестностей летописного города Лохвицы // СА. 1988. № 2. С. 194–206.
26. Охранные мероприятия на городище летописного г. Снепорода // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тез. докл. Полтава: ПКМ, 1988. С. 9–10.
27. Раскопки городища летописного г. Снепорода // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тез. докл. Полтава: ПКМ, 1988. С. 37–38.
28. О формировании степной границы на переяславском Посулье // Тр. V международного Конгресса археологов-славистов. Т. 2 / Отв. ред. П. П. Толочко. К.: Наукова думка, 1988. С. 285–289.
29. Лубенский участок посульской границы в XI–XIII вв. // 1000-летие города Лубны. Областная научно-практическая конференция. Тез. докл. и сообщ. Лубны, 1988. С. 9–11.
30. К изучению летописного г. Римова // СА. 1989. № 1. С. 206–217.
31. Про місцезоложення літописного Горошина // Тези доповідей Першої полтавської наукової конференції з історичного краєзнавства. Полтава, 1989. С. 114–116.
32. Динамика формирования и развития посульской границы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Второй областной научно-практический семинар. Тез. докл. Полтава: ПКМ, 1989. С. 66–69.
33. Предварительные данные о летописном г. Ромене // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези доповідей. Суми – Ромни, 1990. С. 61–63.
34. Новые исследования летописного г. Снепорода // Охрана і дослідження пам'ятників археології Полтавщини. Третій обласний науково-практичний семінар. Тези доповідей. Полтава: ПКМ, 1990. С. 164–166.
35. Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава: ПКМ, 1990. С. 95–108.

36. Летописный г. Кснятин и его некрополь // КСИА. Вып. 205. 1991. С. 38–45.
37. Находки из Жовнина в музеях Полтавщины и Черкасщины // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Ч. 2. Полтава, 1991. С. 97–100.
38. Редкая находка с перегородчатой эмалью // СА. 1991. № 1. С. 255–261.
39. Раскопки у с. Сенча на Суле // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. К.: АН УРСР, Інститут археології, 1991. (Соавт.: Р.В. Терпиловский, Д.И. Левченко, И.Н. Гавриленко.)
40. Три городища XII–XIII вв. в Среднем Посулье // КСИА. Вып. 208. 1993. С. 62–68.
41. О юго-восточной границе чернигово-северских земель в XII в. // Проблеми ранньослов'янської та давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994. С. 27–29.
42. «Курескъ на Тускорѣ»: к вопросу о происхождении летописного города // Славянский средневековый город. Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 261–270. (Соавт.: С.П. Щавелев.)
43. Оборонительная структура Переяславской земли // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 34–41.
44. Летописный г. Глебль // Сумська старовина. № III–IV. 1998. С. 21–27.
45. Пограничная твердыня на р. Терн // Сумська старовина. № III–IV. Суми, 1998. С. 33–38.
46. Вступление и комментарии к публикации отчета Богусевича // Сумська старовина. № III–IV. Суми, 1998. С. 28–33.
47. О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // РА. 1999. № 3. С. 69–78.
48. Еще раз о переяславских торках // РА. 2000. № 1. С. 23–36.
49. Применение эскарпов в южнорусской фортификации X–XIII вв. // Сумська старовина. Науковий журнал з історії та культури України. Суми, 2001. № VIII–IX. С. 172–185.
50. О сырцовых стеновых кладках эпохи Владимира Святославича // КСИА. Вып. 211. 2001. С. 69–76.
51. О некоторых особенностях домостроительства поселения Сапсониев Остров на Средней Суле // РА. 2002. № 2. С. 56–66.
52. К изучению южнорусских змиевых валов // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. Тез. докл. науч. конф. М., 2002. С. 64–66.
53. Земляные рвы в южнорусской фортификации X–XIII вв. // Сумська старовина. Науковий журнал з історії та культури України. Суми, 2002. № X. С. 40–52.
54. К вопросу о Переяславско-Черниговском пограничье с кочевой степью в конце XI – середине XIII вв. // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя (I – початку II тисячоліття). Збірник наукових праць. Суми, 2003. С. 75–93. (Соавт.: Бородин Г.В.)
55. К изучению южнорусских колодцев X–XIII вв. // РА. 2005. № 3. С. 141–148.
56. К проблематике изучения южнорусских змиевых валов // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 253–268.
57. К вопросу о разделе южнорусских земель в 1026 г. «по Днепр» // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький Державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди. Вип. 16. Збірник наукових статей, присвячений пам'яті В.В. Седова. Переяслав-Хмельницький, 2005. С. 221–227.

58. Белгород // БРЭ. Т. 3. / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия, 2005. С. 193.
59. Витичев // БРЭ. Т. 5. / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия, 2006. С. 400, 401.
60. Воинь // БРЭ. Т. 5. / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия, 2006. С. 600.
61. Вышгород // БРЭ. Т. 6. / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия, 2006. С. 161.
62. Городища кочевников приграничья Южной Руси // Археология Юго-Восточной Руси. Материалы IV научной конференции. Елец: изд-во Елецкого госуниверситета, 2006. С. 159–172.
63. На страже русской земли // Наука в России. 2007. № 2 (март-апрель). С. 75–82.
64. Развитие поселенческой структуры посульской границы // Древнерусский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. К 770-летию трагедии Старой Рязани. Тез. докл. полевого историко-археологического семинара. М.: ИА РАН. 2007. С. 18–20.
65. Валы и крепостные стены X–XIII вв. в глазах их современников // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький – Тернопіль: Вид. «Астон», 2008. С. 53–60.
66. Некоторые наблюдения о «внутриральных каркасах» домонгольских укреплений // КСИА. Вып. 222. 2008. С. 89–90.
67. О следах «косых острогов» X в. на городищах Курской области // СА. 2008. № 3. С. 35–44.
68. Древо-земляные стены домонгольских укреплений // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 2. М., 2008. С. 363–367.
69. Заруб // БРЭ. Т. 10 / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия. 2008. С. 276.
70. Звенигород // БРЭ. Т. 10 / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия. 2008. С. 335, 336.
71. Змиевы валы // БРЭ. Т. 10 / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия. 2008. С. 551.
72. Изяслав // БРЭ. Т. 11 / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия. 2008. С. 62, 63.
73. Изяслав Полоцкий // БРЭ. Т. 11 / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия. 2008. С. 62, 63.
74. Канев // БРЭ. Т. 11 / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия, 2008. С. 718, 719.
75. Этнический состав и духовные предпочтения обитателей летописного г. Снепорода // Вестник Елецкого государственного университета. Сер. Археология. Вып. 23. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. С. 97–127.
76. Листвин // БРЭ. Т. 17 / под ред. С.Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия. 2010. С. 585.
77. Древняя Русь и кочевники Причерноморья // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. С. 62–76.
78. Моргунов Ю.Ю. Оборонительные валы и стены X–XIII вв. по летописным источникам // РА. 2011. № 1. С. 97–105.

79. Любеч // БРЭ. Т. 18 / под ред. С. Л. Кравца. М.: Российская энциклопедия. 2011. С. 218.
80. Домостроительство летописного г. Снепорода // РА. 2011. № 3. С. 154–163.
81. К изучению северянских протогородов // Археология древнерусского города XI–XV веков. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза. Тез. докл. междунар. науч. конф. Рязань, 6–9 апреля 2011 г. М.: ИА РАН, 2011. С. 48–49.
82. О начале «окняжения» Русью юго-западной окраины племенной территории летописных северян // Переяславіка. Наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав». Збірник наукових статей. Вип. 5 (7). Переяслав-Хмельницький, 2011. С. 258–274.
83. Въездные сооружения летописного г. Снепорода // КСИА. Вып. 226. 2012. С. 220–230.
84. Поросский и болоховский регионы Южной Руси // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих культур. Сб. научных статей. Рязань, 2012. С. 200–211.
85. Еще раз о защитных акциях Владимира Святославича на переяславском Левобережье // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький Державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди. Збірник наукових статей. Вип. 31. Переяслав-Хмельницький, 2012. С. 63–75.
86. Городище літописного міста Лохвиці давньоруського, післямонгольського та козацького часів (XII–XIV, XVII–XVIII ст.) // Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область. Лохвицький район). Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012. С. 36, 37. (Соавт.: О. Б. Супруненко.)
87. Лохвиця. Городище-2 та поселення скіфського часу, роменської культури, давньоруського часу (VI–IV ст. до н. е., IX – рубежу X–XI, XII–XIII ст.) // Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область. Лохвицький район. Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012. С. 37–38. (Соавт.: О. Б. Супруненко.)
88. Безсали. Археологічний комплекс: городище і селище давньоруського часу, залишки укріпленої садиби (?) козацької доби (XII–XIII, XVII–XVIII ст.) Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область. Лохвицький район. Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012. С. 85–87. (Соавт.: О. Б. Супруненко.)
89. Бербеницы. Археологічний комплекс: городище і селище давньоруського часу (XII–XIII ст.) // Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область. Лохвицький район). Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012. С. 95–97. (Соавт.: О. Б. Супруненко.)
90. Гаевщина. Археологічний комплекс: городище, селище та курганный могильник роменської культури, давньоруського часу, рештки хутора новітньої епохи (IX–X, XI–XIII, XVIII–XX ст.) // Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область. Лохвицький район). Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012. С. 152–155. (Соавт.: О. Б. Супруненко.)
91. Свиридовка. Археологічний комплекс: городище та поселення епохи бронзового віку, скіфського часу (VI–IV ст. до н. е.), черняхівської культури (кін. III–IV ст. н. е.), слов'яно-руської доби (IX–X, XI–XIII ст.) // Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область. Лохвицький район). Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012. С. 252–256. (Соавт.: О. Б. Супруненко.)
92. Сенча. Археологічний комплекс «Сампсоніїв Острів»: городище та селище – багатощарова пам'ятка з матеріалами седнього бронзового віку, пізньоскіфського і ранньослав'янського часів (IV–III ст. до н. е., V–VIII ст. н. е.), пізнього етапу роменської культури (кін. X – 1 чв. XI ст.) та давньоруського часу (XII – 1 пол. XIII

- ст.) // Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область. Лохвицький район). Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012. С. 261–265. (Соавт.: Ю. О. Пуголовок.)
93. Сенча. Городище-2 – укриття давньоруського часу (XII–XIII ст.) // Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область. Лохвицький район). Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012. С. 268–269. (Соавт.: О. Б. Супруненко.)
94. Еще раз о северянских «протогородах» // Міста Давньої Русі. Збірник наукових праць пам'яті А. В. Кузи / ІА НАН України. Науч. ред. П. П. Толочко. Київ: Стародавній Світ, 2014. С. 116–131.
95. 101. К локализации летописного города Горошина // КСИА. Вып. 236. 2014. С. 139–143.
96. Сложение территории Переяславского княжества // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М. – Вологда: Древности Севера, 2015. С. 331–339.
97. Заметки о «русском» отрезке пути Киев – Болгар // Наукові записки з української історії. Наукові записки. Історичний факультет Переяслав-Хмельницького ДПІ ім. Г. С. Сковороди. Вип. 37. Переяслав-Хмельницький, 2015. С. 3–13.
98. Сложение посульского рубежа Переяславской земли // КСИА. Вып. 241. 2015. С. 284–297.
99. Торческое расселение Переяславской земли // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой. М.: Авторская книга, 2016. С. 304–326.
100. Начало христианизации Переяславской земли // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький Державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди. Збірник наукових статей. Вип. 39. Переяслав-Хмельницький, 2016. С. 25–33.
101. Тарасівка 1: давньоруське літописне місто «Горошин», комплекс у складі городища, укріпленого посаду та селищ // Полтавський краєзнавчий музей: зб. наук. статей. Маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток. Вип. XI. Полтава, 2016. С. 404–410. (Соавт.: Шерстюк В.)
102. Чутівка 1: комплекс у складі городища, укріпленого посаду, селищ та могильника давньоруського часу // Полтавський краєзнавчий музей: збірник наукових статей. Маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток. Вип. XI. Полтава, 2016. С. 410–416. (Соавт.: Шерстюк В.)
103. К трассам кочевых набегов на Южную Русь // Памятники средневековой археологии Восточной Европы / отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2017. С. 201–208.

О нем

Моргунов Юрий Юрьевич // С.П. Щавелев. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009.

Е. А. Армарчук

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ XI–XIV ВЕКОВ: ТРАДИЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ И ПРИВНЕСЕННЫЕ «СТЕПНЫЕ» ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРЫ

В статье пойдет речь об участке восточного побережья Черного моря от Анапы до южных окрестностей Геленджика. От кавказского региона его отделяет цепь хребтов, которые тянутся параллельно берегу и являются водоразделом рек бассейна Кубани и Черного моря. Большую часть этой территории занимают низкие и средневысотные лесистые горы. На севере, возле Анапы, холмы сочетаются с равнинными участками, приближающимися к степным. Три естественные бухты – у Новороссийска, Геленджика и Туапсе – издавна служили удобными гаванями для мореплавателей и стимулировали активную жизнь на своих берегах. Они по сей день являются культурно-хозяйственными очагами, вписанными в побережье. Все это составляет природно-географическую специфику Северо-Восточного Причерноморья, которая обусловила начавшийся здесь с античности синтез культур местного населения, заморских пришельцев и проникавших с севера кочевников-степняков. Такое смешение продолжалось в средневековую эпоху и наиболее заметно в северной части побережья.

Культура населения этого региона в X–XIV вв. по данным археологии варьируется неоднородной. Археологические памятники представлены курганными и грунтовыми могильниками, открытыми и укрепленными поселениями, редкими городищами и крепостями (Крым... 2003. С. 209–224).

Курганные могильники

Курганные могильники преобладают в это время, встречаются на всей территории и изучены лучше остальных памятников. Они делятся на две группы: первая – *биритуальные могильники* XI–XIII вв. с кремационными и ингумационными погребениями под одной или разными насыпями, но в одном могильнике. Вторая группа – *моноритуальные могильники* с ингумационными погребениями XIII–XIV вв. В целом, для этого участка Причерноморья характерно разнообразие курганных погребений, поддающихся следующей дифференциации.

Биритуальные могильники первой группы характеризуются небольшими щелчисто-земляными насыпями диаметром от 4,5 до 8,0–9,0 м, высотой до метра. Обязательно имеют конструкции из каменных плит – обкладки, оградки, вымостки или наброски.

Первый вид погребений в курганах этой группы – кремационные XI–XIII вв., которые являлись основными и доминирующими. Кремации совершались на стороне, прах вместе с вещами, как правило, захоранивался в урнах, реже – в ямках. Урнами служили большие двуручные корчаги, реже – пифосы, а также византийские амфоры с высоко поднятыми ручками и, вероятно, намеренно отбитыми устьями

с узким горлом, затруднявшими ссыпание туда пепла. Сопроводительный инвентарь включал бытовые предметы (ножи, оселки, кресала), украшения (бронзовые браслеты, перстни-печатки, височные кольца, многочисленные бусы) и детали одежды (пряжки, бубенчики, пуговицы), иногда – глиняные кувшины и импортные стеклянные сосуды (кубки, графины). От 30 до 40% кремационных погребений приходится на воинские с оружием; две трети воинских погребений сопровождаются захоронениями боевых коней с упряжью. Оружие в виде сабли и лука со стрелами вместе с кольчужными доспехами укладывалось возле урны или рядом с конем. Таким образом, всаднические погребения со стандартным набором инвентаря выступают как наиболее показательные для курганов первой группы.

Еще нет однозначного этноопределения носителей обряда кремации на данной территории, но превалирует мнение, что это были «касоги» письменных источников (см. ниже).

Второй вид погребений – разнообразные ингумации XI–XIII вв., впущенные в курганы с кремациями. Сопровождающие их конские погребения пока не встречены. Судя по раскопкам, они принадлежат чаще детям, реже – взрослым; снабжаются немногочисленными вещами и, в основном, синхронны кремациям. В их устройстве использовался плиточный камень для обкладки, мощения или перекрытия могил. Усопших ориентировали головой в пределах от восточного до юго-западного секторов. В мужских погребениях обычно ограниченно встречается какое-либо оружие при отсутствии упряжи; в женских – височные кольца и бусы, зеркало, пряслица и ножницы; в детских встречаются нож, кресало, подвески из раковин и единичные бусины.

Иллюстрацией сказанному выступает курган 14 могильника на отроге г. Сапун, раскопанный А. В. Дмитриевым в 1986 г. (Дмитриев, 1987. С. 12–15). Он содержал шесть погребений первых двух видов: два урновых кремационных (№ 4 и 6) и четыре ингумационных (№ 1–3 и № 5), а также ямное погребение лошади с оружием и защитным доспехом (рис. 1–10)¹. Погребения № 1, 2 и 5 принадлежали детям, причем два из них находились выше каменной наброски, будучи более поздними впускными. Погребение № 3 содержало два костяка – взрослого мужчины-воина и подростка – и, вероятно, было основным, хотя за него также можно принять безынвентарное урновое погребение № 6. Погребение лошади сопровождало одно из них.

К погребениям этого вида приближаются грунтовые ингумационные погребения, встреченные в межкурганном пространстве Цемдолинского курганно-грунтового могильника у полы двух курганов. Это парное погребение XII–XIII вв. возле кургана № 1 с закладом-перекрытием из тонких каменных плит, а также два погребения второй половины XIII–XIV в. возле кургана № 12, находившиеся в типичной гробнице – каменном ящике (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 5, 13). В дальнейшем, при распространении методики обязательного вскрытия прилегающих к насыпям участков, число таких погребений может вырасти при раскопках курганных могильников, а их изучение высветит более полную картину.

¹ Рисунки к статье с № 1 по 11 подготовлены для печати Е. Бахаревой, которой автор выражает благодарность. За их основу взяты иллюстрации отчета А. В. Дмитриева (1987).

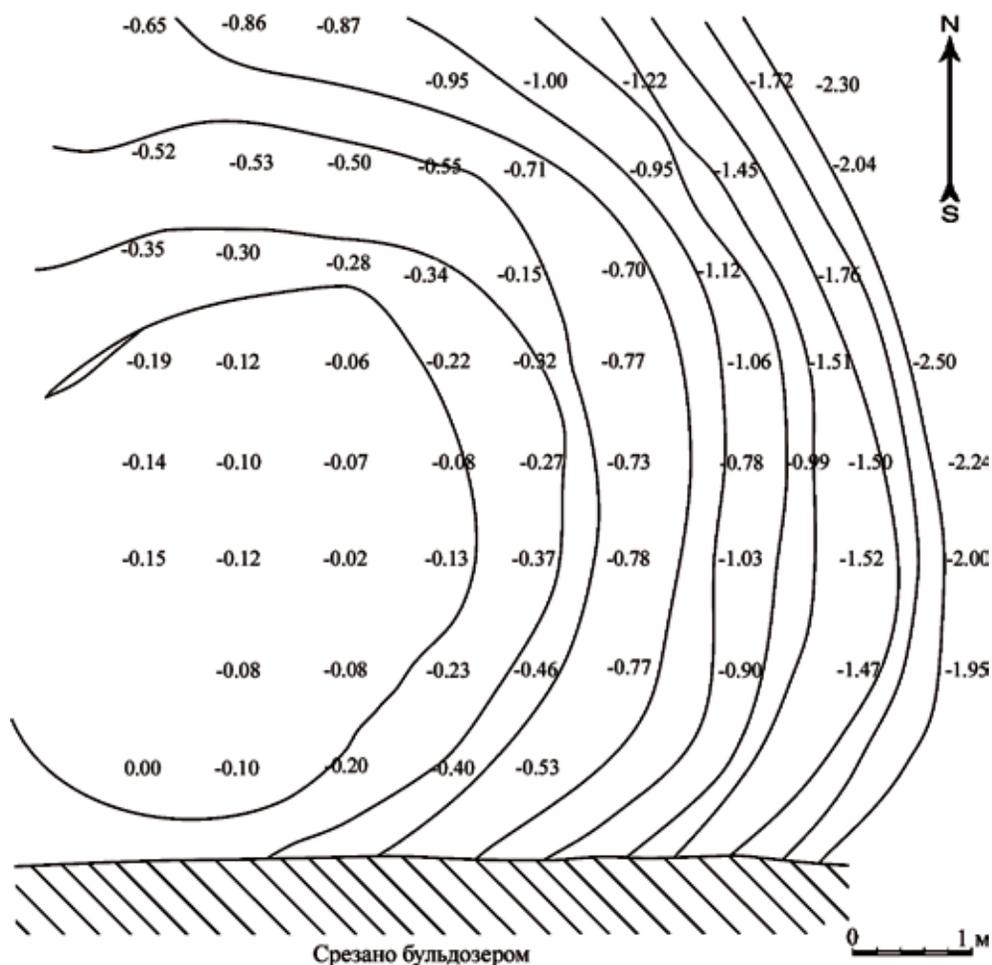

Рис. 1. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14. Топоплан

В целом, погребения второго вида исследователи связывают с «зихами» – населением, фигурирующим по письменным источникам в данном регионе с раннесредневекового времени.

Третий вид погребений – ингумационные ямные захоронения воинов, как правило, с сопровождающим конским погребением. Они встречаются в курганах как с кремациями, так и без них (вкрапленных в могильники этой группы) и датируются в рамках XII–XIV вв. Эти погребения немногочисленны, компактно локализуются от Анапы до станции Раевской и снабжены вещами иного вида. Ориентировка их неустойчивая с преобладанием западной, устройство могил с использованием камня варьируется. Оружие располагалось возле воина и состояло из длинной сабли и стрел, доспехи – из шлема и кольчуги. Умерших иногда снабжали стеклянными сосудами (небольшими кувшинами

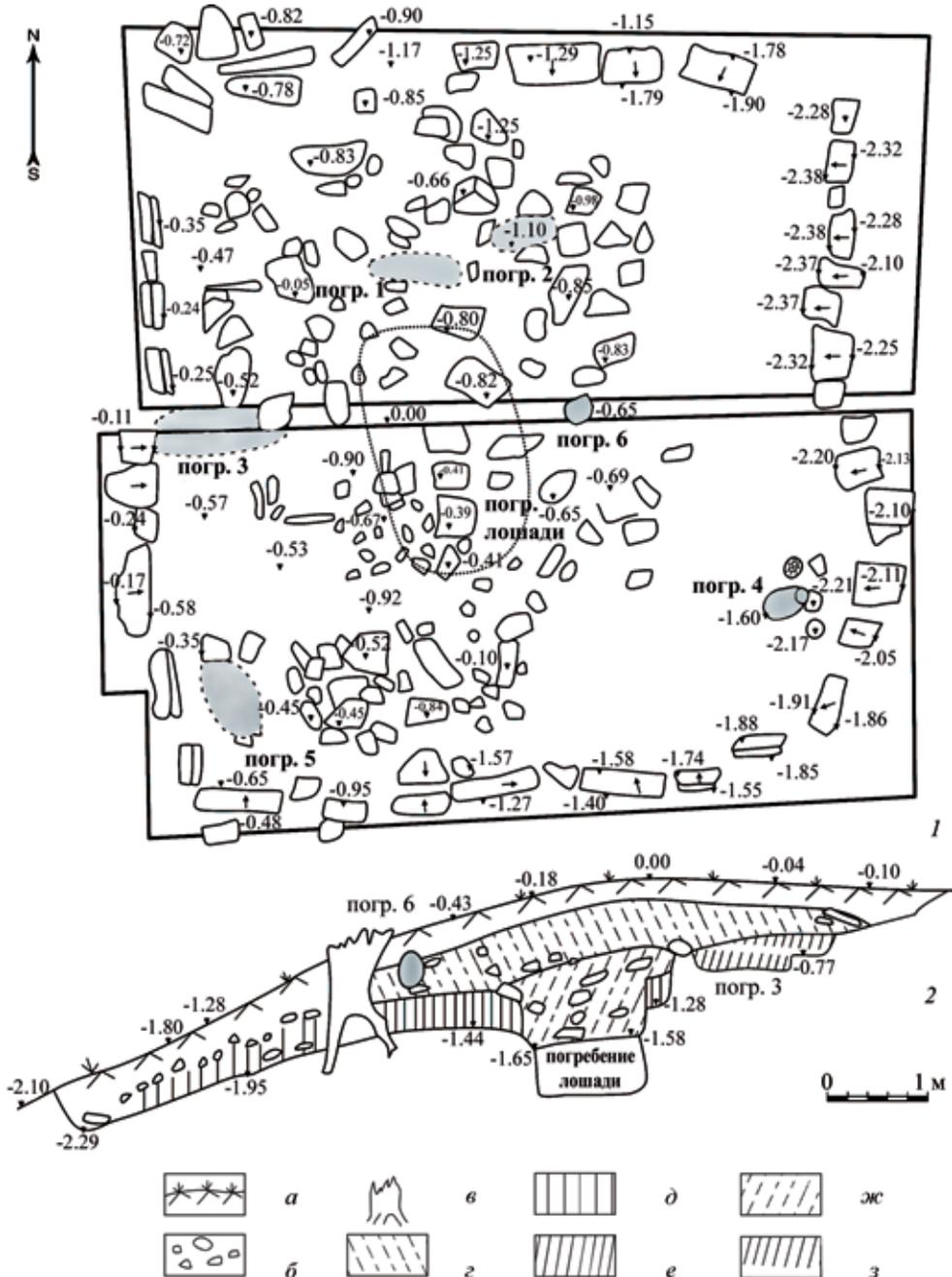

Рис. 2. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14

a – гумус; *б* – камни в насыпи; *в* – дерево; *з* – светлый суглинок; *д* – погребенная почва; *е* – глина материковая прокопанная; *жс* – темный суглинок серого цвета; *з* – темный суглинок обгоревший. 1 – план каменных выкладок под насыпью; 2 – северный профиль бровки

Рис. 3. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14. План погребения 1 на поверхности каменной наброски

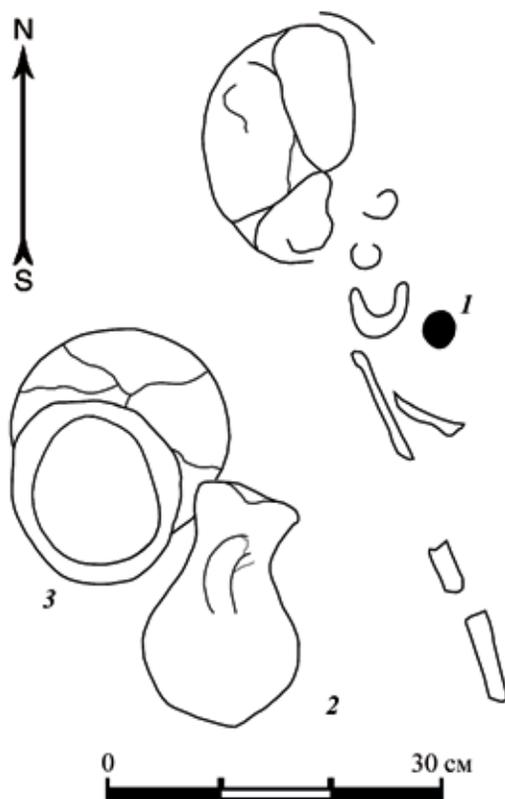

Рис. 4. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14. План погребения 2 под каменной наброской

1 – подвески; 2 – кувшин; 3 - горшок

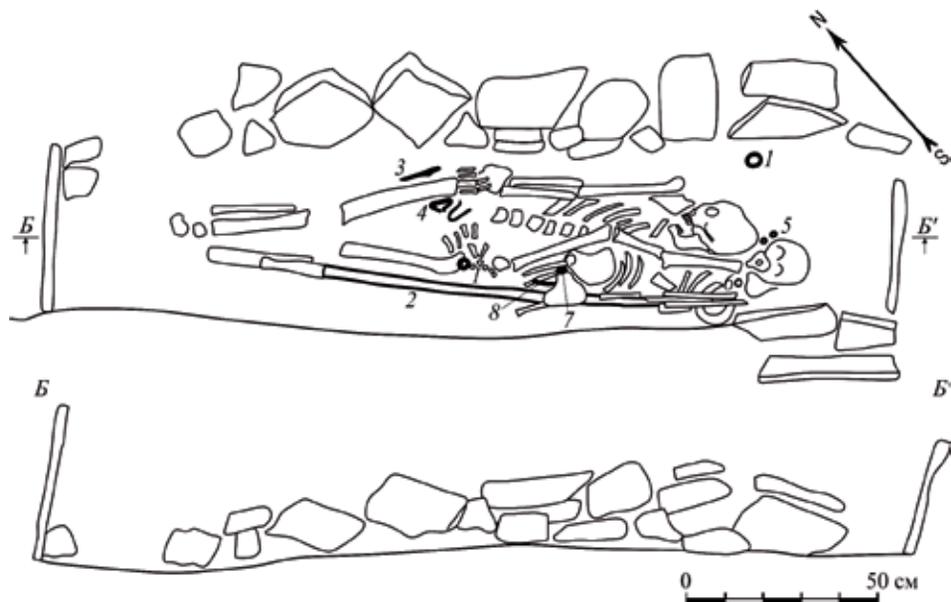

Рис. 5. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14. План и разрез погребения 3 (двух индивидов)

1 – бронзовые кольца; 2 – сабля; 3 – нож; 4 – кресало; 5 – подвески перламутровые; 6 – бусина сердоликовая; 7 – бубенчик; 8 – ножичек

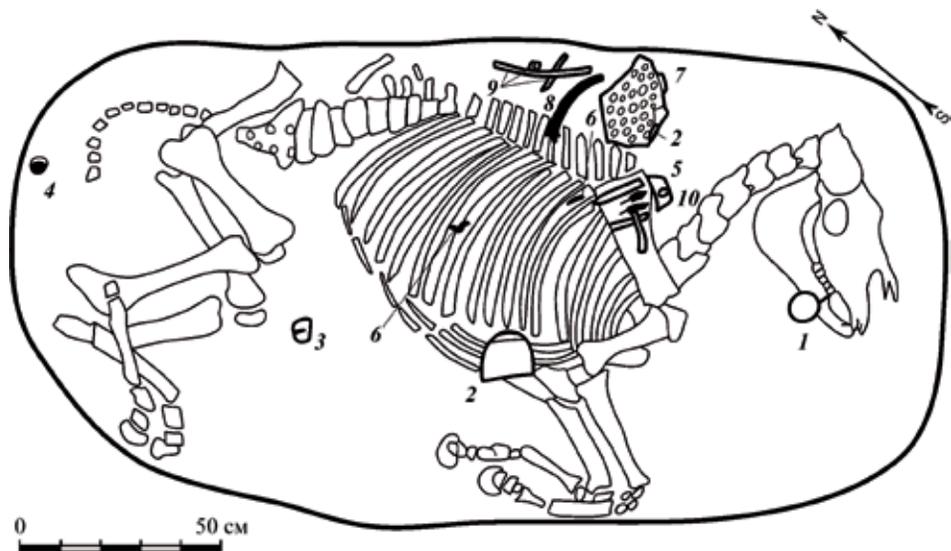

Рис. 6. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14. План погребения лошади глубже погребенной почвы

1 – удила; 2 – стремяна; 3 – пряжка; 4 – бубенчик; 5 – колчан со стрелами; 6 – колчанные петли; 7 – шлем кольчужный; 8 – серп складной; 9 – накладки костяные; 10 – пуговицы

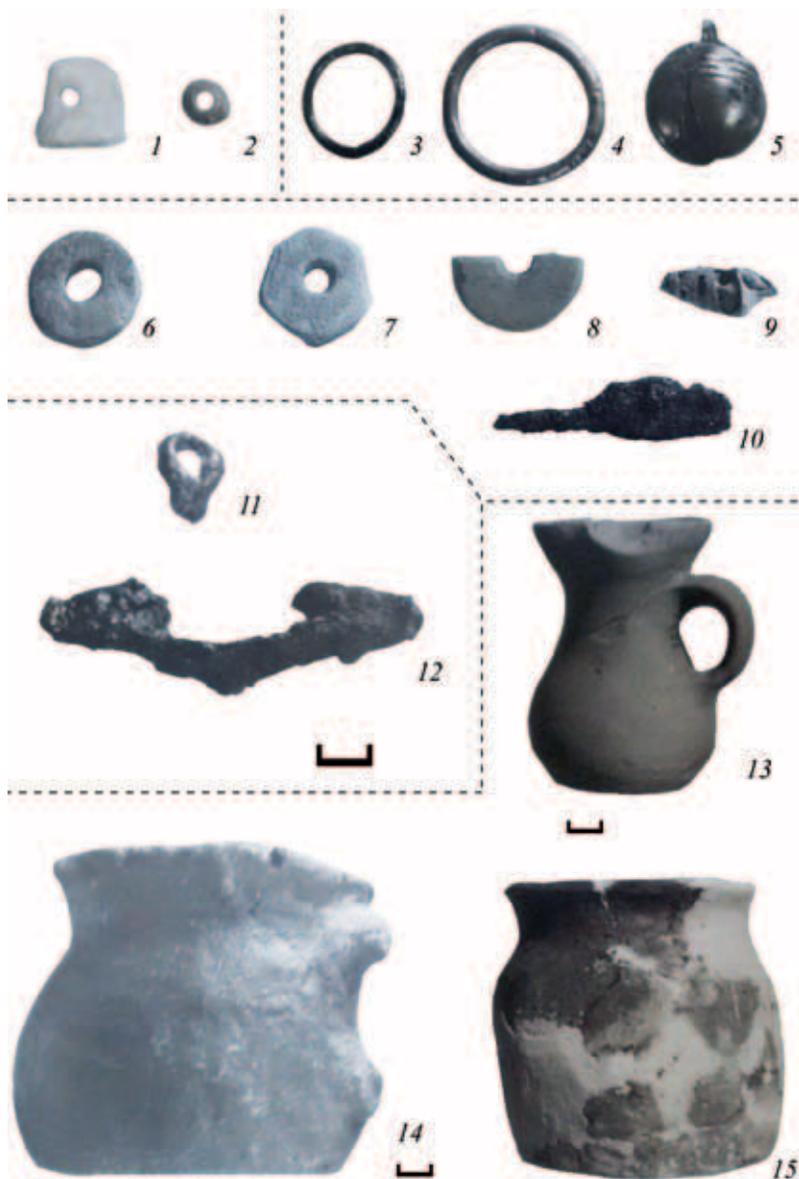

Рис. 7. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14. Погребальный инвентарь

1 – подвеска из камеры; 2 – пастовая бусина; 3, 4 – бронзовые кольца; 5 – бронзовый бубенец; 6–8 – глиняные пряслица; 9 – раковина; 10 – обломок железного ножа; 11 – железная петля сабельных ножен; 12 – железное перекрестие сабли; 13–15 – глиняные сосуды. (1, 2 – из погр. 2; 3–5, 11, 12 – из погр. 3; 6–10 – из погр. 4; 13–15 – из погр. 5)

Рис. 8. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14. Погребальный инвентарь

1, 2, 11 – бронзовые пуговицы; 3 – пуговка из горного хрусталя; 4, 5 – перламутровые вставки-бусины; 6 – сердоликовая бусина; 7 – бусина из заглушенного стекла; 8, 9 – бронзовые кольца; 10 – бронзовый перстень; 12 – кремль для кресала; 13 – обломок железного ножа; 14 – железное кресало; 15 – костяная накладка; 16 – удила; 17 – серп с костяной рукоятью; 18 – сбруйная пряжка; 19 – стремя. (1–9, 11–15 – из погр. 3; 10 – из засыпи могилы погр. 3; 16–19 – железные изделия из погребения лошади)

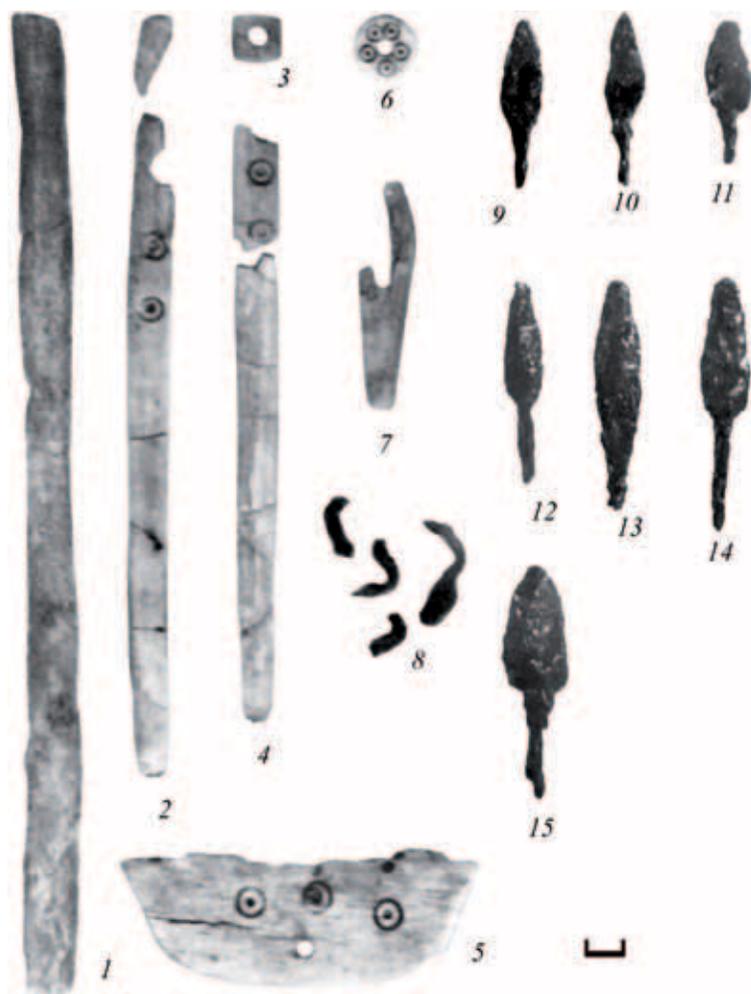

Рис. 9. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14. Инвентарь из погребения лошади

1–6 – колчаные костяные накладки с циркульной гравировкой; 7 – костяная цурка; 8 – остатки железных петель колчана; 9–15 – железные наконечники стрел

и стакановидными кубками) или глиняными кувшинами с питьем. Упряжь представлена стременами и удилами; в двух случаях обнаружены остатки седел с орнаментированными костяными обкладками и металлическими украшениями.

Такие погребения попались в могильниках: на хуторе казака Кобзы к западу от станицы Раевской (Сизов, 1889. С. 100–102) и на юртовой земле этой станицы (ОАК за 1894. С. 96, 97); под Анапой – на г. Макитре (курганы № 2 и 5) и у дороги на Варваровку (курганы № 2 и № 5) (ОАК за 1894. С. 82; ОАК за 1895. С. 27, 136, 137); Цемдолинском под Новороссийском (погребения 5, 16 и 21) (Армарчук, Малышев, 1997. С. 110–112. Рис. 3, 6–8).

Рис. 10. Могильник на отроге г. Сапун, курган 14. Гончарный кувшин из погребения 2

От них отличается своеобразием могильник к северу от станицы Раевской у «Ногай-кале» (Раевского городища), на берегу р. Масхаги. Во-первых, все шесть его насыпей не имели выступающих на поверхность камней в отличие от многих распространенных здесь других курганов. Во-вторых, из трех раскопанных насыпей две содержали среди прочих погребения в дубовых колодах с западной и восточной ориентировкой (Сизов, 1889. С. 98–100. Рис. 20, 21; Крым... 2003. Табл. 96, 17). Еще один курган, видимо, этого же могильника был раскопан в 1985 г.: из шести его погребений одно находилось в дощатом гробу с восточной ориентировкой и сопровождалось погребением коня, другое – в дубовой колоде (рис. 11) (Дмитриев, 1986. С. 56–60. Рис. 524, 562–566; Крым... 2003. С. 221. Табл. 96, 16).

Добавлю, что захоронения в деревянных гробах некогда встретились Н. И. Веселовскому в курганах у станицы Белореченской в Западном Закубанье, но в другом контексте, т. е. сочетаясь с иными элементами погребального обряда, насыщенным инвентарем XIV–XV вв. и без сопровождающих конских погребений (ОАК за 1896. С. 2–10).

Начиная с В. И. Сизова, исследователи углядели в погребениях третьего вида кочевнические, но трактовать их как «половецкие» или связанные с половецким объединением позволили дальнейшие исследования в Причерноморье, на Северо-Западном Кавказе и Ставрополье (Сизов, 1889. С. 148–150; Плетнева, 1958. С. 173; Алексеева, 1959. С. 29–30; 1964. С. 183; Минаева, 1964. С. 167–171, 174–175; Федоров-Давыдов, 1966. С. 250–251, 257; Дмитриев, 2008б. С. 420; Армарчук, Мальшев, 1997. С. 110–112; Федоров, Армарчук, 2006. С. 336–341).

Четвертый вид погребений в курганах первой группы – впускные, в каменных ящиках, датируемые XIII–XIV вв. (о них – чуть ниже).

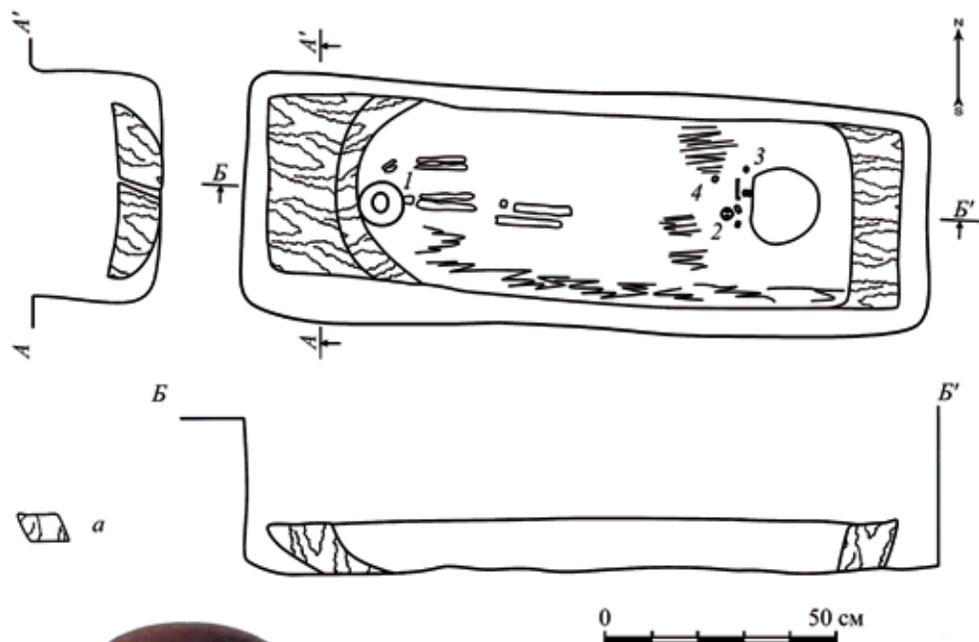

Рис. 11. Могильник возле совхоза «Раевский», курган 1, погребение 3. Планы и разрезы (по: Дмитриев, 1986). Кувшин с рифлением из погребения

a – дерево; 1 – кувшин; 2 – подвеска; 3 – бусы; 4 – бубенчик

1

Земляные и щебнисто-земляные *моноритуальные курганы второй группы* с ингумациями XIII – начала XV в. отличаются более крупными насыпями диаметром от 6–8 до 10–12 м, высотой от 0,2 до 1–2 м. Они также бывают обложены по подошве рваным камнем.

Первый вид погребений этой группы – в каменных ящиках с плоским перекрытием, размещенные на древнем горизонте или вкопанные в материк. Для сооружения ящика обычно применялось 6 каменных плит, – по две в продольных и по одной в торцевых стенках. Детальное сравнение таких гробниц еще

не проводилось, но складывается впечатление, что более поздние их варианты собраны тщательнее, из более толстых и аккуратно подтесанных плит. В целом, использование каменных ящиков в погребальном обряде зафиксировано здесь с эпохи бронзы; непрерывно продолжаясь по средневековью, например, в могильнике Бжид такие ингумации выявились на раннем участке второй половины III – первой половины IV в., а в VI–VII вв. они уже преобладали среди ингумаций (Дмитриев, 1987. С. 41; Гавритухин, Пьянков, 2003а. С. 189).

Доминирует западная и южная ориентировка погребений в каменных ящиках. В этих курганах нет сопровождающих конских захоронений, а в могилах отсутствует конская упряжь. Мужчинам клали оружие (саблю, стрелы), доспехи (шлем) и бытовые предметы в прежнем комплекте; женщинам – украшения, туалетный набор из копоушки и ногтечистки, зеркало, предметы рукоделия и обихода; детям – ножичек. В них нередко обнаруживаются золотоордынские фельсы и дирхемы чеканки ханов Токты, Узбека, Бердибека, Джанибека и др. (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 41, 42. Рис. 44, 22, 23; 57, 24).

Характерными признаками погребений этого вида являются, во-первых, неоднократные подзахоронения, нарушавшие положение костей предыдущих погребенных; во-вторых, почти обязательное присутствие в могилах сосудов с питьем. Это, главным образом, гончарные красно- и оранжевоглиняные кувшины и кружки с выделенным сливом против ручки или под углом в 90 градусов к ней (так называемый слив на себя). Они украшались полосчатым лощением или частым рифлением-расчесами. Изредка в этих погребениях встречаются импортные поливные чаши и кувшины, изготовленные в Крыму и Византии (Армарчук, Дмитриев, 2017. С. 499–509. Рис. 1–8, 9, 1, 3). Наряду с глиняными сосудами или вместо них у ног или бедра покойников иногда ставились стеклянные расписные конические кубки без ножки (рис. 12; 13) (Крым... 2003. Табл. 102, 6).

Второй вид – воинские захоронения, относящиеся к концу XIII – началу XIV в., без сопровождающих конских. Представлены двумя погребениями в каменных ящиках у Новороссийска. Раскопанное в 1978 г. в поселке Мысхако мужское погребение занимало верхний ярус в каменном ящике, где нижнее погребение принадлежало женщине. На местном фоне оно необычно деталями обряда: обернутого в кожу покойника уложили на слой коры головой на северо-запад, лук и колчан разместили поверх этого кожаного «покрывала». Колчан, деревянный с тыла и берестяной с лица, имел костяные накладки с гравировкой; в нем остриями ко дну лежали стрелы с берестяной обмоткой древков (Дмитриев, 1978. С. 9 и сл. Рис. 61–65; Крым... 2003. Табл. 96, 15, 102, 15)².

Другое погребение воина-лучника раскопал В. И. Сизов на могильнике в долине реки, у подножья горы Мысхако. Оно имело северо-восточную

² Такие стакановидные кубки с эмалевой росписью изготавливались в XIII – начале XIV в. в Сирии и активно экспортировались, например, в страны Восточной Европы, в т. ч. Древнюю Русь, где обычно обнаруживаются в нерядовых комплексах столичных и княжеских центров (см., напр.: Кузина, 2015. С. 149–157; Стрикалов, Кузина, 2015. С. 263–270, 360). Элементы орнамента данного кубка имеют аналогии на изделиях групп «Алеппо» XIII в. и «Дамаск» 1250–1310 гг. (Lamm, 1929–1930. Т. 115, 3; 117, 2; 142, 5, 8, 15). Автор признательна за консультацию И. Н. Кузиной.

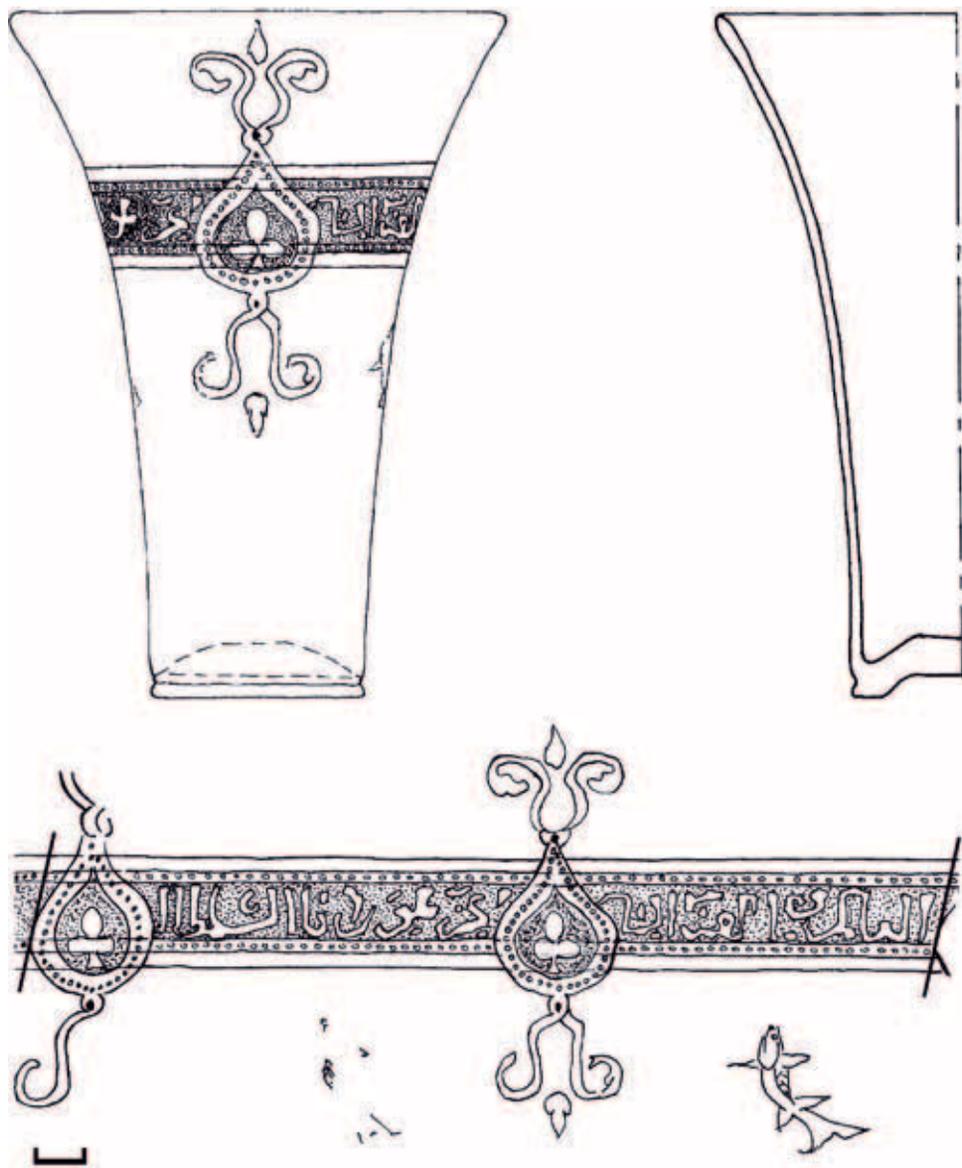

Рис. 12. Стакан желтоватого стекла с росписью цветными эмалями и золотом. Могильник на отроге г. Сапун, курган 6, погребение 2 в каменном ящике. Рисунок Ю. Тимошиной

ориентировку и содержало деревянный колчан со стрелами, обложенный характерными костяными накладками «кипчакского» типа с пышным резным узором, включающим фигурки копытных (?) животных помимо других выразительных элементов орнамента (Сизов, 1889. С. 74, 143. Табл. X, 1–20; Крым... 2003. Табл. 102, 24–27).

В целом, курганы второй группы демонстрируют появление новых типов вещей и посуды и меньшее разнообразие погребений на исследуемой территории в золотоордынское время. Необычные по обряду (первое) и инвентарю (оба) погребения второго вида говорят о присутствии новых составляющих среди местного населения и в его культуре.

Грунтовые могильники

Пока раскопками изучено лишь несколько грунтовых могильников в регионе. Совокупно они датируются в пределах X – начала XV в. и локализируются к северу и югу от Анапы. Один из них, у станицы Гостагаевской, включал погребения как в каменных ящиках, идентичные вышеописанным, так и в обложенных камнем грунтовых ямах (в соотношении примерно 3 : 1), датированные XIII–XV вв. (*Алексеева, Шавырин*, 1980. С. 5 и сл.). Другой могильник, в урочище Андреевская щель, сочетал кремационные и ингумационные погребения X–XII вв. Отсюда происходит богатый, вероятно, княжеский комплекс оружия и парадной конской упряжи конца XI – начала XII в., показательной для позднеаланской культуры Северного Кавказа (*Новичихин*, 1998. С. 4–5).

Поселения

Поселения X–XIII вв. многочисленны, как и курганные могильники, но плохо сохранились и мало изучены раскопками. Для них характерен маломощный культурный слой, зачастую переотложенный современной распашкой. Тем не менее, в отличие от погребений они позволяют наиболее полно охарактеризовать керамику Северо-Восточного Причерноморья этого времени (*Армарчук*, 2017. С. 4–41). Материал X–XII вв. происходит с поселений 1 и 2 в Андреевской щели, рекогносцировочно исследованных А. М. Новичихиным (1991. С. 21–28; 1996). Это коричневоглиняные кувшины «тмутараканского времени» с высоким прямым горлом, пифосы с мелким внешним рифлением, красно- и светлоглиняные кувшины с полосчатым и сетчатым лощением тулова и ойнохойевидным сливом, амфоры и лепные кухонные горшки. Горшки украшались насечками, наколами, выемками по венчику, насечками и оттисками по плечикам.

Посуда XII–XIII вв. получена с поселений Су-Псех 2 и Утришское под Анапой, Глебовское и Борисовка у Новороссийска. В этот период последовательно использовались амфоры двух распространенных в Причерноморье типов – с высокоподнятыми ручками и веретенообразным туловом и с дуговидными ручками и раздутым туловом. Для этого времени характерны крупные привозные красноглиняные пифосы с реповидным корпусом и наlepными орнаментированными валиками или каннелюрами на плечиках, а также пифосы меньших размеров местного изготовления; крупные кувшиновидные сосуды с мелким внешним рифлением, одноручные столовые кувшины. Продолжают бытовать лепные сероглиняные кухонные горшки с декорированным венчиком и столовые светлоглиняные кувшины с полосчатым лощением и ойнохойевидным сливом.

Рис. 13. Стекланный кубок с росписью цветными эмалями и золотом из погребения в каменном ящике. Могильник на отроге г. Сапун, курган 6. Фото автора раскопок А. В. Дмитриева

Керамику XIII–XIV вв., известную преимущественно благодаря раскопкам погребений в каменных ящиках, дополняет небольшая коллекция из Гостицаевского поселения (Новичихин, 1993. С. 138–145. Рис. 2, 5). Разнообразные красно-оранжевые и коричневоглиняные кувшины с этого памятника отличаются более грубой выделкой, рифлением и вертикальным лощением, валиками и желобками под венчиком. Небольшой процент посуды принадлежит импортным поливным чашам с желтой, коричневой или зеленой глазурью по светлому фону или кувшинам с глазурованным верхом и характерно прищипленным сливом (см. аналог: Армарчук, Дмитриев, 2017. Рис. 9, 3).

Как правило, поселения несут информацию о домостроительстве, но по названным выше причинам, она весьма ограничена для рассматриваемого региона. Так, на копавшихся поселениях Глебовское и Борисовка явные следы жилищ и остатки конструкций не обнаружались. Однако косвенные данные – неоднократно попадавшиеся там куски глиняной обмазки турлучных построек – говорят о специфическом домостроительстве, в большей степени свойственном полукучевым и недавно перешедшим к оседлости народам. В противоположность этому на Гостагаевском поселении XI–XV вв., к которому примыкал Гостагаевский могильник, были зафиксированы остатки каменных кладок строений и каменные цоколи стен (*Новичихин, 1993. С. 139–145*). Исходя из названных признаков, Гостагаевский комплекс памятников следует отнести к местному, зихскому населению.

В итоге, из археологических данных культура населения Северо-Восточного Причерноморья X–XIV вв. выступает неоднородной. *Традиционными чертами* в ней можно считать следующие:

1. Обряд ингумаций в могилах с каменными конструкциями – ящиками, внешними выкладками, перекрытием ям и др. (второй и четвертый виды первой группы, первый вид второй группы). Такое применение камня зафиксировано в Северо-Восточном Причерноморье, по меньшей мере, с III–IV вв. Этот обряд на пестром фоне других вариантов преобладал в V–VII вв. в могильниках Бжид и Борисово, хорошо изученных раскопками. Исследователи отождествляют носителей данного обряда с местным этническим компонентом – «зи-хами» средневековых письменных источников (Прокопий Кесарийский и др.). В VIII–IX вв. ингумации внезапно и массово потесняются кремациями, которые устойчиво бытовали до XIII в. (о них – ниже). Свидетельства местного влияния в погребальной практике этого времени дает Борисовский могильник, где остатки большинства трупосожжений захоронены в каменных ящиках. В то же время, прах почти всех кремаций IX в. в могильнике Дюрсо находился в грунтовых ямах без наличия камня в каком-либо виде (*Дмитриев, 2003. С. 206*).

На мой взгляд, местному, а не пришлому населению следует приписать, во-первых, впускные ингумационные погребения второго вида в биритуальных курганах XI–XIII вв., во-вторых, погребения первого вида в моноритуальных курганах XIII–XIV вв. и, в-третьих, ингумационные погребения в грунтовых могильниках. В устройстве могил этих погребений традиционно и разнообразно использовался камень.

2. Керамический комплекс, то есть ведущие формы и технология изготовления посуды. Красноглиняная гончарная посуда (одноручные кувшины со сливом и яйцевидным туловом, кружки и кувшинчики, корчаги с внешним рифлением) продолжает прежнюю линию развития.

3. Торгово-экономические связи с Византией, прежде всего, ее малоазийской частью, и Крымом, осуществляемые посредством морской торговли. Они тоже имеют корни в раннем средневековье, когда в V–VII вв. предметами импорта в Северо-Восточное Причерноморье были бусы, краснолаковые миски, стеклянные рюмки и амфоры. Черноморская торговля в средневековое тысячелетие была неровной, имела взлеты и падения, но с X по первую половину XV в. находилась в фазе устойчивого подъема. Большую роль в ней играл Трапезунд на южном побережье Ромейского (Черного) моря.

В X–XIII вв. в Северо-Восточное Причерноморье старыми путями продолжал поступать товар в пифосах из Крыма и амфорах триллийской группы (вторично использовавшихся в качестве погребальных урн, о чем говорилось выше). В XIII–XIV вв. из Крыма и Византии привозилась поливная посуда, встречаемая в ингумациях, в том числе, в каменных ящиках. Косвенным доказательством этих связей являются византийские монеты, изредка обнаруживаемые в погребениях под Новороссийском, – например, пробитые медные XII–XIII вв., золотая Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.). Их единичные экземпляры свидетельствуют, что денежные отношения не получили здесь распространения, к тому же монеты могли попадать опосредованно, с Кавказа или из Тмутаракани.

4. Сохранение кавказских, материковых, связей. Во-первых, об этом говорит налаженный в XI–XII вв. ввоз стеклянной посуды армянского и грузинского производства. Это кубки на ножке, стаканы, кувшинчики с ручкой и узкогорлые графины бесцветного стекла с накладным декором или выдутые в орнаментированную форму. В XIII–XIV вв. сменились типы и поставщики стеклянной посуды, ее стали доставлять преимущественно из Средиземноморья. Для этого времени характерны стаканы конической формы: бесцветные с эмалевой росписью в виде рыбок или птиц и псевдоэпиграфическими бордюрами, которые изготавливались в Сирии с XII в. и в мамлюкском Египте в XIII–XIV вв., а также стаканы цветного стекла с рельефным накладным декором.

Во-вторых, о связях с Северным Кавказом говорит аланское влияние, которое хорошо прослежено по такой категории, как упряжь (шире – в металлообработке и кузнечестве). Кстати, в XI–XII вв. стекло из Закавказья шло через Аланию, контролировавшую горные перевалы на торговых путях.

К «степным» элементам или явлениям степного происхождения относятся следующие слагаемые культуры Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв.:

1. Субкультура носителей кремационного погребального обряда, пришедших сюда в эпоху Хазарского каганата. Представлена основными погребениями биритуальных курганных могильников XI–XIII вв. (первый вид первой группы). Оставившему их сообществу свойственна этническая замкнутость, главенствующая роль всадничества, дружинная воинская организация. Его материальную культуру отличает разнообразие и большое количество оружия (в том числе, клинкового) и упряжи развитых форм, что характерно для кочевников Евразии, но не было свойственно местному населению.

Обряд трупосожжения массово появился здесь и в соседнем Западном Закубанье в VIII в. На основе идентичных признаков погребального обряда и инвентаря кремации обоих регионов объединены исследователями в «кубано-черноморскую группу кремаций». Носителем этого обряда был «сплоченный и хорошо вооруженный народ», чье происхождение не совсем ясно, как отметили авторы археологического обзора Северо-Восточного Причерноморья периода VIII–IX вв. (*Гавритухин, Пьянков, 2003б. С. 198*). Они обоснованно писали о чертах материальной культуры этого народа, связанных с евразийским кочевым миром. Эти черты, как и сами кремации, устойчиво сохраняются в дальнейшем до середины – второй половины XIII в.

Носителей такого обряда отождествляют по-разному: с «касогами» русских летописей («кашаками» арабских источников) (*Гавритухин, Пьянков, 2003б.*

С. 199; Армарчук, 2003. С. 225; Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 55); тюркоязычной (Дмитриев, 1978. С. 48, 49) либо угорской (Тарабанов, 2008. С. 525–526; Дмитриев, 2003. С. 206) группировкой, переселенной сюда каганом для укрепления рубежей Хазарии.

Замечу, что первоначально А. В. Дмитриев объяснял появление на Северо-Западном Кавказе в середине VIII в. некой тюркоязычной группы, практикующей трупосожжения, сложностью обстановки в Южной Сибири (из-за завоеваний арабов и уйгуров). Однако последующее распространение в Северо-Восточном Причерноморье подкурганных урновых кремаций в сочетании с погребениями коней он связал с новой волной кочевников, не назвав конкретные этнические группировки. Это проясняет, казалось бы, его противоречивые взгляды на данный вопрос, так и высказанную им позднее иную, «угорскую» версию.

Думаю, в дальнейшем важную роль в этническом определении сыграют выводы антропологии, заметно продвинувшейся на данном этапе в изучении костных остатков уже не только ингумаций, но и кремаций.

2. Курганный обряд. Неясно, когда именно он появляется в Северо-Восточном Причерноморье, так как здесь почти не изучен период X–XI вв. – своего рода археологическая лакуна. Однако уже с конца XI в. курганы существовали на данной территории. Причины их появления пока не известны и за пределы гипотез не выходят. Возможно, распространение курганов связано с приходом каких-то новых кочевнических группировок в здешние места, но по вещам они не улавливаются, в отличие от половецко-кипчакского проникновения, пусть и незначительного. Также причины могут крыться в иной, мировоззренческо-идеологической сфере.

3. Половецкое (кипчакское) присутствие доказывают ингумационные погребения с конем XII–XIII вв. (третий вид в могильниках первой группы) и погребения воинов-лучников рубежа XIII–XIV вв. (второй вид в могильниках второй группы). Они содержали показательные вещи – седло и колчаны с костяными орнаментированными обкладками тех типов, которые часто находят именно в половецких захоронениях. Постепенную инфильтрацию половец в местную среду прервало татаро-монгольское нашествие и его последствия, в том числе перемещения разноэтничных групп в составе Золотой Орды.

В последнее десятилетие в научный оборот активно вводятся кочевнические погребения Западного Предкавказья, но научные интересы их публикатора не выходят за пределы Прикубанья и не затрагивают Северо-Восточное Причерноморье, за исключением Таманского полуострова (Чхаидзе, 2007. С. 66–69). Адекватным является подход В. Н. Чхаидзе к предкавказским кочевническим памятникам (их деление на степные и предгорные), но, на мой взгляд, преждевременным выглядит объяснение массового появления курганов в предгорьях из-за татаро-монгольского нашествия (Чхаидзе, 2009. С. 420, 421). Ранее так же объяснял массовое распространение курганов в Северо-Восточном Причерноморье А. В. Дмитриев (1987. С. 41). Полагаю, что такое мнение может вытекать только из хронологической классификации средневековых курганов и кочевнических древностей региона, но она еще не предложена этими исследователями.

Следующая ситуация наблюдается у краснодарского исследователя Ю. В. Зеленского: он издавна публикует статьи о встречаемых в Прикубанье и Закубанье кочевнических, в том числе половецких погребениях и древностях, но,

к сожалению, пока воздерживается от давно назревшей обобщающей работы (Зеленский, 1998а; 1998б; 2009. С. 140–142; Голубев, Зеленский, 2012. С. 17–20).

4. Отсутствие долговременных поселений и капитального домостроительства. Здесь тоже существуют проблемы в связи с недостаточной изученностью селищ. Учитывая заметное присутствие в Северо-Восточном Причерноморье в VIII–XIII вв. носителей обряда трупосожжения, по специфическим признакам можно осторожно предполагать их полукучевой образ жизни в недавнем прошлом. Этим можно объяснить вытекающее отсюда отсутствие долговременных стационарных поселений с капитальными жилищами на этой территории. Однако у нас пока нет необходимых данных для твердых выводов по этому вопросу, и он требует дальнейшего изучения, включая раскопки.

С конца XIII в. в Северо-Восточном Причерноморье набирают силу новые явления. Они вызваны образованием и ростом Золотой Орды и включением этой территории в ее сферу. Противоречия, о которых шла речь в этой статье, сглаживаются, меняет свой облик материальная культура, а население становится более однородным.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. И.*, 1959. Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // Тр. Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. III (серия историческая). Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство. С. 3–83.
- Алексеева Е. И.*, 1964. Материальная культура черкесов в средние века // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV (серия историческая). Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во. С. 146–252.
- Алексеева Е. М., Шавырин А. С.*, 1980. Отчет о работе Анапской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9485, 9485а.
- Армарчук Е. А.*, 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья. Некоторые вопросы этнической истории // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука. С. 224–226.
- Армарчук Е. А.*, 2017. Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков. М. – СПб.: Нестор-История. 95 с.
- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В.*, 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. Курганные могильники // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука. С. 216–224.
- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В.*, 2014. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М. – СПб.: Нестор-История. 131 с.
- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В.*, 2017. Поливная посуда XIII–XIV веков из Северо-Восточного Причерноморья // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. Казань – Кишинев: Ин-т археологии им. А. Х. Халикова, АН РТ. Ун-т Высшая антропологическая школа. С. 499–512.
- Армарчук Е. А., Малышев А. А.*, 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. III. Армавир – Москва: Армавирский краеведческий музей. С. 92–114.

- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / отв. ред. С. А. Плетнева, Т. И. Макарова. М.: Наука, 2003. 533 с. (Археология).
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В.*, 2003а. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.). Могильники III–IV веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука. С. 187–190.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В.*, 2003б. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.). Древности и памятники VIII–IX веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука. С. 195–200.
- Голубев Л. Э., Зеленский Ю. В.*, 2012. Новая находка половецкого каменного изваяния из степного Прикубанья (Выселковский район) // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар: Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына; Краснодарский гос. университет культуры и искусства. С. 17–20.
- Дмитриев А. В.*, 1978. Отчет о раскопках могильника на ул. Днестровской в г. Новороссийске и обследовании Тонкого мыса в Геленджике // Архив ИА РАН. Р-1. № 7072.
- Дмитриев А. В.*, 1986. Отчет о исследовании памятников в зоне сооружения оросительных систем с/х «Раевский» близ Новороссийска в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10757.
- Дмитриев А. В.*, 1987. Отчет о исследовании памятников в зоне строительства ЛЭП завода «Прибой» и в зоне сооружения оросительных систем с/х «Раевский» близ г. Новороссийска. 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11598, 11598а.
- Дмитриев А. В.*, 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука. С. 200–206.
- Дмитриев А. В.*, 2008а. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX веков в районе Новороссийска-Геленджика // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли. С. 201–202.
- Дмитриев А. В.*, 2008б. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли. С. 420.
- Зеленский Ю. В.*, 1998а. Типология сопроводительного инвентаря из половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар: Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. С. 32–37.
- Зеленский Ю. В.*, 1998б. Половецкие погребения из Прикубанья и Закубанья // Древности Кубани. Вып. 6. Краснодар: Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. С. 16–22.
- Зеленский Ю. В.*, 2009. Формирование коллекции половецких каменных изваяний Кубанского войскового этнографического и естественноисторического музея // V Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 140–142.
- Кузина И. Н.*, 2015. Импортные стеклянные сосуды из раскопок во Владимире в 2007 г. // РА. № 4. С. 149–157.

- Минаева Т. М.*, 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // *Материалы по истории Северного Кавказа*. Вып. II. Ставрополь. С. 167–196.
- Новичихин А. М.*, 1991. Отчет об охранных раскопках средневекового могильника Андреевская щель и археологических разведках в окрестностях с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края в 1991 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 16258.
- Новичихин А. М.*, 1993. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // *Древности Кубани и Черноморья*. 1. Краснодар: Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. С. 138–145.
- Новичихин А. М.*, 1996. Отчет об исследовании археологических памятников в Андреевской щели у с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края в 1995 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 19292, 19293.
- Новичихин А. М.*, 1998. Итоги работ археологического отряда Анапского музея в 1991–1995 гг. // *Древности Кубани*. Апрель 1998 г. Краснодар: Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. С. 4–5.
- ОАК за 1894 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1896.
- ОАК за 1895 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1897.
- ОАК за 1896 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1898.
- Плетнева С. А.*, 1958. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // *МИА*. № 62. М.–Л.: Изд-во АН СССР. С. 151–226.
- Сизов В. И.*, 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°. 183 с. (Материалы по археологии Кавказа. Вып. II).
- Стрикалов И. Ю.*, *Кузина И. Н.*, 2015. Новая находка импортного стеклянного сосуда из Переяславля Рязанского // *КСИА*. Вып. 240. С. 263–270, 360 (цв. илл.).
- Тарабанов В. А.*, 2008. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли. С. 525–526.
- Федоров-Давыдов Г. А.*, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского университета. 74 с.
- Федоров О. В.*, *Армарчук Е. А.*, 2006. Половцы в Северо-Восточном Причерноморье: археологические свидетельства // *Первая Абхазская Международная археологическая конференция*. Сухум: Абхазский гос. университет; Управление охраны историко-культурного наследия; Абхазский институт гуманитарных исследований АНА; Абхазский гос. музей. С. 336–341.
- Чхаидзе В. Н.*, 2007. К вопросу о появлении половцев на Таманском полуострове // *Археологический журнал*. № 1. Армавир: ЦАИ Армавирского гос. педагогического ун-та. С. 66–69.
- Чхаидзе В. Н.*, 2009. Кочевники XI–XIV вв. в степном Предкавказье: вопросы терминологии и этнической принадлежности // *V Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции*. Краснодар: Кубанский гос. университет. С. 419–423.
- Lamm C. J.*, 1929. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnitarbeiten aus dem Nähen Osten*. Berlin: Dietrich Reimer. 2 Bd. (Forschungen zur islamischen Kunst, 5).

Д. Ю. Бадеев

ИЗМЕНЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА ПО ДАННЫМ ГЕОИНФОРМАТИКИ

Болгарское городище – археологический памятник X–XV вв., располагается в регионе Западного Закамья, на территории Спасского района Республики Татарстан (Российская Федерация). Этот археологический комплекс принято связывать с историческим городом Болгар, в X – начале XIII в. являвшимся одним из ключевых городов Волжской Болгарии: именно здесь в 922 г. волжскими болгарами был принят ислам в качестве государственной религии, а после монгольского нашествия 1236 г. и включения Волжской Болгарии в состав золотоордынского государства, Болгар выступал как административный центр Болгарского улуса Золотой Орды и был вовлечен в происходящие политические внутриордынские события. Говоря о динамике изменения городской территории средневекового Болгара, следует описать топографию местности и ландшафт, в котором происходило формирование и развитие городской среды. Город размещался на мысовой площадке, образованной с севера краем высокой надпойменной террасы (около 30 м), с востока и юго-востока глубоким оврагом, в более позднее время получившим название Большого Иерусалимского. Перепад высот на площадке надпойменной части не превышает 5 м. Кроме того, надпойменная терраса содержала значительное количество сезонных водоемов и стоков. По материалам многолетних археологических исследований, А. П. Смирновым была разработана стратиграфическая шкала Болгарского городища, позволяющая связать любой участок исследования с определенным периодом в истории города. Шкала включает в себя VII слоев, связанных с историческими этапами как Поволжского региона, так и Восточной Европы в целом: слои I–II – слои современного села и русской деревни (XVII–XX вв.); слой III – слой Казанского ханства (вторая половина XV–XVI в.); слой IV – золотоордынский период (середина XIII – первая половина XV в.), он разделяется на два горизонта – IV поздний золотоордынский (20-е годы XIV – начало XV в.) и IV ранний золотоордынский (середина XIII – начало XIV в.); слои V–IV – домонгольские (X – первая половина XIII в.). Первые сведения о динамике развития городской территории, его социальной топографии на основе распространения слоев были представлены в 70–80 гг. XX в. в работах А. П. Смирнова и Т. А. Хлебниковой (Смирнов, 1974; Хлебникова, 1987). Масштабные археологические раскопки на Болгарском городище в 2010–2015 гг. предоставили новые материалы для оценки динамики развития территории средневекового города. Исследованиями оказались охвачены как центральные районы городища, так и периферийные, особенно южная часть памятника, до последних лет остававшаяся мало изученной. Дополнительные исследования проведены и на оборонительных укреплениях золотоордынского периода, где помимо внутреннего устройства вала изучены напластования и объекты, предшествовавшие возведению укреплений. Задача

данного исследования показать динамику изменений территории Болгара в эпоху Средневековья, используя разработанную стратиграфическую шкалу Болгарского городища, новые данные археологических работ последних лет и методы географических информационных систем (ГИС) для моделирования и картографирования. Актуальным остается вопрос о включении данных градостроительной традиции Волжской Болгарии в систему градостроительной традиции исламского средневекового мира. До сих пор обобщающие исследования исламской городской культуры велись на материале центрально-среднеазиатских и ближневосточных городских центров (*Al Sayyad*, 1991; *Benco*, 2004; *Jayyusi et al.*, 2008.), при этом северные регионы распространения ислама, к которым можно отнести Среднее Поволжье, не рассматривались совсем.

Информация, полученная в ходе археологических исследований за весь период изучения Болгара (265 раскопов), включена в разработанную сотрудниками К(П)ФУ историко-культурную геоинформационную систему Болгарского городища на основе программного обеспечения *ArcGIS 10* (*Чернова, Старовойтов, Лунева*, 2012). Применение ГИС-технологии при изучении средневековых городов позволяет анализировать планировку памятника в целом, его структуру и динамику развития, при этом исключается субъективность исследования. Использование ГИС-методов на данный момент широко применяется в археологических исследованиях для разных регионов, эпох и культур. Число исследований в археологии с применением геоинформационных методов неуклонно растет, о чем свидетельствует появление учебных пособий (*Conolly, Lake*, 2006; *Коробов*, 2011). За основу работы с небольшими изменениями взята методика, разработанная для исследования динамики изменений средневекового Новгорода (*Петров, Тарабардина*, 2012; *Петров*, 2015). В состав проекта ГИС Болгарского городища вошли пять тематических блоков: 1) географический (слои «рельеф», «гидрография», «современные объекты», «дороги»), кроме того, создана цифровая модель рельефа, необходимая для более точного и полного представления поверхности и горизонтальной структуры площадки городища; 2) исторический – исторические планы и карты Болгарского городища XVIII – начала XX в. по нескольким опорным точкам (сохранившиеся монументальные сооружения, изгибы валов, водоемы); 3) данные дистанционного зондирования (аэрофотосъемка); 4) архивный (материалы отчетов и публикации); 5) археологический. В археологический блок вошли слои: раскопы (включая наличие стратиграфических слоев), монументальные сооружения, элементы городской планировки (улицы, площади и т.п.), остатки наземных жилых и хозяйственных построек, остатки заглубленных жилых и хозяйственных построек, объекты фортификации, производственные и сельскохозяйственные объекты (горны, остатки пашни), могильники, гидротехнические сооружения, хронотопография находок. Каждый раскоп рассматривался нами как точечный объект, информация по которому разбивалась на два блока: первый блок – краткая регистрационная справка (номер раскопа, год проведения работ, руководитель раскопа, общая мощность культурного слоя); второй блок содержал информацию о стратиграфии (наличие или отсутствие слоев по стратиграфической шкале Болгарского городища), археологических объектах и датирующих находках. На основе данных из археологического блока составлены картограммы планиграфического

распределения слоев, объектов, элементов городской планировки и находок хроноиндикаторов. Для составления картограмм в программном обеспечении ГИС *ArcGIS 10* с модулем пространственной аналитики был использован метод Дирихле (полигоны Тиссена), где на определенной площади расстояние от любой точки области данного объекта (раскопа или находки) меньше, чем до любого другого объекта множества. В качестве границ модели принята трасса валов, возведенных не ранее 40-х годов XIV в. Северная граница модели условна, проведена по линии северных раскопов в заречной части городища, так как с конца 50-х годов XX в. эта территория затоплена Куйбышевским водохранилищем. Отсутствуют данные о границах распространения культурного слоя и каких-либо оборонительных сооружений в этой части Болгарского городища.

Было составлено 20 картограмм, связанных с пятью различными периодами в истории развития города. При совмещении картограмм (слоев) можно отметить следующие результаты исследований по динамике развития территории средневекового Болгара. В домонгольский период город существовал как аграрно-ремесленная агломерация с административным центром в рамках городских укреплений (площадью около 82 000 кв. м), при этом осваивались как прилегающие с запада к укреплениям территории, где зона сплошного распространения слоя VI достигает 38 000 кв. м, так и участки на значительном удалении: в устье Малого и Большого Иерусалимского оврагов, к западу и юго-западу от мысовой укрепленной части (рис. 1, I). Таким образом, площадь города с его незащищенными предместьями превышала 120 000 кв. м. К 1236 г. площадь укрепленной части города достигает 284 500 кв. м. За границей укреплений продолжают осваиваться территории к западу, вдоль края надпойменной террасы, появляются новые участки к востоку от края Большого Иерусалимского оврага. В юго-западной части города формируется ремесленный район, связанный с черной металлургией. При этом с увеличением площади города огнеопасное производство каждый раз смещалось на его юго-западную периферию (рис. 1, II).

Захват Болгара монголами значительно не сказался на темпах роста его территории. Во многом, это можно связать с тем фактом, что именно Болгар выполнял функцию административного центра после сокрушительного разорения прежней столицы Волжской Болгарии – Биляра. Город не только не теряет в своей площади, но к концу XIII в. на его территории возводятся первые монументальные сооружения, причем как в центральной части города, так и на его окраинах. К началу XIV в. изменяется статус и характер городских усадеб к западу и юго-западу от возведенной Соборной мечети: располагавшийся здесь ремесленный район металлургов перемещается еще западнее и юго-западнее, а на его месте возникают усадьбы медников и ювелиров (Бадеев, 2015). У Голланкина озера возникает крупный ремесленный район с гончарным производством. В юго-восточной части города, за Большим Иерусалимским оврагом, изменяется характер жилой застройки: появляются объекты с системой отопления типа канов и увеличивается плотность застройки (рис. 1, III). Активное освоение данной территории можно связать с притоком инородного населения (возможно с Нижней Волги), привнесшего новые строительные элементы – активное использование в домостроительной практике сырцового кирпича и подпольного

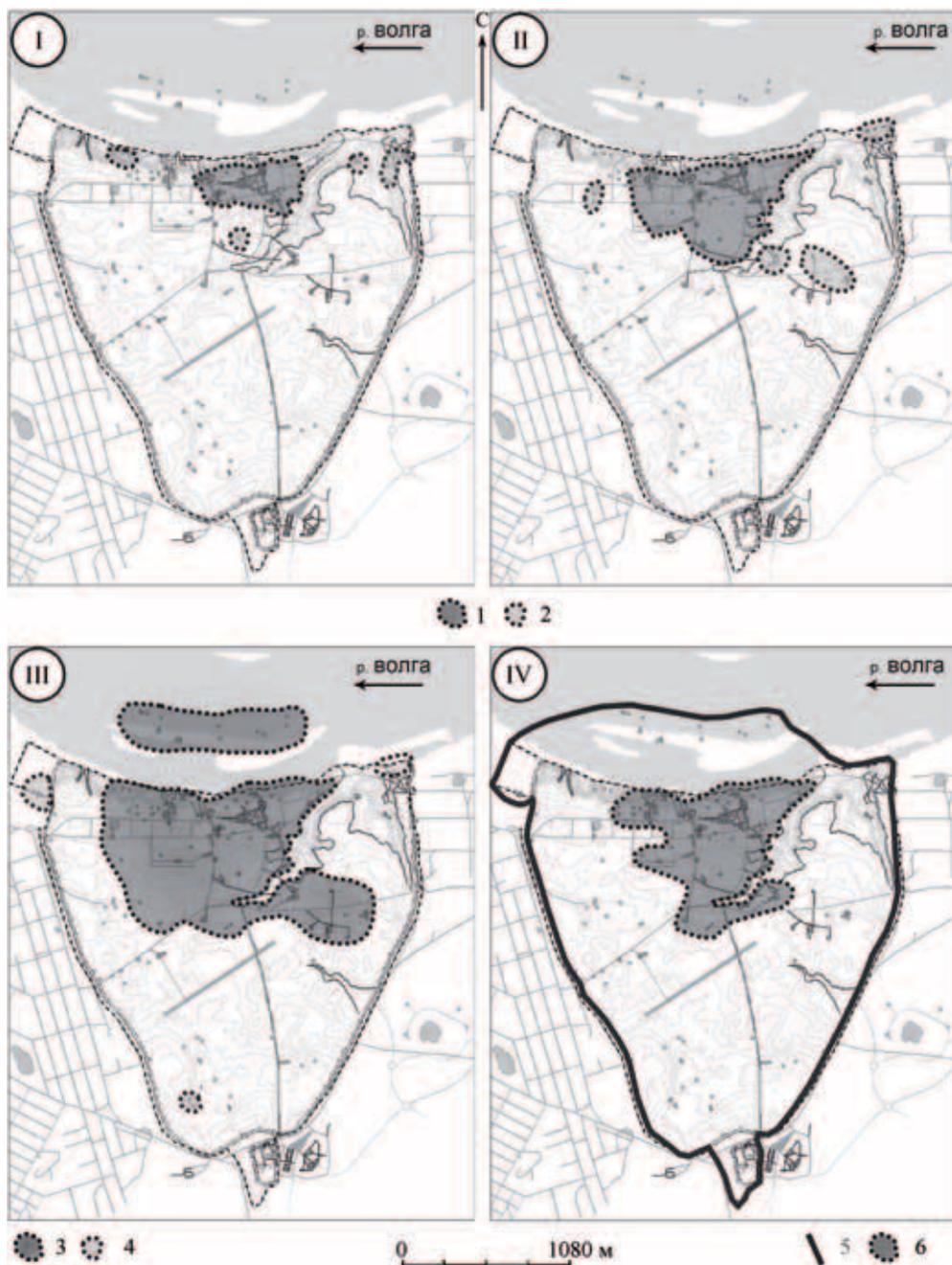

Рис. 1. Динамика изменения городской территории средневекового Болгара

I – Болгар X – нач. XI в. (слой VI); II – Болгар XI – 1-й пол. XIII в. (слой V); III – Болгар 2-й пол. XIII – нач. XIV в. (горизонт «IV ранний»); IV – Болгар сер. IV – нач. XV в. (горизонт «IV поздний»). 1 – город; 2 – округа; 3 – город; 4 – округа; 5 – граница города на сер. XIV в.; 6 – город кон. XIV – нач. XV в. (верхний субгоризонт «IV позднего» горизонта)

отопления. В первой половине XIV в. город достигает максимального размера, активно развивается уличная сеть, связывая различные районы города.

К середине XIV в. происходит стагнация роста городских территорий. Границы города фиксируются в рамках внешних оборонительных сооружений дошедших до наших дней. Исключение составляет так называемая армянская колония, располагающаяся на северо-западной окраине города (рис. 1, IV), за линией городских укреплений. Возведение этих оборонительных сооружений можно отнести к периоду не ранее 40–50 гг. XIV в., о чем свидетельствуют обнаруженные в насыпи вала медные монеты периода правления Узбека и Джанибека (*Губайдуллин*, 2016. С. 22), и не позже 60–70 гг. XIV в. в связи с отсутствием под валом следов пожара 1361 г., фиксируемого на значительной части Болгарского городища.

На прекращение роста городской территории повлияла череда событий середины – второй половины XIV в. Во-первых, Болгар затронула прокатившаяся по Европе и Золотой Орде эпидемия чумы, когда, прежде всего, страдали крупные городские центры с высокой плотностью населения. По предположению У. Шамилоглу «черная смерть» могла проникнуть в Болгар к 1349 г. из охваченных болезнью южных районов Золотой Орды (*Schamiloglu*, 1993). Во-вторых, развернувшаяся в 60-е годы XIV в. феодальная война внутри золотоордынского государства, упоминаемая в русских летописных источниках как «замятня», подорвала единство государства, его главный базис – безопасность торговых путей. Кроме того, обостряются сепаратистские движения на окраинах империи, в том числе и в Болгарском улусе. Все эти события находят подтверждение в материалах археологических исследований. Отмечается заметное сокращение площади распространения археологических объектов, связанных с городской жилой застройкой и датируемых концом XIV – началом XV в. Вместе с тем, увеличивается площадь могильников в западной, южной и юго-восточной частях городища. Площадь жилой части города приближается к границам домонгольского поселения первой половины XIII в. (рис. 1, IV). Периферийные районы южной части городища продемонстрировали наиболее динамичную картину изменений характера городской застройки: будучи освоенными в конце XIII в., они к середине XIV в. практически исключаются из жилого и хозяйственного оборота, на смену крупным одиночным усадьбам приходят обширные могильники. Ко второй половине XV – первой половине XVI в. (слой III) немногочисленные постройки и остатки культурного слоя, связанные с периодом Казанского ханства, концентрируются вокруг Соборной мечети. Отдельные монетные находки зафиксированы к юго-востоку и востоку от нее. Поселение, утратившее функции городского центра, в этот период можно локализовать ближе к мысовой площадке, западная его граница, вероятно, проходила в районе руин Соборной мечети.

Полученные результаты показывают возможности использования методов геоинформационных систем на памятниках с хорошо стратифицированным культурным слоем. В месте с тем, для детальной картины динамики изменений городской территории средневекового Болгара необходимо более дробное деление выделенных в ходе археологических исследований слоев. Так, например, «IV поздний» золотоордынский слой на Болгарском городище имеет широкие

временные рамки (второе десятилетие XIV – начало XV в.), включающие противоположные векторы развития его территории. Данная работа показала необходимость более дробного деления «IV позднего» золотоордынского слоя. На значительной части Болгарского городища возможно выделение верхнего горизонта «IV позднего» золотоордынского слоя. Его нижней границей может являться прослойка пожара, в литературе связываемая с захватом города Булак-Тимуром в 1361 г. (*Жиромский*, 1958), верхней – еще одна угольная прослойка, которую относят к разгрому города в 1431 г. (*Хлебникова*, 1987. С. 72).

Использование методов геоинформационных систем позволило с достаточной четкостью определить динамику изменений городской территории. Болгар представляет во многом типичную модель развития средневекового города. Существенными факторами в складывании и оформлении городской территории на начальном этапе выступает сочетание ландшафтно-географического расположения (расчлененность и неоднородность рельефа) с социально-экономическими и политическими функциями города.

Полученные в ходе исследования данные были представлены на VII Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова, «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды» (Россия, Ялта, 2016 г.), где получили положительную оценку специалистов. Дальнейшее изучение динамики изменения городской территории Болгара должно быть связано с включением в базу данных комплексных результатов естественнонаучных исследований, активно проводившихся на Болгарском городище в последнее десятилетие. Перспективным представляется использование методов геоинформационных систем и для реконструкции исторического ландшафта средневекового Болгара.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадеев Д. Ю.*, 2015. Городская планировка к юго-западу от Соборной мечети в 30–70-е годы XIV в. // КСИА. Вып. 237. С. 200–210.
- Губайдуллин А. М.*, 2016. Археологические исследования оборонительных сооружений Болгарского городища золотоордынского периода // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. Казань: «Казанская недвижимость». С. 21–22.
- Жиромский Б. Б.*, 1958. К вопросу о походе Булак-Тимура // СА. № 1. С. 88–96.
- Коробов Д. С.*, 2011. Основы геоинформатики в археологии. М.: МГУ. 224 с.
- Петров М. И., Тарабардина О. А.*, 2012. Новгород X–XIV вв.: динамика изменений городской территории // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 57-го заседания. С. 139–147.
- Петров М. И.*, 2015. ГИС «Средневековый Новгород»: состав, методы, результаты исследований // Историческая информатика. № 1–2. С. 42–49.
- Смирнов А. П.*, 1974. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М.: Наука. С. 4–13.
- Хлебникова Т. А.*, 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука. С. 32–88.
- Чернова И. Ю., Старовойтов А. В., Лунева О. В.*, 2012. Создание историко-культурной геоинформационной системы Болгарского городища // ArcReview. № 62 (2). С. 5–6.
- Al Sayyad N.*, 1991. Cities and Caliphs: On the genesis of Arab Muslim urbanism. Westport: Greenwood Press. 208 p.

- Benco N. L.*, 2004. Anatomy of a medieval Islamic town: Al-Basra, Morocco. Oxford: British Archaeological Reports. 106 p.
- Conolly J., Lake M.*, 2006. Geographical Information Systems in archaeology. Cambridge: Cambridge University Press. 338 p.
- Jayyusi S. K., Holod R., Petruccioli A. and Raymond A.*, 2008. The city in the Islamic world. Vol. 2. Leiden: Brill. 818 p.
- Schamiloglu U.*, 1993. Preliminary remarks on the role of disease in the history of the Golden Horde // Central Asian Survey. Vol. 12 (4). P. 450.

В. Ю. Коваль

ИМПОРТНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ТОРЕЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ¹

При раскопках на Торечком поселении в 1998–2012 гг. под руководством С. И. Валиулиной была собрана обширная коллекция привозной поливной керамики, отражающая спектр внешних связей этого поселения, наследовавшего столице домонгольской Волжской Булгарии Биляру и разрушенному монголами в 1236 г, а также неукрепленному золотоордынскому Биляру, существовавшему в полутора километрах севернее домонгольского во второй половине XIII – начале XIV в. Значительная часть этих находок уже опубликована в цвете и предельно рассмотрена автором раскопок (*Валиулина*, 2010. С. 183–191).

Нам представляется оправданным на первом этапе систематизации поливной керамики из Торечкого поселения провести его разделение по формальным основаниям на классы и группы, различающиеся по самым общим характеристикам керамической массы и способам нанесения декора. Основные принципы такого деления, использованного при работе с импортной керамикой, поступавшей в средневековую Русь (*Коваль*, 2010. С. 14–25), вполне применимы и для данного случая. Подобный подход позволяет проводить общее сравнение импортов по технологическим признакам и абстрагироваться от ее атрибуций, поскольку происхождение и датировка отдельных образцов бывают весьма спорными и неоднозначными в зависимости от того, насколько хорошо изучена та или иная разновидность импортов, установлены места производства изделий или они только предполагаются на основании различных логических построений. Только после проведения такой систематизации, с последующими выводами об атрибуциях импортов, может и должна быть проведена их группировка по регионам-экспортерам, что позволит составить представление о спектре внешних связей. Существует и иной подход, предусматривающий уже на первом этапе разделение импортов на группы в зависимости от места производства керамики. Представляется, однако, что первичная группировка должна быть подчинена формально-типологическому подходу, который меньше зависит от авторских атрибуций и интерпретаций. Именно этим принципом и будем руководствоваться в данном исследовании.

Весь массив изученных керамических импортов Торечкого поселения, насчитывающий 172 предмета², разделялся на бытовую емкостную керамику

¹ Первая публикация – в сборнике: «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья». Вып. 8. Тверь, 2015. С. 99–120.

² В этот список входит целый сосуд и 171 обломок изделий, но не включены несколько крошечных сколов неопределимых поливных предметов из глины и кашина, а также 32 образца поливной керамики XIX–XX вв. из пахотного горизонта, фрагмент поливного сосуда билярского производства домонгольской эпохи и более 200 обломков кашинных и глиняных глазурованных декоративных плиток, Основную их массу составляли элементы мозаичных полихромных панно (*Валиулина*, 2010. С. 188. Рис. XIII, 9). Декоративно-строительная керамика данного памятника требует специального исследования.

(включавшую только одну категорию – *посудную* керамику – 166 шт.) и бытовую неемкостную керамику (также с одной категорией – *пуговицы* – 6 шт.).

Рассмотрим вначале посудную керамику, как самый массовый и представительный материал данного памятника. Из 166 образцов 73 были изготовлены из кашина, 93 – из различных глин. Кашинная керамика включала классы восточных фаянсов (изделий, покрытых непрозрачной поливой – 8 экз.) и полуфаянсов (покрытых прозрачной глазурью – 65 экз.). Керамика из глин разделялась на классы майолики (изделий, покрытых непрозрачной поливой – 14 экз.), полу-майолики³ (покрытой прозрачной глазурью – 75 экз.), а также включала образцы китайской керамики, отличающейся своеобразными формовочными массами и декором (3 обломка селадонов и один – сосуда типа Цычжоу-яо).

Перейдем к краткой характеристике каждого из этих классов.

Фаянсы (8 шт.)

Один крошечный обломок принадлежал сосуду закрытого типа (кувшину или вазе?), изготовленному из мягкого розоватого кашина и покрытому снаружи белой полупрозрачной, а внутри – ультрамариновой (темно-синей) прозрачной поливами с росписью коричневым люстром по внешней поверхности⁴. Использование ультрамариновой глазури для облицовки внутренней поверхности сосудов закрытого типа характерно для многих иранских люстровых изделий домонгольской эпохи, но встречается и среди сосудов ильханского периода (второй половины XIII–XIV в.). Данный образец, скорее всего, относился именно к последним, на что указывает мягкий кашин, не встречающийся у домонгольских изделий, но появляющийся как раз в ильханскую эпоху.

³ Применяемая здесь терминология не является единственно возможной и не претендует на универсальность. Это всего лишь инструмент для систематизации и краткого именованья больших групп поливной посуды. Некоторые из применяемых здесь терминов подвергались жесткой критике со стороны коллег (*Волков*, 2006. С. 413, 414, 421), со многими замечаниями которых трудно не согласиться. Разумеется, названия «полуфаянс» и «полумайолика» на русском языке звучат несколько двусмысленно, однако эти таксоны были введены в научный оборот довольно давно и вполне пригодны для емкого обозначения классов керамики. В то же время, еще не изобретено ни одного термина, который бы не имел древних корней в каком-либо из исторических регионов и мог быть безболезненно распространен на схожую керамику других регионов. Единственной альтернативой отказа от таксонов «фаянс», «майолика» и их производных могут быть только многословные описательные наименования, от которых как раз и хотелось бы избавиться. Поэтому, отдавая дань уважения глубокой эрудиции критиков, представляется вполне допустимым придерживаться прежней терминологической системы.

⁴ № КП 45/19-2002 (пм). Здесь и далее указываются номера находок по КП (книге поступлений) Археологического музея Казанского (Поволжского) федерального университета: после дефиса – год находки; в скобках указывается название и номер комплекса (я. – яма, соор. – сооружение) либо его происхождение из нестратифицированного культурного слоя (кс) или из подъемного материала (пм) согласно отчетам о раскопках. Данная находка представляет собой подъемный материал из ЮВ части поселения.

Пять мелких обломков принадлежали различным чашам из твердого и мягкого белого кашина с двусторонней бирюзовой непрозрачной поливой, без какого-либо дополнительного декора⁵. Такая керамика изготавливалась в золотоордынском Поволжье и хорошо известна по находкам на Руси (*Булатов*, 1968. С. 107; *Коваль*, 2010. С. 38, 39). Еще два мелких обломка относились к псевдоселадоновым чашам из рыхлого кашина⁶. Атрибуция этих образцов не вызывает сомнения, поскольку чаши были покрыты непрозрачной поливой бледно-зеленого цвета, подражающего оттенку китайских селадонов. Подобная керамика изготавливалась в нижневолжских центрах Золотой Орды во второй половине XIV в. (*Булатов*, 1968. С. 108, 109; *Федоров-Давыдов*, *Булатов*, 1989. С. 199).

Полуфаянсы (65 шт.)

Все образцы были изготовлены из рыхлого кашина, характерного для производящих центров золотоордынского Нижнего Поволжья середины – второй половины XIV в. Видимо, именно оттуда и происходила почти вся керамика этого класса. Исключение составляет только один образец – мелкий обломок чаши из рыхлого кашина сиреневого оттенка, покрытой с обеих сторон ультрамариновой прозрачной глазурью и росписью тусклым желто-зеленоватым люстром⁷. Подобные изделия редки в золотоордынских городах Поволжья (хотя они известны в Болгаре и Азаке), но обнаружены на Руси в контекстах раннезолотоордынского времени (*Коваль*, 2010. С. 60. Ил. 15, 1, 3, 5–7). Поскольку по рисунку росписи и составу глазури эта керамика отличается как от сирийских, так и от иранских образцов того времени, место ее производства остается неизвестным. Условно им можно считать Сирию, однако лишь на том основании, что там в это же самое время изготавливались люстровые полуфаянсы с цветной – ультрамариновой, бирюзовой, коричневой глазурями, не получившими распространения в Иране.

Среди остальных (золотоордынских) полуфаянсов наибольшую долю (более трети – 22 шт.) составляли изделия с полихромной подглазурной росписью, причем диагностированы только обломки чаш и один обломок миниатюрного сосуда. Эти образцы разделялись на два варианта, различавшихся гаммой росписи, причем первый вариант (черно-синий) встречался в два раза чаще, нежели второй (зелено-синий). Важно заметить, что бирюзовая краска не отмечена ни на одном из образцов, хотя на целых сосудах она могла и присутствовать. Тем не менее, отсутствие на всех 22 обломках такого красителя оставляет возможность предполагать, что бытовавшие на Торецком поселении чаши относились к типу бихромных изделий.

⁵ № КП 34/136-2004 (соор. 1), 36/39-2004 (кс), 37/190-2005 (кс), 40/614-2007 (я. 3), 50/14-2006 (пм).

⁶ № КП 28/55-1998 (я. 2), 40/577 (кс).

⁷ № КП 34/149-2004 (соор. 1).

Сосуды варианта 1 (рис. 1, 1, 2) украшены синей и черной (иногда буро-коричневой) росписью⁸, в нескольких случаях декор состоял из сочетания вертикальных синих линий и заполнения полей черными точками, сгруппированными по четыре в ромбы (№ КП 29/105, 45/21). Такой декор характерен для иранских импортов XIII – первой половины XIV в. (Коваль, 2003. С. 63. Рис. 1, 2, 4, 5) и, возможно, ранней (середины XIV в.) продукции нижеволжских мастерских. Сосуды варианта 2 украшались росписью синей и зеленой (различных оттенков) красками⁹, и здесь также встречен один обломок чаши с декором из синих полос и точек (№ КП 37/195). К сожалению, из-за небольшого числа находок и измельченности обломков сосудов нельзя надежно проследить, имелись ли какие-либо иные существенные различия в мотивах росписи между изделиями обоих колористических вариантов.

Только среди сосудов варианта 2 отмечены изделия из красного кашина (5 из 8 образцов) (рис. 1, 3) – материала, особенно часто встречающегося на Селитренном и Царевском городищах (Булатов, 1968. С. 95), где, вероятно, и производилась такого рода керамика. Однако до сих пор не установлено, является ли этот признак хронологическим или он характерен для какой-то одной (или нескольких?) мастерской. Сочетание красного кашина только с одним вариантом гаммы росписи (зелено-синей) как будто указывает на связь этого признака с продукцией отдельной мастерской. Вместе с тем, относительно более поздняя датировка изделий с зелено-синей гаммой росписи может указывать и на позднее появление красного кашина в керамическом производстве нижеволжских центров.

Обломки сосудов обоих вариантов встречены совместно не только в культурном слое, но и в одном из комплексов – яме 1 (2005 г.), однако следует иметь в виду, что сам этот комплекс датирован XV в., а мелкие обломки поливных сосудов могли попасть в яму 1 существенно позже времени своего бытования, как переотложенный материал из культурного слоя. Таким образом, никаких надежных данных для хронологизации двух названных вариантов керамики материалы Торецкого поселения не дают.

Полуфаянсы с полихромной росписью красками и ангобом представлены в изучаемом массиве всего 7 обломками¹⁰ (рис. 1, 4–6). Гамма красочной росписи включала черно-синий (5 шт.) и зелено-синий (2 шт.) варианты; пятна бирюзового красителя, часто присутствующие на подобных изделиях, здесь не зафиксированы. Мотивы росписи – ряды стилизованных ныряющих рыбок (рис. 1, б), цветки лотоса, шестилепестковые соцветия на внутренней поверхности и стилизованные лепестки лотоса на внешней – типичны для продукции

⁸ № КП 29/105-1999 (кс), 29/107-1999 (я. 2), 34/258-2004 (соор. 1), 45/21-2002 (пм), 46/98-2003 (пм), б/№-2012. К этим 6 образцам примыкают еще 7 крошечных обломков № КП 37/165-2005 (кс), 37/170-2005 (кс), 37-180-2005 (я. 1), 37-181-2005 (кс), 37/189-2005 (кс), 40/597-2007 (я.3), 41/131-2008 (я. 23).

⁹ № КП 28/53-1998 (соор. 1), 37/160-2005 (я. 1), 37/195-2005 (я. 1), 40/589-2007 (кс), 40/594-2007 (кс), 40/595-2007 (кс), 40/616-2005 (кс), 46/99-2003 (пм).

¹⁰ № КП 34/137-2004 (печь), 37/185-2005 (я. 1), 40/597-2007 (я. 3), 40/598-2007 (я. 1), 41/128-2008 (кс), 45/19-2002 (пм), 55/48-2010 (кс).

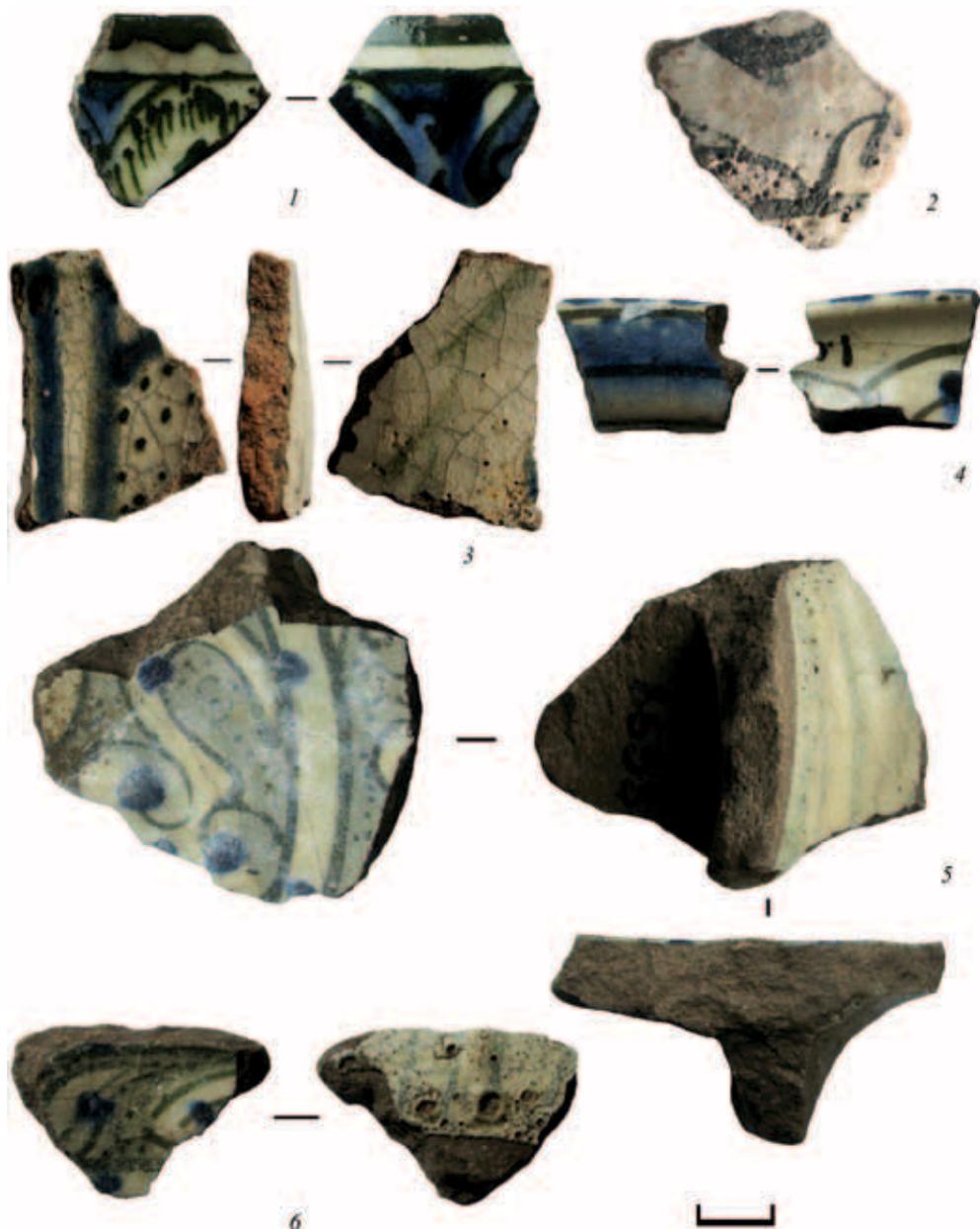

Рис. 1. Кашинская керамика с подглазурной полихромной росписью: без росписи ангобом (1–3) и с росписью ангобом (4–6)

золотоордынского Нижнего Поволжья. Интересно, что в нижеволжских центрах производства кашинной керамики полуфаянсы этого типа количественно почти не уступают полихромным изделиям без росписи ангобом (Булатов, 1968. Табл. 2), а на территории Руси они даже преобладают. На Торецком поселении наблюдается совершенно иная картина с явным преобладанием полуфаянсов без росписи ангобом. Разумеется, такое соотношение могло сложиться и случайно, тем более что сам размер выборки недостаточен велик. Однако нельзя не отметить, что подобное же соотношение типов золотоордынской керамики было зафиксировано и по результатам раскопок средневековой Казани, где, впрочем, выборка оказалась еще менее представительной (Коваль, 2006. С. 28).

Крупную группу составляли 15 обломков чаш с черной росписью под бирюзовой прозрачной глазурью¹¹. К сожалению, большинство из них – мелкие обломки из переотложенного культурного слоя. По ним невозможно установить композиции рисунков, пригодными для этого оказались лишь несколько фрагментов: один принадлежал чаше с растительной орнаментацией (рис. 2, 1), два других – чашам с крестиками-звездочками на внутренней поверхности, причем внешняя поверхность одной из них была украшена рядами стилизованных изображений ныряющих рыбок, а другой – стилизованными лепестками лотоса (рис. 2, 2). Большинство сосудов этой группы изготовлены из рыхлого белого кашина (цветной кашин среди них не встречен ни разу) золотоордынского производства, однако один мелкий обломок принадлежал чаше из твердого кашина, имевшей, вероятно, иранское или сирийское происхождение (№ КП 45/20).

Серия полуфаянсов без дополнительного декора представлена обломками чаш и ваз гюльабдан¹², относившихся к трем близким разновидностям:

- с двусторонним покрытием бирюзовой глазурью – 5 шт.¹³;
- с ультрамариновой глазурью снаружи и бесцветной внутри – 3 шт.¹⁴;
- с ультрамариновой глазурью снаружи и бирюзовой внутри – 4 шт.¹⁵.

Все эти обломки были сильно измельчены и в большинстве встречены в нестратифицированном культурном слое. В заполнениях ям и сооружений также встречены только мелкие фрагменты сосудов, которые попали туда уже в переотложенном состоянии.

К этой серии примыкают 2 обломка ваз гюльабдан с рельефной росписью ангобом, один из которых снаружи покрыт ультрамариновой глазурью,

¹¹ № КП 29/108-1999 (кс), 30/93-2001 (кс), 31/71-2002 (я. 19), 34/140-2004 (печь), 34/144-2004 (соор. 1), 37/183-2005 (кс), 37/187-2005 (кс), 40/591-2007 (кс), 45/20-2002 (пм), 46/100-2003 (пм), 48/62-2004 (пм), 48/63-2004 (пм), 49/20-2004 (пм), 50/10-2006 (пм), 60/49-2011 (кс).

¹² Имеются в виду биусеченноконические сосуды с налепными деталями и коротким трубчатым сливом на плечиках, которые могли использоваться как емкости для розовой воды.

¹³ № КП 31/66-2002 (я. 17), 34/141-2004 (печь), 42/236-2009 (кс), 45/18-2002 (пм), 60/47-2011 (я. 2).

¹⁴ № КП 37/188-2005 (кс), 60/50-2011 (кс), 60/52-2011 (кс).

¹⁵ № КП 29/103-1999 (кс), 40/575-2007 (кс), 41/132-2008 (кс), 50/3-2006 (пм).

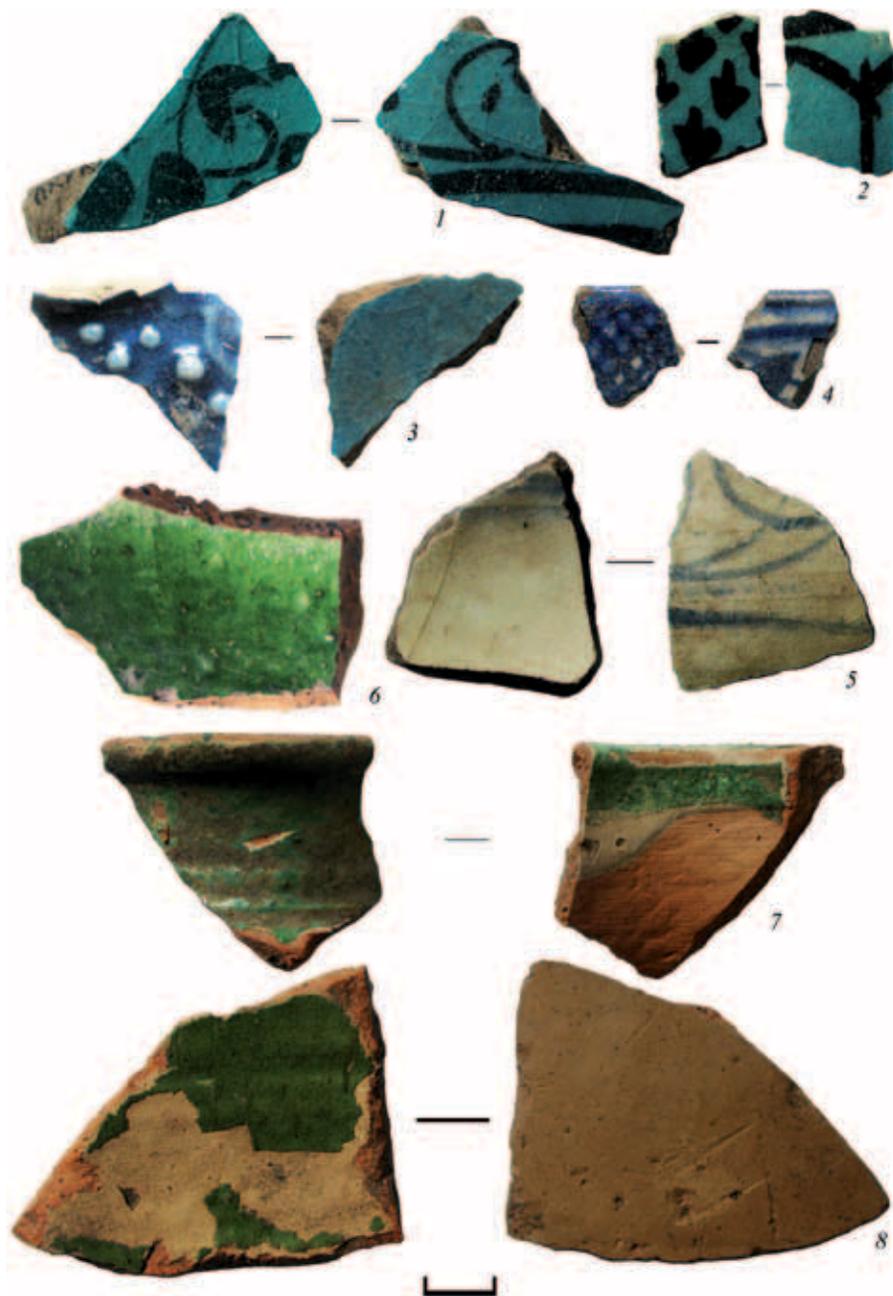

Рис. 2. Кашинная керамика (1–5) и крымская полумайолика (керамика из глины) с зеленой глазурью (6–8)

1, 2 – с черной росписью под бирюзовой глазурью; 3 – с росписью ангобом под ультрамариновой глазурью; 4, 5 – с монохромной синей росписью

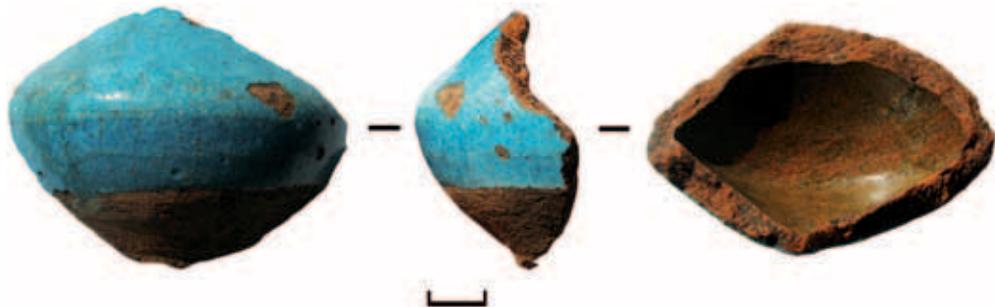

Рис. 3. «Чернильница» с бирюзовой непрозрачной поливой

а внутри – бирюзовой¹⁶ (рис. 2, 3), другой имел двустороннее покрытие бирюзовой глазурью¹⁷. Скорее всего, все обломки гюльабданов из предыдущей серии (а это почти половина находок) в действительности принадлежали сосудам с росписью ангобом, у которых орнаментальный пояс находился на плечиках, а большая часть тулова оставалась неорнаментированной.

Последнюю разновидность полуфаянсов составляли сосуды с монохромной синей росписью, появившиеся в конце XIV в. и широко распространившиеся в XV в., в так называемую тимуридскую эпоху. К этой разновидности относились 5 обломков чаш¹⁸, самые крупные из которых происходили из нестратифицированного культурного слоя памятника (рис. 2, 4, 5).

Майолика (14 шт.)

подавляющее большинство образцов этого класса представляли собой мелкие обломки сосудов¹⁹, форма тулова и состав керамического теста которых не могли быть достоверно определены. Можно лишь констатировать, что все они изготовлены из красножгущихся глин, прошли полный окислительный обжиг и покрыты бирюзовой непрозрачной поливой. Единственный крупный обломок принадлежал миниатюрному сосуду²⁰, изготовленному из железистой глины с включениями очень мелкого песка (напоминающей формовочные массы, применявшиеся в городах Нижнего Поволжья в XIV в.) и прошедшему полный окислительный обжиг. Снаружи сосуд покрыт бирюзовой непрозрачной глазурью, а изнутри – прозрачной зеленоватой глазурью прямо по черепку,

¹⁶ № КП 55/47-2010 (соор. 1).

¹⁷ № КП 34/143-2004 (соор. 1).

¹⁸ № КП 37/186-2005 (к), 37/192-2005 (к), 37/196-2005 (я.8), 40/578-2007 (к), 51/21-2007 (п).

¹⁹ № КП 29/106-1999 (к), 31/69-2002 (к), 31/70-2002 (я.17), 37/171-2005 (к), 37/176-2005 (я. 1), 37/177-2005 (к), 37/179-2005 (я. 1), 37/193-2005 (к), 40/588-2007 (к), 41/130-2008 (к), 48/59-2004 (п), 48/60-2008 (к), 51/22-2007 (п).

²⁰ № КП 34/262-2004 (я. 3). Относительно атрибуции сосуда см. выше примечание 8.

без ангобной подгрунтовки (рис. 3). Этот сосуд мог быть изготовлен в одном из золотоордынских центров Нижнего Поволжья (*Булатов*, 1976. С. 76). Нельзя исключать и иных вариантов происхождения, например, из Отрара (*Валиулина*, 2010. С. 187), где также известна красноглиняная майолика с бирюзовой глазурью (*Байпаков, Алдабергенев*, 2005. С. 189). Находка сделана в заполнении безынварного погребения, датированного XV в., следовательно, обломок попал сюда при засышке могилы из более раннего слоя.

Полумайолика (87 шт.)

Около трети образцов этого класса (29 экз.) составляли обломки разных сосудов, изготовленных из красножгущихся глин, облицованных белым ангобом и покрытых зеленой глазурью различных оттенков, на которых дополнительный декор не фиксировался (рис. 2, 6–8). Судя по визуальным характеристикам глины (с черепком светло-красного цвета, без видимых примесей, кроме случайных единичных включений мелких карбонатов, с мелкими порами от выгоревшей органики) и примесям мелкого красного шамота, все эти сосуды были изготовлены в городах юго-восточного Крыма (Каффе, Солдаёе, Солхате). Высветленная поверхность (по сравнению с цветом излома) большинства черепков указывает на вероятное происхождение этих сосудов из Каффы, в то же время, встречены образцы и ярко-красного цвета, которые могли быть изготовлены в других центрах восточно-крымского региона. Среди образцов этой группы²¹ присутствовали обломки кувшинов (диагностировано 11 сосудов), чаш (4 шт.), альбарелло (1), мискообразных сосудов (1).

Единственным целиком сохранившимся сосудом был альбарелло высотой 16 см²² (рис. 4, 2), изготовленный из формовочной массы с примесью крупного красного шамота и включениями мелких карбонатов вытягиванием из куска глины (дно со следом срезания с круга нитью, на внутренней поверхности – рифление вытягивания), после чего верхняя его часть была облицована белым ангобом. Глазурь накладывалась точно по границе ангоба, внутренняя поверхность не ангобировалась и не глазурировалась.

Еще один обломок восточно-крымского кувшина с гравированным подангобным декором, покрытый зеленой глазурью²³, близок недекорированным изделиям. Внутренняя поверхность этого кувшина небрежно покрыта светло-желтой глазурью, приобретающей на красной основе коричневый цвет (рис. 4, 1).

²¹ № КП 28/54,56–1998 (кс), 31/68-2002 (я. 16), 34/259-2004 (соор. 1), 34/138-2004 (печь), 34/239-2004 (я. 1), 37/161-2005 (кс), 37/166-2005 (кс), 37/168-2005 (кс), 37/169-2005 (кс), 37/174-2005 (я. 7), 38/17-2006 (соор. 1), 40/584-2005 (кс), 40/585-2005 (я. 5), 40/593-2007 (я. 1), 40/621-2007 (кс), 41/125-2008 (кс), 43/43-б/г (пм), 48/64-2004 (пм), 50/7-2006 (пм), 51/27-2007 (пм), 60/48-2011 (кс), 60/51-2011 (кс), АКУ304/11593, 2012-б/№.

²² № КП 30/102-2001 (кс).

²³ № КП 31/65-2002 (кс).

Рис. 4. Полумайолика с зеленой (1, 2, 4) и желтой (3) монохромными глазурями

Возможно, к этой же группе относился обломок сосуда закрытого типа (кувшина?) с бесцветной глазурью, нанесенной по ангобированной внутренней поверхности²⁴.

Кроме восточно-крымских изделий, к той же серии сосудов без дополнительного декора принадлежали обломки чаш, имевших иное происхождение, что видно по особенностям формовочных масс и глазури. Так, один обломок чаши²⁵ изготовлен из глины светло-коричневого (бежевого) цвета без естественных примесей, но с заметной добавкой шамота (?), цвет которого не отличался от цвета глины. При этом внешняя поверхность чаши имела выраженный красный цвет, вероятно, за счет естественной концентрации в поверхностном слое окислов железа. Внутренняя поверхность покрыта излишне тонким слоем белого ангоба, сквозь который просматривалась основа, и облицована бледно-зеленоватой глазурью (рис. 4, 4). Такая керамика известна по раскопкам городов Северного Причерноморья, куда она привозилась из каких-то центров на территории османской Малой Азии в XV в. и позднее (*Біляєва*, 2012. Рис. 90, 91, 175).

Крупный обломок чаши-пиалы диаметром 12 см покрыт бесцветной глазурью по внутренней поверхности²⁶. Сосуд изготовлен из глины бледно-желтоватого (почти белого) цвета, без видимых примесей в формовочной массе. Внутренняя поверхность чаши небрежно облицована белым ангобом, причем часть этой поверхности оказалась лишена ангобного покрытия вовсе (рис. 5, 5). Недекорированные изделия редко публикуются, поэтому аналогии найти такому образцу практически невозможно. Однако сходство по характеристикам формовочной массы с рассмотренным ниже сосудом, для которого предполагается производство Отрара XIV–XV вв. (см. ниже образец, показанный на рис. 5, 3), позволяет атрибутировать данную пиалу как продукцию Отрара или иного среднеазиатского центра.

К той же серии изделий без дополнительного декора принадлежали 9 обломков сосудов из красножгущихся и светложгущихся глин, общими признаками которых были:

– наличие обильных примесей песка (а иногда и дресвы, т. е. дробленого камня кристаллических пород), придающих неглазурованным поверхностям выраженную шероховатость;

– формовка ленточным налепом на ручном гончарном круге, что приводило к неравномерной толщине стенок и асимметричности форм;

– загрязненность глазури, делавшая ее иногда не вполне прозрачной, а также сильная коррозия глазурного покрытия, приводившая к появлению толстой желтоватой патины, часто скрывающей цвет глазури.

В этой группе выделяются 4 красноглиняных белоангобированных образца, среди которых наиболее характерна стенка чашки с волнообразной рельефностью внешней поверхностью (рис. 6, 8), в которой без труда узнается специфически московская форма – так называемая погребальная чашечка (елейница). Сосуд изготовлен из светло-красной глины с примесью мелкого песка, прошел

²⁴ № КП 40/568-2007 (кс).

²⁵ № КП 37/197-2005 (кс).

²⁶ № КП 30/91-2010 (кс).

Рис. 5. Полумайолика

1, 2 – сграффито; 3, 4 – с полихромной подглазурной росписью; 5 – без дополнительного декора

Рис. 6. Русская поливная керамика с зеленой (1–3, 5–8) и желто-коричневой глазурами (4)

полный окислительный обжиг и покрыт с обеих сторон светло-зеленой глазурью²⁷. Подобные чашечки (всегда – без ручек) изготавливались в Москве в конце XIV–XVI в.²⁸ и, как предполагается, применялись для сливания остатков миррового масла, оставшегося после исполнения ритуала соборования умирающих (в основном, священнослужителей и монахов), а затем устанавливались в могилы (Розенфельдт, 1968. С. 49. Табл. 17, 3–5, 9, 14, 16; Авдусина, Владимирская, Панова, 1984. С. 206, 207. Рис. 3, 1–9; Беляев, 1995. С. 117. Табл. 90). В Москве их часто находят при раскопках кладбищ, но известны также находки в жилых комплексах, так что они могли использоваться и для иных целей (вне обрядовой погребальной практики). Горизонтальное рифление поверхности этих чашечек имитирует внешний вид деревянной посуды, выточенной на токарном станке (Авдусина, Владимирская, Панова, 1984. С. 206). Недавно погребальные чашечки вновь рассмотрел Л. А. Беляев (2017. С. 119–136), усомнившись в их датировке ранее середины XV в. и подробно разобрав варианты использования в ритуальных целях.

Другие 3 обломка керамики этого типа представляли собой части одного кувшина, изготовленного из формовочной массы с примесью мелкой дресвы и песка²⁹. Обжиг полный (с бурой внутренней поверхностью), полива желтовато-зеленая полупрозрачная (рис. 6, 2), нанесена на внешнюю поверхность кувшина и на его дно снизу. Еще один обломок ручки кувшина³⁰ настолько обгорел в пожаре, что цвет глины и состав теста у него определить затруднительно, но все внешние характеристики этого образца близки вышеописанным.

Четыре обломка принадлежали различным сосудам из слабожелезненной (розовато-кремового цвета) глины. Наиболее интересен первый из них, представлявший собой крупный обломок горловины кувшина (диаметром 11 см)³¹, изготовленного из формовочной массы с небольшой примесью мелкой дресвы. Кувшин был снаружи полностью облицован белым ангобом (который внутри него заходил лишь на 3 см вниз от края), прошел полный обжиг (однако все же недостаточно качественный, поскольку в ручке осталась черная сердцевина с невыгоревшей органикой) и был покрыт по ангобу светло-зеленой прозрачной глазурью (рис. 6, 1). Три других обломка принадлежали разным кувшинам из формовочной массы с примесью мелкого песка³². Все они покрыты зеленой глазурью по белой ангобной облицовке.

Светложущиеся глины применялись в основном в поливном производстве Твери XIV–XVI вв., составляя почти 80% всего материала (Романова, 2009.

²⁷ № КП 40/592-2007 (кс).

²⁸ Датировка этих чашек, предложенная Р.Л. Розенфельдтом, была позднее уточнена (Авдусина, Владимирская, Панова, 1984. С. 206, 207).

²⁹ № КП 40/590-2007 (р. XII – кс), 40/599-2007 (р. XII – я. 3), 54/14-2010 (р. XII – кс). Все 3 обломка найдены на одном раскопе в разных местах, в переотложенном культурном слое (находка из ямы 3 была связана с верхней частью заполнения, т. е. попала туда при просадке культурного слоя). Следовательно, обломки этого кувшина отложились в слое не на самом раннем этапе жизни поселения.

³⁰ № КП 40/581-2007 (р. XII – кс).

³¹ № КП 33/57-2003 (я. 1).

³² № КП 40/556, 580, 582-2007 (р. XII – кс).

С. 311. Табл. 2)³³. При этом дресва добавлялась в такие массы редко (*Романова*, 2009. С. 315, 324), и встречены черепки вообще без видимых примесей (*Романова*, 2009. С. 321). Массовость находок поливной керамики этого типа в Твери (на сегодняшний день известно уже значительно более 500 находок (*Романова*, 2009. С. 310, 311), включая развалы сосудов) доказывает, что этот город был одним из крупных центров производства такой посуды. Таким образом, 4 упомянутых выше образца следует относить к продукции Твери.

Последний (девятый) образец среди недекорированной керамики – крупный обломок трубчатого носика-слива от кумгана (рис. 6, 3). Этот сосуд был изготовлен из глины чисто-белого цвета, с включениями мелкого песка, и покрыт светло-зеленой прозрачной глазурью по основе³⁴. Сохранившаяся часть перемычки с отверстием, соединявшей носик с краем горла кумгана, позволяет указать довольно широкий круг аналогий, известных как в Москве XVI в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 50, 51), так и в Твери (*Романова*, 2009. С. 322, 323. Рис. 8, 4–6). Находки подобных кумганов в Казани (*Ситдииков*, 2006. Рис. 151, 15, 28; 153) не противоречат выводу о производстве посуды такого типа в Москве и Твери, поскольку в гончарстве Казанского ханства светложущиеся глины не применялись. Поливная посуда, несомненно, производилась в Казанском ханстве, однако она пока не изучена и не опубликована, а имеющиеся публикации лишены подробных описаний и качественных изображений такой продукции (*Кокорина*, 1999. С. 85. Рис. 5, 8). Сегодня можно уверенно говорить лишь о производстве зеленой поливной недекорированной керамики из формовочной массы без грубых примесей, изготовленной вытягиванием, известной по находкам в Казани (*Ситдииков*, 2006. Рис. 148).

Русское происхождение описанной выше керамики с Торецкого поселения определяется следующими признаками:

– наличием изделий из красножущейся глины с добавлением в формовочную массу мелкой дресвы – приема, не применявшегося в странах Востока и Европы, но широко практиковавшегося в разных районах Руси в XIV–XVII вв.;

– своеобразными формами кувшинов и кумганов, не известными в странах Востока и Поволжье;

– низким качеством зеленой кроющей глазури, имеющей мутный оттенок, сильно патинированной, что не характерно для поливной посуды окружающих стран, но свойственно поливной керамике Руси уже с XI в.

Изделия с подглазурным декором

Из четырех обломков сосудов этой серии 3 относились к группе красноглиняных ангобированных изделий с орнаментом «сграффито» (гравировка по слою

³³ В цитируемой работе такая керамика названа «белоглиняной», но в действительности значительная ее часть была изготовлена именно из слабожелезненных (светложущихся) глин, которые резко контрастируют с красножущимися глинами своими мягкими светлыми оттенками.

³⁴ № КП 40/600-2007 (р. XII – я. 7). Таким образом, находка происходила из крупной заглубленной жилой постройки.

сырого белого ангоба) под монокромной глазурью. Первый из этих образцов по характеристикам формовочной массы (с примесью красного шамота, щелевидными порами и высветленной относительно излома черепка неангобированной поверхностью) соответствуют признакам продукции городов Юго-Восточного Крыма (см. выше) – это стенка кувшина с гравированным рисунком под светло-зеленой глазурью (с неглазурованной и неангобированной высветленной внутренней поверхностью)³⁵. Гравированный растительный узор на этом обломке (рис. 5, 1) находит аналогии на поливных крымских изделиях XIV в. с орнаментом сграффито – кувшинах (Масловский, 2006. Рис. 23, 4) и чашах (Белый, Волошинов, Карлов, 2005. Рис. 3, 1, 3).

Второй образец, принадлежавший крупному сосуду закрытого типа³⁶, изготовлен из светло-коричневой глины с мелким песком, его внешняя поверхность покрыта толстым слоем белого ангоба, по которому перед нанесением темно-зеленой глазури провели гравировку широкими линиями (рис. 5, 2). Этот сосуд по признакам формовочной массы имеет сходство с продукцией мастерских Нижнего Поволжья, но может также являться дальним импортом (из Закавказья?). К сожалению, размеры обломка не позволяют достоверно реконструировать форму и декор целого сосуда.

Третий образец в этой группе является стенкой обгоревшего в пожаре блюда из формовочной массы без видимых примесей на основе светло-желтой глины, с красноватой внешней поверхностью (возможно, это результат воздействия огня)³⁷. Внутренняя поверхность была, вероятно, покрыта белым ангобом, по которому нанесен орнамент «сграффито» и желтая глазурь, вспузырившаяся и потемневшая под действием пламени (рис. 4, 3). Подобная керамика практически не известна в материалах поселений золотоордынской эпохи, не может помочь в атрибуции этого образца и плохо сохранившийся декор блюда. В тех странах, где изготавливалась керамика «сграффито» (от Ирана на Востоке до Италии на Западе), светлоглиняная основа для таких изделий применялась редко, поэтому приходится ориентироваться на те центры, где вообще использовались нежелезистые и слабожелезистые глины. С этой точки зрения, данный образец можно связывать с продукцией одного из городов средневековой Италии, поскольку присутствие среди итальянской керамики желтоглиняных образцов уже отмечалось отечественными исследователями (Масловский, 2006. С. 439).

Обращает на себя внимание полное отсутствие крымской керамики «сграффито» с полихромной подцветкой, хорошо известной по находкам на Руси в комплексах XIV–XV вв. Получается, что из Крыма на Торецкое поселение привозились в основном простые (неорнаментированные) поливные кувшины и альбарелло или чаши/миски без декора, но их количество не было заметным по объему. Этим рассматриваемый памятник сближается с Казанью, где также полихромная полумайолика практически отсутствовала, но найдена серия зеленополивных изделий без дополнительного декора, причем крымские импорты

³⁵ № КП 37/163-2005 (кс).

³⁶ № КП 48/57-2004 (пм).

³⁷ № КП 30/94-2001 (кс).

составляли в ней меньшинство (Коваль, 2006. С. 33, 34). Создается впечатление, что торговые связи с Крымом не были особенно сильными, во всяком случае, крымская поливная керамика привозилась в Поволжье в крайне ограниченных объемах. Этот вывод в целом согласуется с той незначительной долей (вернее сказать, почти полным отсутствием) крымской керамики сграффито с полихромной подцветкой рисунка, которая фиксируется по материалам раскопок нижеволжских центров Золотой Орды (Булатов, 1976. С. 95, 98).

К отдельной группе изделий с подглазурным резным (?) декором на внешней поверхности относится мелкий обломок стенки белоглиняного сосуда с двусторонней бирюзовой глазурью³⁸. К сожалению, атрибуция этого сосуда затруднительна из-за мелких размеров обломка. Однако заметим, что белоглиняная керамика с бирюзовой глазурью и рельефной моделировкой поверхности известна даже на территории Руси, правда, в виде единичных находок неустановленного происхождения (Коваль, 2010. С. 114). Исходя из того, что светлоглиняная поливная керамика изготавливалась в городах Средней Азии монгольского периода, можно предположить, что и редкие образцы с бирюзовой глазурью также могли происходить именно оттуда.

Полумайолика с росписью красками

Эта группа изделий включает сосуды с различным декором, относящимся к 8 разнородным типам.

Тип 1. Керамика с черной и зеленой росписью под бесцветной глазурью. Представлен крупным обломком блюда (или чаши?), изготовленной из глины розового цвета, без видимых примесей в формовочную массу³⁹. Внешняя неангобированная поверхность высветлена до желтоватого цвета и имеет характерные вертикально направленные микротрещинки, образовавшиеся при горизонтальном заглаживании поверхности на круге. Эта поверхность не глазуровалась, но сохранился случайный потек бледно-зеленоватой глазури, спустившийся, очевидно, от края блюда. Внутренняя поверхность блюда была покрыта белым ангобом, очень хорошо сцепленным с глазурью, но плохо – с основой (имеются многочисленные отслоения ангоба вместе с глазурью). Декор состоял из подглазурной росписи черно-коричневой (окись марганца) и зеленой (окись меди) красками в радиальной композиции (вертикальные полосы и панели, в том числе с зигзагообразными линиями) под бесцветной (бледно-зеленоватой) глазурью (рис. 5, 4).

Для атрибуции этого образца, прежде всего, важны характеристики использованной глины, присутствие среднеазиатской керамике XIV в. (Шшикина, 1979. С. 8; Масловский, 2006. С. 450). К сожалению, среднеазиатская полумайолика XIII–XIV вв. опубликована фрагментарно. Декор данного сосуда находит аналогии в росписи блюд и чаш, известных по раскопкам Сарайчика (Самашев и др., 2008. С. 181, 182) и находкам подобной керамики в нижеволжских

³⁸ № КП 38/18-2006 (кс).

³⁹ № КП 41/129-2008 (я. 23).

центрах Золотой Орды, также практически не опубликованных⁴⁰. Такая посуда могла быть привезена в Восточную Европу из среднеазиатских центров, находившихся в Хорезме или Джагатаидском государстве (например, в Отраре), причем не только крупных, но и более мелких. Декор в виде панелей, заполненных зигзагами, был довольно широко распространен на кашинной керамике как на Ближнем Востоке, так и в Золотой Орде (Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 17, 2; Лисова, 2012. Табл. 20, 8; 22, 5), поэтому присутствие его на среднеазиатской керамике XIV в. не может вызывать удивления. Бихромная зелено-коричневая гамма росписи на глиняных (полумайоликовых) сосудах была хорошо известна в золотоордынском Хорезме (Вактурская, 1959. С. 318. Рис. 29, 5; 30).

Все остальные образцы рассматриваемой группы изделий, относились к числу белоглиняных, являясь крайне редкой разновидностью восточной керамики. Например, в материалах раскопок городов Руси белоглиняная полумайолика обнаруживается в основном на ранних памятниках (IX–XI вв.) и связана с импортом с территории Византии, тогда как в Причерноморье византийская белоглиняная посуда (горшки, покрытые глазурью только изнутри, и кувшины) продолжала поступать еще и в XIV в. (Масловский, 2006. С. 401). На Русь уже с XII в. подобная керамика не поступала вовсе, а единичные образцы белоглиняной посуды здесь можно связывать только с импортом из Средней Азии. На Торецком поселении обнаружены только мелкие обломки белоглиняных сосудов, из-за чего их атрибуция затруднена, к тому же они относятся к 7 разным типам.

Тип 2. Полумайолика с полихромной (черно-коричневой, зеленой и красной) росписью под желтой глазурью. Небольшой обломок стенки блюда или тарелки, изготовленной из глины бледно-желтоватого (почти белого) цвета, без видимых примесей в формовочной массе⁴¹. Внешняя поверхность не глазурована, внутренняя украшена подглазурной росписью черно-коричневой (контур) и красной (ангобной) красками (рис. 5, 3). Хотя зеленая краска на рассматриваемом образце отсутствует, на большинстве изделий подобного рода она всегда использовалась (ее отсутствие здесь объясняется только мелкими размерами обломка). В отношении этого образца высказывалось мнение о его происхождении из Сарайчика, где керамика с желтой глазурью составляет 42% всей красноглиняной поливной керамики (Валиулина, 2010. С. 187. Рис. XIII, 7). Однако из текста публикации не вполне ясно, вся ли керамика подобного декора имела в Сарайчике желтую глазурь. На одной из иллюстраций аналогичный по декору сосуд назван покрытым бесцветной глазурью (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008. С. 173), тогда как среди изображений сосудов с желтой глазурью преобладают совершенно иные разновидности декора, а рассматриваемый здесь вариант представлен всего одним обломком (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008. С. 182, 183). Поэтому цитируемая публикация (в силу чрезмерной лапидарности стиля изложения, отсутствия подробных описаний и отсылок к иллюстрациям)

⁴⁰ В своде Н.М. Булатова (1976) такая керамика не описана, однако она все же известна в Сарае. Можем привести в качестве полной аналогии венчик чаши из раскопок Селитренного городища 1984 г. (раскоп XIII. Пл. 2, кв. 90, полевой № 25), хранящийся в ГИМ.

⁴¹ № КП 34/148-2004 (р. 7. соор. 1).

не дает оснований считать, что в Сарайчике была особенно широко распространена именно эта разновидность керамики. Зато точно такая (по колористической схеме росписи и цвету глины) керамика была широко распространена в Отраре XIII–XIV вв. (*Байпаков, Алдабергенев, 2005. С. 168–176*). И хотя по Отрару не опубликованы данные о процентном составе разных групп керамики или количественном соотношении разных колористических схем, судя по публикации изображений, именно там эта керамика была наиболее распространенной. Поэтому представляется более вероятным связывать происхождение рассматриваемого типа поливной посуды не с Сарайчиком, а с Отраром. Находки похожей керамики в Сарайчике могли быть также импортом из Отрара.

Тип 3. Керамика с коричневой и зеленой росписью под бесцветной глазурью. Мелкий обломок тарелки из чистой белой глины⁴², с декором только на внутренней поверхности, состоявшем из фиолетово-коричневых (вероятно, окись марганца) линий и зеленых пятен (рис. 7, 3). Небольшие размеры обломка и неясность рисунка росписи не позволяют провести его атрибуцию.

Тип 4. Керамика с черной и синей росписью под бесцветной глазурью. К этому типу относится очень мелкий обломок чаши из белой глины без видимых примесей, рисунок декора совершенно неопределим⁴³. Соответственно, нельзя сказать чего-то определенного и о его происхождении.

Тип 5. Керамика с черной росписью под светло-зеленой глазурью. Небольшой обломок края блюда был изготовлен из очень плотной белой глины без видимых примесей⁴⁴. Роспись черной краской выполнялась, вероятно, по неангобированной внутренней поверхности (рис. 7, 1). Аналоги такому сочетанию росписи и цвета кроющей поливы практически не известны. Вероятно, это уникальный образец восточной керамики, который мог быть изготовлен в одном из городских центров Средней Азии. Каплеобразные фигуры на краю блюда напоминают стилизованные изображения рыбок на кашинных изделиях (ср. рис. 1, б) и крымских красноглиняных чашах XIV в. с росписью белым ангобом (*Коваль, 2010. Илл. 45, 2*). В то же время, эти элементы можно рассматривать и как редкий вариант черных штрихов на краях чаш и блюд ирано-среднеазиатского происхождения XII–XIV вв. (*Брыкина, 1974. Рис. 45, 3; 46, 7; 50, 2*), которые копировали подобные же штрихи и полукруглые фестоны на краях чаш IX–XI вв. (*Шишкина, 1979. Табл. XLI, 1; XLIII, 1; LXIV, 1; LXXVII, 1; Брусенко, 1986. Табл. 10, 2, 4, 10; 13, 7; 15, 1; 37, 4; 38, 13*). Этим элементом декора рассматриваемый образец сближается с другим уникальным сосудом – красноглиняной желтополивной тарелкой с изображением змея или дракона, обломки которой обнаружены недавно при раскопках в Подмоскowie (*Коваль, Алексеев, 2013. С. 106–117*).

Тип 6. Керамика с синей и зеленой росписью под бесцветной глазурью. К этому типу относится обломок вырезного поддона чаши или блюда, изготовленного из белой глины без видимых примесей⁴⁵. Глазурь с дна чаши почти полностью

⁴² АКУ № 11991.

⁴³ № КП 40/587-2007 (кс).

⁴⁴ АКУ № 12008.

⁴⁵ 2010 (яма 3. № 10)

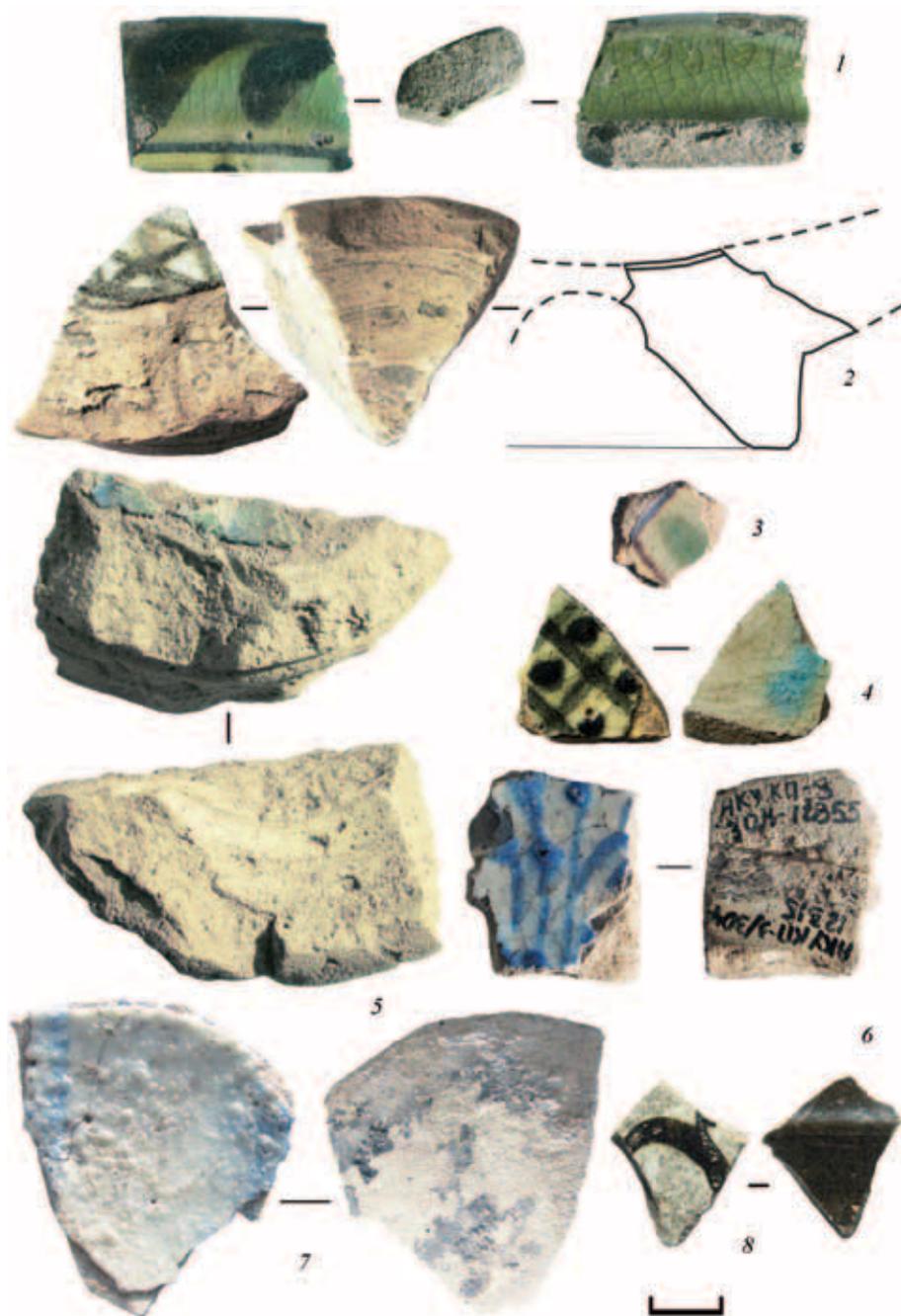

Рис. 7. Светлоглиняная керамика (1–7) и Цычжоу-яо (8). Роспись черная (1, 2, 4), синяя (6, 7), зеленая и синяя (5), коричневая и зеленая (3)

осыпалась, но видно, что под ней некогда была синяя и зеленая роспись (рис. 7, 5). Рисунок росписи, конечно, не сохранился, поэтому поиск аналогий данному сосуду особенно сложен. При атрибуции этого изделия нужно ориентироваться на особенности поливы, которая, судя по значительной толщине (около 1 мм) отнеслась к классу щелочных глазурей, широко применявшихся в странах Востока, но не известных в Византии и странах Европы. Щелочная глазурь плохо подходит для облицовки глиняных изделий, поскольку ее сцепление с их гладкой поверхностью было недостаточно прочным. Это приводило к отслоению и осыпанию глазури. находка происходит из мусорной ямы, надежно датированной 13 находками ордынских монет XV в. (сообщение С. И. Валиулиной). Поскольку щелочные глазури использовались в это время только на Востоке, а светложгущиеся глины известны среди среднеазиатских изделий, можно осторожно предположить происхождение этого сосуда с территории современных Узбекистана или Казахстана, например, из того же Отрара.

Тип 7. Керамика с зеленовато-черной росписью под бесцветной глазурью. Два небольших обломка чаш, относящихся к этому типу, изготовлены из белой (чуть желтоватой, возможно, из-за загрязнения внешней поверхности) глины без видимых примесей. Первый из них являлся частью вырезного поддона⁴⁶, у которого в центре сделали дополнительное углубление, из-за чего толщина дна чаши в ее центре оказалась минимальной (около 3 мм), при том что стенки имели толщину около 10 мм. Глазурь, сохранившаяся на очень небольшом участке дна, сильно иризована, но под ней видна геометрическая роспись черной краской с зеленоватым отливом (рис. 7, 2). Иризирует чаще щелочная глазурь, но в данном случае в этом нет уверенности.

Интересна форма полости поддона чаши с дополнительной выемкой в центре, которая встречается довольно редко, в частности, на поздневизантийской керамике (*Francois*, 1995. Fig. 49, 264; 50, 270; *Papanikola-Bakirtzi et al.*, 1999. Cat. 319, 320; *Bohlendorf-Arslan*, 2004. Vol. 3. Taf. 3, G7/K144, G9/K123; 21, R53/K123; 33, B8/K123, 147). Однако приведенная здесь в качестве аналогий византийская керамика относилась к числу изделий из красножгущейся глины с декором «сграффито», тогда как среди белоглиняной посуды такие формы поддонов не известны.

Второй обломок принадлежал чаше с росписью внутренней поверхности, выполненной такой же черной краской с зеленоватым оттенком. Сама роспись состояла из сетки, внутри каждого из квадратов которой размещалась жирная точка, поставленная такой же краской. При этом на внешней поверхности обломка хорошо заметны случайные пятна бирюзового красителя (рис. 7, 4)⁴⁷. Неясно, использовался ли такой краситель для декора чаши или он попал на ее внешнюю поверхность случайно, однако само его применение в той же мастерской несомненно.

Аналогичный сетчатый декор, выполненный подглазурным красителем, можно видеть на византийской керамике XII в. (*Morgan*, 1942. Pl. XXVI, q), кроме того, сетчатые медальоны были популярны на южноитальянской

⁴⁶ № КП 41/134-2008 (кс).

⁴⁷ № КП 41/126-2008 (кс).

протомайолике XIII–XIV вв. (*Morgan*, 1942. Fig. 90. Pl. XXXVI, *b, e*; *Whitehouse*, 1980. Tav. IX, *b*; X, *d, e*; XI, *a, c*; *Uggeri*, 1979. Tav. LXXX; LXXXI; LXXXIII, *a*). Однако ни отмеченное выше сходство формы поддона, ни отдаленные аналогии в декоре не позволяют уверенно атрибутировать данные образцы в качестве поздневизантийских импортов, поскольку полного сходства всех признаков (цвет глины, форма поддона, орнамент) все же не прослеживается. Нет такого же сходства и с южноитальянской керамикой, причем к ряду различий прибавляется еще роспись, проведенная не оксидом марганца, применявшимся в качестве коричневой краски на протомайолике, а имеющим зеленоватый оттенок пигментом иного состава. Особенно важно присутствие бирюзового красителя, практически не применявшегося в Средиземноморье, но традиционно популярного на арабском Востоке. Поэтому при всех отмеченных совпадениях по отдельным признакам, образцы типа 7 вряд ли можно связывать с Византией или Италией. Однако для них трудно предложить и какую-то иную атрибуцию, поскольку среди опубликованной керамики стран Востока подобная керамика не известна.

В заключение заметим, что оба рассмотренных здесь обломка, найденных в пахотном слое на одном и том же раскопе, столь близки между собой по всем параметрам, что их можно рассматривать как части одной чаши.

Тип 8. Полумайолика с монохромной синей росписью. К этому типу относились 5 обломков чаш⁴⁸, один из которых перегорел в пожаре до вспучивания глазури и частичной утраты ею прозрачности (рис. 7, 7). Только два обломка (рис. 7, 6, 7) были достаточно крупными для того, чтобы определить основные особенности керамики этой группы: она была изготовлена из белой глины без видимых примесей, но с единичными включениями мелкого песка в тесте. Глазурь бесцветная, роспись синим красителем (вероятно, окисью кобальта), состоявшая из отдельных полос (рис. 7, 7) или растительных мотивов (рис. 7, 6), т. е. она полностью соответствовала стилю декора, который на Востоке считается характерным для «тимуридской» эпохи (XV в.). Точно такой же декор можно видеть на многочисленных кашинных изделиях, производившихся в различных странах – Золотой Орде, Иране, городах Средней Азии (*Шляхова*, 1980; *Pope*, 1952). Монохромная синяя роспись использовалась и в поздневизантийской белоглиняной керамике, однако там она выполнялась в совершенно ином стиле – широкими линиями с расплывающимися краями, в виде предельно схематизированных изображений животных и птиц (*Papanikola-Bakirtzi et al.*, 1999. P. 31, 32). Обнаруженные на Торецком поселении образцы по своему декору (там, где он сохранился) не имеют ни малейшего сходства с византийскими сосудами, но зато почти тождественны кашинным изделиям с синей росписью.

Следует упомянуть еще 2 мелких обломка чаш, не сохранивших никакого декора, и потому неатрибутированных. Один из них принадлежал белоглиняному сосуду с остатками патинированной бесцветной глазури⁴⁹, а второй – днищу

⁴⁸ № КП 40/596-2007 (я. 7); 55/49-2010 (р. XIII – соор. 1); АКУ № 12313; АКУ № 12355+12315 (склеены); АКУ № 12303 (шифры АКУ указаны для образцов, временно не внесенных в книгу поступлений).

⁴⁹ № КП 40/619-2007 (кс).

чаши из красножгущейся глины с примесью очень мелкого песка, с вырезанным поддоном (с сегментовидной полостью) и вспузырившейся и потемневшей от пожара глазурью, цвет которой определить не удалось⁵⁰.

Завершая описание данной группы изделий, отметим, что вся или почти вся белоглиняная керамика, обнаруженная на Торецком поселении, имеет признаки, заставляющие искать ее аналогии на территории Средней Азии. Именно там, причем в целом ряде районов, в керамическом производстве использовались светложгущиеся глины. Так, Хорезме поливная керамика формовалась из кремовых и розоватых глин (*Вактурская*, 1959. С. 334), в Мерве – из желтоватых (*Лунина*, 1969. С. 91), светлоглиняная поливная керамика известна также в Термезе и Бузуке (*Булатов*, 1969. С. 247). Но если говорить о периоде XIV–XV вв., то известен только один крупный центр, значительная часть поливной керамики которого изготавливалась из белых или желтоватых глин – это Отрар на Сыр-Дарье (*Акишев, Байпаков, Ерзакович*, 1975. С. 39; *Тепловодская*, 1977. С. 136). Таким образом, хотя достоверных данных об использовании в Отраре чисто белых глин нет, этот город остается наиболее вероятным экспортером керамики из беложгущихся и светложгущихся глин, попадавшей в конце XIV – начале XV в. в Среднее Поволжье.

Полумайолика с росписью ангобом

Эта группа керамики представлена двумя различными типами изделий, украшенных подглазурной росписью белым ангобом, проводившейся прямо по красной поверхности сосудов.

К *типу 1* относился единственный крупный обломок миниатюрного сосуда полного окислительного обжига, изготовленного из красножгущейся глины с обильной примесью мелкого песка в формовочной массе⁵¹. Внешняя поверхность покрыта бесцветной (чуть зеленоватой) глазурью, внутренняя не глазурована. Подглазурная роспись выполнена белым ангобом (рис. 8, 3). Форма сосуда находит аналогии только среди золотоординских красноглиняных (рис. 3) и кашинных (*Коваль*, 2010. Рис. 21, 2) изделий. Роспись ангобом на красноглиняной керамике была широко распространена в нижневолжских центрах Золотой Орды (*Булатов*, 1976. С. 79–81, 93. Табл. II, V, 8, IX, 3). Впрочем, нельзя исключать и того, что описываемый сосуд был произведен в каком-то ином городе Улуса Джучи.

К *типу 2* относились 11 покрытых зеленой прозрачной и полупрозрачной глазурями обломков сосудов, по своему невысокому качеству и всем основным признакам идентичных изделиям без дополнительного декора русского производства (см. выше). Среди них имеется только один обломок кувшина, изготовленного из сильноожелезненной (красножгущейся) глины с примесью большого количества мелкой дресвы в формовочной массе⁵². Сосуд прошел неполный окислительный обжиг, о чем свидетельствует черная непрокаленная сердцевина

⁵⁰ № КП 45/22-2002 (пм).

⁵¹ № КП 29/104-1999 (кс).

⁵² № КП 40/586-2007 (р. XII – кс).

Рис. 8. Русская (1, 2, 5), золотоордынская (3) керамика и китайский селадон (4)

ручки. «Елочный» мотив росписи ангобом (рис. 8, 2) находит прямые аналогии в поливной керамике из Нижнего Новгорода (*Грибов*, 2001. Рис. 5, 3).

Все остальные образцы керамики этого типа изготовлены из слабожелезненных глин (розового или телесного цвета) с примесью только мелкого песка. Единственным исключением были 2 обломка от одного кувшина, в формовочной массе которого имелись мелкие красные включения (шамот?)⁵³. Один из обломков принадлежал нижней части горловины кувшина (рис. 8, 1), второй – нижнему прилепу ручки (рис. 8, 5). Геометрический орнамент росписи этого кувшина близок декору московских красноглиняных ангобированных сосудов XV–XVI вв. с росписью красной краской (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 6, 21, 23, 25). Еще 8 обломков принадлежали одному или нескольким очень схожим кувшинам⁵⁴. К сожалению, почти все находки происходят из переотложенного культурного слоя, а 2 мелких обломка из сооружения 1 (2004 г.) могли попасть в этот комплекс случайно из перекрывавшей его пашни.

Для атрибуции керамики с росписью ангобом под зеленой поливой важно указать, что в Москве такие изделия пока не известны, нет их и в Твери. Зато аналогичная керамика известна на нескольких памятниках в окрестностях Нижнего Новгорода (*Грибов*, 2001. С. 162. Рис. 5, 3–5), а также в Коломне (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 301. Рис. 8, 3–5)⁵⁵. В связи с этим фактом нельзя не напомнить о находках красноощенной керамики с росписью белым ангобом из Муромы (*Коваль*, 2010. С. 149. Ил. 58, 3), которые можно связывать с неизвестным производственным центром Руси или Золотой Орды.

В отношении рассматриваемой здесь керамики высказывалось мнение о возможном ее производстве в Крыму или Казани (*Валиулина*, 2010. С. 187), однако оно не может быть принято, поскольку по формовочным массам эта керамика не имеет ничего общего ни с крымской, ни с казанской. Формовочная масса с дресвой в рассматриваемый период не применялась нигде, кроме Руси. Не использовались в Крыму и Казанском ханстве также светложгущиеся глины, столь характерные для подобной керамики. Зато подобные глины и рецепты приготовления формовочных масс известны в разных районах Руси – Москве, Твери, Великом Новгороде, Нижнем Новгороде и, возможно, в некоторых других городах (*Романова*, 2009; *Грибов*, 2001; *Коваль*, 2008. С. 28). Хотя подглазурная роспись белым ангобом – распространенный прием украшения золотоордынской поливной посуды, наблюдаемые на рассматриваемых образцах мотивы орнаментации не имеют аналогий на Юге и Юго-Востоке Восточной Европы. Посуда с подглазурной росписью ангобом не характерна и для большинства городов Руси, однако находки из Нижнего Новгорода позволяют допускать возможность ее непродолжительного производства именно в этом городе. Видимо, не случайно после разгрома Нижнего Новгорода Едигеем такая керамика исчезает и уже больше никогда и нигде не появляется. Что же касается находок русской

⁵³ № КП 29/104-1999 (кс), 48/58-2004 (пм).

⁵⁴ № КП 30/95-2001 (кс), 34/135-2004 (печь), 34/256, 260-2004 (р. VII – соор. 1), 37/162-2005 (кс), 40/615-2007 (р. XII – кс), 41/127-2008 (кс), 54/13-2010 (р. XII – я. 2).

⁵⁵ Находки из Коломны рассматривались нами ранее как импорт из Причерноморья, однако в свете новых открытий более вероятно их русское происхождение.

зеленополивной керамики в слоях ханского времени в Казани (*Ситдиков*, 2006. С. 89. Рис. 151–153), то ее присутствие тут совершенно естественно, поскольку в XV–XVI вв. Казань была крупнейшим торговым центром Поволжья, куда стекались товары с обширных территорий. Даже ординарная неполивная керамика русского производства составляет в слое ханской Казани 10% (*Ситдиков*, 2006. С. 89), а это очень высокий показатель, свидетельствующий об импорте огромных масс посуды русского производства.

Несомненно, полумайолика со сложной орнаментальной росписью ангобом появилась в русских землях под влиянием золотоордынской художественной керамики. Восточное (в широком смысле) влияние ощущается также в наборе форм такой керамики (кувшины, кумганы), который мог быть воспринят русскими только в Орде. Однако поливная посуда производилась на Руси еще в домонгольскую эпоху (*Макарова*, 1967) и продолжала выпускаться в XIII–XIV вв., причем она воспринимала как восточные, так и западные (европейские) импульсы, отличаясь значительным своеобразием (*Коваль*, 2008. С. 27–32).

Китайская керамика по формальным основаниям может быть отнесена к классам майолики и полумайолики, однако она столь существенно отличается от иных групп керамики, что ее допустимо рассматривать отдельно. Три обломка такой керамики принадлежали селадонам – изделиям из светло-серого фарфоровидного теста, причем все они найдены в переотложенном культурном слое памятника⁵⁶. Обломки принадлежали чашам с подглазурным декором – гравировкой и рельефной моделировкой поверхности под нежно-зеленой прозрачной глазурью (рис. 8, 4).

Наиболее распространенной и известной разновидностью селадонов (само это название появилось в Европе и не имеет китайских корней) были изделия Лунцюаня – «Лунцюань-яо». Поэтому часто селадоны называют именно так. Однако надо иметь в виду, что в Китае существовало несколько центров изготовления подобной керамики, и их продукция несколько различалась. Поэтому, строго говоря, «Лунцюань-яо» – лишь одна из разновидностей селадонов, правда, наиболее распространенная и часто встречающаяся (*Родионова*, *Френкель*, 2012. С. 17–22).

Наряду с селадонами, на Торецком поселении найден один небольшой обломок своеобразной китайской керамики «Цычжоу-яо», изготавливавшейся в местности Цычжоу (Cizhou) уезда Цысянь провинции Хэбэй. Эта керамика отличалась желтоватым или сероватым очень плотным черепком и своеобразной колористической схемой. Она покрывалась черно-коричневой поливой, поверх которой производилась роспись непрозрачной белой глазурью, либо основой служила белая глазурь, а орнаментация выполнялась черной или серой поливой (использовались и другие схемы декора, например, в зелено-красной гамме, но они встречаются заметно реже) (*Chinese ceramics...*, 2010. P. 342–348. Fig. 7.18–7.22). На Торецком поселении обнаружен обломок сосуда⁵⁷, внутренняя поверхность которого покрыта темно-коричневой поливой, а внешняя – белой с проведенной по ней росписью темно-коричневой поливой (рис. 7, 8).

⁵⁶ № КП 28/58-1998 (кс), 31/64-2002 (кс), 37/200-2005 (кс).

⁵⁷ № КП 51/24-2007 (пм).

Цычжоу-яо – довольно редкая разновидность китайского импорта, неизвестная на Руси и редко встречаемая в золотоордынских городах. Например, в соседнем Болгаре известно всего 8 обломков такой керамики и один почти целый кувшинчик (*Полубояринова*, 2003. С. 140, 141. Рис. 5, 6; 2008. С. 78, 79. Рис. 14, 1).

Бытовая неемкостная импортная керамика, обнаруженная на поселении, как уже отмечалось выше, представлена всего одной категорией изделий – пуговицами (6 шт.). Из них только одна была изготовлена из кашина и принадлежала к типичным изделиям золотоордынского Поволжья – плоским дискам диаметром 1,0–1,5 см с двумя отверстиями, покрытым бирюзовой прозрачной глазурью⁵⁸ (*Валиулина*, 2010. Рис. XII, 28).

Остальные 5 пуговиц изготовлены из белой (3 шт.) или красной (2 шт.) глины и представляли собой овальные в сечении диски диаметром около 2 см, высотой до 1 см, с одним отверстием диаметром 0,7–0,8 см. Их поверхность покрыта зеленой⁵⁹ или желтой глазурью (одна красноглиняная пуговица)⁶⁰. В комплексах 1998 и 2010 гг. такие пуговицы найдены вместе с монетами XV в. Они хорошо известны в Москве и других городах Руси в комплексах XIV–XVII вв. Р. Л. Розенфельдт назвал их «похожими на костяшки для счет» и «напоминающими пряслица» (*Розенфельдт*, 1968. С. 53. Табл. 17, 34), указав, что в Москве они были обнаружены в слоях XVI–XVII вв. Здесь же, еще при раскопках 1940-х гг. найдены обломки сосуда, в котором, по мнению исследователя, производился обжиг этих предметов (*Рабинович*, 1964. С. 173). И хотя обжиг таких колечек в сосудах невозможен в принципе (они должны были обжигаться нанизанными на палочки или проволоку, поскольку в противном случае просто слиплись бы между собой и с дном сосуда), трудно сомневаться, что изготавливались эти предметы именно в Москве, где их находки встречаются массово. Относительно предназначения следует поддержать их атрибуцию в качестве пуговиц, предложенную С. И. Валиулиной (2010. Рис. XII, 29–31), поскольку по размерам и форме они чрезвычайно близки костяным пуговицам, распространенным в Орде (*Закирова*, 1988. С. 232. Рис. 102, 8–11, 15–26; *Руденко*, 2005. Табл. 18) и известным на Руси. В то же время, нельзя исключать возможности их полифункционального использования, в том числе в качестве пряслиц. Единственно неприемлемая атрибуция этих колечек – «костяшки для счет», о бытовании которых в Восточной Европе в столь раннее время нет никаких данных.

Теперь, систематизировав импортную поливную керамику по технологии, морфологии и декору и установив (или предположив) происхождение, можно попытаться сгруппировать ее по регионам-экспортерам. Самую большую долю в импорте составляли на Торецком поселении изделия крупных столичных городов золотоордынского Нижнего Поволжья (88 находок, или 51%), второе место занимала керамическая продукция Крыма (33 находки, или 19%), третье оказалось за керамикой городов Руси (25 находок, или 14%). На последнем месте среди крупных экспортеров оказались города Средней Азии (13 находок, или

⁵⁸ № КП 40/636-2007 (р. XII – кс).

⁵⁹ № КП 28/59-1998 (я. 2); 40/613-2007 (р. XII – кс), 48/68-2004 (пм), 55/31-2010 (р. XIII – я. 3).

⁶⁰ № КП 60/46-2011 (я. 2).

7%). Все остальные регионы-экспортеры являлись мелкими поставщиками, поскольку количество находок, связанных с ними, составляло 4 (Китай) – 3 (суммарно Иран и Сирия) сосуда. По одному сосуду предположительно происходят из Малой Азии и Италии. Четыре находки остались не атрибутированными.

Такой состав регионов – поставщиков глазурованной керамики свидетельствует о поступлении на Торецкое поселение керамики в основном из ближайших центров ее массового производства, т.е. самых дешевых разновидностей парадной посуды из того разнообразия, которое мог предоставить рынок. Именно поэтому основная часть импорта шла из нижевожжских столиц, где поливная посуда была относительно недорогой, а также из Крыма (напомним, что крымская керамика представлена здесь самыми ординарными, т.е. самыми дешевыми разновидностями). В связи с этим понятно появление на поселении русской поливной посуды, сильно уступавшей золотоордынской и крымской по качеству и внешней привлекательности. В противовес этому, дорогие разновидности поливной керамики, особенно предметы дальнего импорта (из Китая, Ирана, Сирии, Италии), приходили сюда в виде единичных образцов. Все это свидетельствует о том, что несмотря на присутствие на поселении состоятельных людей, желавших пользоваться дорогой привозной посудой, число их, видимо, было невелико, а покупательные возможности довольно ограничены. Во всяком случае, они сильно уступали возможностям столичной элиты.

К сожалению, сравнения наборов керамических импортов, из Торецкого поселения с соседними центрами Среднего Поволжья сильно затруднено, поскольку для большинства из них (Болгар, Джукетау и др.) нет опубликованных данных о структуре керамического импорта. Сравнение с данными по Казани (129 экз. одной только восточной импортной керамики; *Коваль*, 2006. С. 37) показывает, что в целом между ними есть сходство по доминированию в импорте продукции нижевожжских центров и заметному присутствию ординарной причерноморской (крымской) керамики. Но в Казани гораздо шире представлена иранская и среднеазиатская керамика XV–XVI вв., что объясняется не только разницей в хронологии памятников, но и разным статусом Казани и Торецкого поселения и, соответственно, разной покупательной способностью жителей этих пунктов. К тому же, если Казань демонстрировала динамичное развитие на протяжении всей своей истории (вплоть до катастрофы 1552 г.), то Торецкое поселение прекратило существование еще в XV в.

Сравнение с неопубликованными пока статистическими данными по Болгару также демонстрирует сходство между двумя памятниками по доминирующей роли нижевожжской (прежде всего, кашинной) керамики в импорте поливной посуды, по заметной доле крымской и присутствию среднеазиатской керамики. Однако в Болгаре существенно выше доля иранской (люстровой и полихромной) и китайской посуды, что отражает более высокий статус этого города, среди населения которого было много богатых людей и представителей ордынской администрации, являвшихся потребителями предметов роскоши, импортированных издалека. Несомненно, заметную роль в этих различиях играла разная хронология памятников.

Разумеется, еще более интересным могло оказаться сравнение структуры импорта керамики на Торецком поселении и в золотоордынских городах Нижнего

Таблица 1. Соотношение кашинной керамики и керамики из глин среди поливной посуды золотоордынского и восточного происхождения на памятниках Поволжья XIV–XV вв.

Тип керамики	Торецкое поселение	Селитренное городище	Болгар
Кашинная керамика	51%	38%	62–84%
Керамика из глин	49%	62%	16–38%

Поволжья, однако из-за отсутствия статистических данных для последних такое сравнение сейчас нельзя провести. Для городов Нижнего Поволжья имеются лишь подсчеты соотношения керамики из кашина и глин, причем статистически наиболее достоверны данные по Селитренному городищу (Булатов, 1976. Табл. 1). Сравнение этих данных с материалами Торецкого поселения и Болгара (табл. 1) демонстрирует заметное отличие исследуемого поселения от обоих сравниваемых с ним памятников – здесь зафиксировано паритетное соотношение кашинных и глиняных изделий, тогда как на Селитренном городище доминировала керамика из глин (полумайолика), а в Болгаре – кашинная посуда. Такое различие выглядит вполне закономерным. В Болгар вывозилась в основном самая качественная (и соответственно, дорогая) кашинная керамика, которая в Сарае, при всей своей массовости, все же не была общеупотребимой и использовалась в быту только более состоятельного населения. Статус Торецкого поселения был очевидно ниже, чем у Болгара, поэтому меньшая доля импорта кашинной керамики свидетельствует о небольшом числе имевшихся здесь потребителей этой дорогостоящей посуды.

Разумеется, наши выводы не могут претендовать на какую бы то ни было завершенность, поскольку круг сравнения слишком узок, а объем материала, полученного на разных памятниках, совершенно несопоставим: на Селитренном городище он исчисляется многими тысячами, тогда как в Болгаре и на Торецком поселении учтено пока всего лишь несколько сотен образцов. Надо также учитывать отсутствие каких-либо данных о составе керамических импортов по Селитренному городищу и другим нижеволжским памятникам, а цифры, приведенные Н. М. Булатовым, суммарно характеризуют керамику исследованных им городов, т. е. отражают прежде всего структуру их керамического производства. Между тем, ни в Болгаре, ни на Торецком поселении никакого собственного производства поливной посуды не существовало, так что обнаруженная здесь керамика – исключительно импортная.

Перейдем к оценке хронологии изученных импортов. В основной массе они могут быть датированы второй половиной XIV в.: кашинная керамика нижеволжских городов, часть крымской и среднеазиатской глиняной посуды, известной по аналогиям из тех же нижеволжских столичных центров, иранская и китайская керамика. Суммарно она составляет около 3/4 всего объема импортных образцов. При этом надо иметь в виду, что есть ряд признаков, косвенно указывающих на возможность более поздней даты отложения всей этой керамики (в пределах указанного отрезка времени), например, в последней четверти XIV в. – речь идет о присутствии сосудов из красного кашина и большом

количестве кашинных изделий с зелено-синей гаммой росписи. Керамика, изготовленная в «тимуридских» традициях (с синей монохромной росписью), и светлоглиняные среднеазиатские изделия, крайне редко встречаемые на поволжских памятниках XIV в., вероятно, были ввезены на Торецкое поселение после разрушения нижневолжских центров Золотой Орды в результате походов Тимура, т. е. уже в XV в. В связи с этим совершенно не случайно, основная масса керамики XIV в. представлена измельченными обломками, в то время как самые крупные из находок принадлежали изделиям, которые с большей вероятностью могут быть датированы первой половиной XV в., – миниатюрным сосудам с бирюзовой глазурью и росписью ангобом (рис. 3; 8, 3), крымскому альбарелло (рис. 4, 2), русским кувшинам и кумгану (рис. 6, 1, 3), малоазиатской (?) чаше (рис. 4, 4). В то же время, здесь не встречены импорты, которые можно было бы уверенно датировать как раннезолотоордынским временем (второй половиной XIII – первой половиной XIV в.), так и эпохой Казанского ханства (второй половиной XV – первой половиной XVI в.).

Таким образом, керамические импорты Торецкого поселения отражают ситуацию, формировавшуюся в крупном населенном пункте позднезолотоордынской эпохи, имевшем выраженные черты города, но просуществовавшем относительно недолго: на протяжении конца XIV – первой половины XV в. Это поселение обладало широким внешними связями, не замыкавшимися на территории Золотой Орды, однако относительно невысокий по сравнению со столничными городами статус, с соответствующим более низким уровнем богатства даже верхушки его населения, не позволял в полной мере использовать имевшиеся возможности и покупать большое количество дорогостоящих предметов роскоши. Во всяком случае, именно такая картина открывается по результатам изучения импортной керамики.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д.*, 1984. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. № 2. С. 201–211.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.*, 1975. Отрар XVI–XVIII веков по итогам раскопок 1971–1973 гг. // Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука. С. 3–48.
- Байпаков К. М., Алдабергенов Н. О.*, 2005. Отрарский оазис. Алматы: Баур. 253 с.
- Белый А. В., Волошинов А. А., Карлов С. В.*, 2005. Поливная керамика золотоордынского времени из района Эски-Юрта // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос. С. 183–189.
- Беляев Л. А.*, 1995. Древние монастыри Москвы (кон. XIII – нач. XV вв.) по данным археологии. М.: ИА РАН. 458 с. (Материалы и исследования по археологии Москвы; т. 6).
- Беляев Л. А.*, 2017. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. М. Смоленск: Свиток. С. 119–136.
- Біляєва С. О.*, 2012. Слов'янки та тюркські світи в Україні (з історії взаємин у XIII–XVIII ст.). К.: Університет Україна. 523 с.
- Брусенко Л. Г.*, 1986. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент: ФАН. 136 с.

- Брыкина Г. А.*, 1974. Карабулак. М.: Наука. 127 с.
- Булатов Н. М.*, 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. № 4. С. 95–109.
- Булатов Н. М.*, 1969. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Булатов Н. М.*, 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука. С. 73–107.
- Вактурская Н. Н.*, 1959. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М.: Наука. С. 261–342.
- Валиулина С. И.*, 2010. Международные связи раннего Казанского ханства по материалам Торецкого поселения // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М.: Наука. С. 183–191.
- Волков И. В.*, 2006. Об определении керамики и азовском сосуде в технике «мина» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов: Азовский музей. С. 410–426.
- Грибов Н. Н.*, 2001. Керамический комплекс русского селища XIV в. из окрестностей г. Н-Новгорода (общая характеристика) // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. Кострома. С. 158–169.
- Закирова И. А.*, 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. М.: Наука. С. 220–243.
- Коваль В. Ю.*, 2003. Глазурованная керамика из окрестностей Увека // КСИА. Вып. 215. С. 58–69.
- Коваль В. Ю.*, 2006. Восточная поливная керамика из раскопок Казани // Казань в средние века и новое время. Казань: Институт истории АН РТ. С. 23–48.
- Коваль В. Ю.*, 2008. Поливная керамика с рельефным декором на Руси // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 27–32.
- Коваль В. Ю.*, 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука. 269 с.
- Коваль В. Ю., Алексеев А. В.*, 2013. Чудовище на тарелке // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 106–117.
- Кокорина Н. А.*, 1999. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология. № 1–2 (4–5). Казань. С. 77–102.
- Лисова Н. Ф.*, 2012. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Археология евразийских степей. Вып. 15. Казань: Институт истории АН РТ. 183 с.
- Лунина С. Б.*, 1969. Новые сборы тимуридской керамики в южном Туркменистане // Общественные науки в Узбекистане. № 8–9. Ташкент. С. 89–93.
- Мазуров А. Б., Коваль В. Ю.*, 2004. Керамический импорт средневековой Коломны // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 285–308.
- Макарова Т. И.*, 1967. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси // САИ. Вып. Е1–38. М.: Наука. 128 с.
- Масловский А. Н.*, 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов: Азовский музей. С. 309–472.
- Полубояринова М. Д.*, 2003. Китайский фарфор из Болгара // РА. № 3. С. 136–144.
- Полубояринова М. Д.*, 2008. Торговля Болгара // Город Болгар. Культура, искусство, торговля. М.: Наука. С. 27–107.

- Рабинович М. Г.*, 1964. О древней Москве. М.: Наука. 351 с.
- Родионова М. А., Френкель Я. В.*, 2012. Китайский селадон из Новгородского Кремля // Тр. ГЭ. Т. LIX. СПб. С. 8–38.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1–39. М.: Наука. 99 с.
- Романова Е. А.*, 2009. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород.
- Руденко К. А.*, 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья, эпоха средневековья. Казань: Школа. С. 67–97.
- Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.*, 2008. Керамика Сарайчика. Алматы: ZUR. 263 с.
- Ситдиков А. Г.*, 2006. Казанский Кремль, историко-археологическое исследование. Казань: б. и. 188 с., илл.
- Тепловодская Т. М.*, 1977. Некоторые данные о технологии изготовления керамики в позднесредневековом Отраре // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука.
- Федоров-Давыдов Г. А.*, 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ. 227 с.
- Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М.*, 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука. С. 133–248.
- Шишкина Г. В.*, 1979. Глазурованная керамика Согда. Ташкент: ФАН. 165 с.
- Шляхова В. И.*, 1980. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде // СА. № 4. С. 75–86.
- Bohlendorf-Arslan B.*, 2004. Glasierte Byzantinische keramik aus der Turkei. Istanbul. 3 vv. Chinese ceramics, from the Paleolithic period through the Qing dynasty, 2010. New Haven; London. 687 p.
- Francois V.*, 1995. La ceramique Byzantine a Thasos // Etudes Thasiennes. Vol. XVI. Paris. 384 p.
- Morgan Ch. H.*, 1942. The Byzantine Pottery // Corinth. Results of excavations conducted by the American school of classical studies at Athens. Vol. 11. Cambridge, Massachusetts: Published by Harvard University Press.
- Papanikola-Bakirtzi D., Mavrikiou F. N., Bakirtzis Ch.*, 1999. Byzantine glazed pottery in the Benaki Museum. Athens. 204 p.
- Pope J. A.*, 1952. Fourteenth-century Blue-and-White // Freer Gallery of Art occasional papers. Vol. 2. № 1. Washington.
- Uggeri S. P.*, 1979. Protomaiolica Brindisina. Gruppo I // Faenza. Anno LXV. № 6. Faenza. P. 241–255.
- Whitehouse D.*, 1980. Proto-Maiolica // Faenza. Anno LXVI. № 1/6. Faenza. P. 77–90.

ИСПАНСКАЯ КЕРАМИКА В СРЕДНЕВЕКОВОМ БОЛГАРЕ¹

О том, что в ходе крупной международной торговли в XIV–XV вв. испанская керамика доходила до Нижнего и Среднего Поволжья, было известно благодаря находкам обломков поливных чаш с росписью люстром и подглазурными деталями, сделанными синей краской (кобальтом). Такая керамика зафиксирована в столичных центрах Нижнего Поволжья (*Масловский*, 2006. С. 441), Биляре (*Валиулина*, 2000. С. 278. Рис. 8) и Москве (*Коваль*, 1996; 2010. Ил. 38, 6, 7). Значительное число находок такой керамики происходит из городов Северного Причерноморья, куда она ввозилась итальянскими купцами (*Тесленко*, 2004; *Koval*, 2013. Р. 96). Но до недавнего времени не было никаких данных о том, что наряду с глазурованной посудой сюда импортировалась и неполивная тарная керамика испанского производства.

Новые данные были получены после раскопок в Болгаре, которые допустимо соотносить с тарной керамикой средневековой Испании. На сегодняшний день можно говорить о трех группах таких изделий.

Группа 1

Плоскодонные тарные сосуды (в дальнейшем называемые пифосами) с вертикальными припухлыми венчиками. Среди них можно выделить две подгруппы, различающиеся формовочной массой и составом примесей в ней.

К *подгруппе А* относятся сосуды из ожелезненной (красножгущейся) глины. В составе формовочной массы в них всегда присутствует большое количество красного шамота, карбонаты встречаются редко (рис. 1, 2, 3). На некоторых обломках видны полости от выгоревшей органической (или карбонатной?) примеси (рис. 1, 1). Иногда поверхность сосудов покрыта очень тонким слоем белого ангоба (рис. 2, 1; 3, 2), но в большинстве случаев она имеет ровный красный цвет. Именно на сосудах этой подгруппы встречаются потеки зеленой прозрачной глазури (рис. 2, 2, 3). 46 обломков, принадлежавших не более чем пяти разным сосудам (рис. 2; 3, 1, 2) этой подгруппы, зафиксированы на раскопах CLXXIX и СХСII. Среди них имелись 14 крупных обломков из в контекстов 1330–1370-х гг.

Среди перечисленных находок особенный интерес представляют два обломка стенок сосудов с отпечатками круглых клейм диаметром около 3 см. Один из них принадлежал сосуду серо-бурого цвета, приобретенного в результате попадания в пожар (2014-CLXXIX-917)², на нем сохранилась часть клейма с круговой нечитаемой латинской надписью и изображением геральдической лилии

¹ Первая публикация в журнале «Поволжская археология». Казань, 2016. № 4. С. 101–124.

² Эта находка происходила из переотложенного контекста. Указанные шифры включают: год раскопок – номер раскопа – номер находки по коллекционной описи.

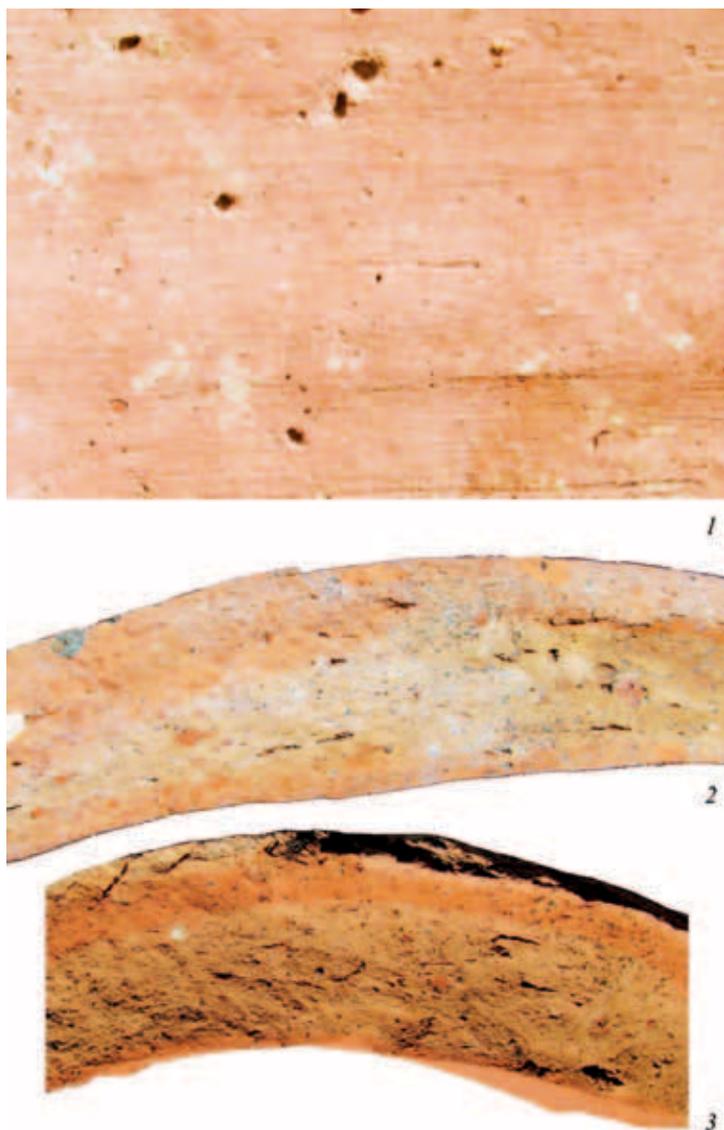

Рис. 1. Фактура внутренней поверхности (1) и изломов (2, 3) керамики группы 1 (подгруппа А)

1, 2 – от обломка, показанного на рис. 2, 5; 3 – излом стенки обломка, показанного на рис. 2, 3

(рис. 3, 1, 1а; 4, 1). Второй обломок стенки сосуда с нечетко оттиснутым клеймом (2015-CLXXIX-91) происходил из контекста 1330–1340-х гг., на клейме видна латинская буква V и восьмиконечная звезда в круговой латинской надписи (рис. 4, 7). К атрибуции этих клейм мы вернемся ниже.

К подгруппе Б относятся сосуды, профилированные аналогично пифосам подгруппы А, но изготовленные из слабожелезненной (светло-желтой) глины,

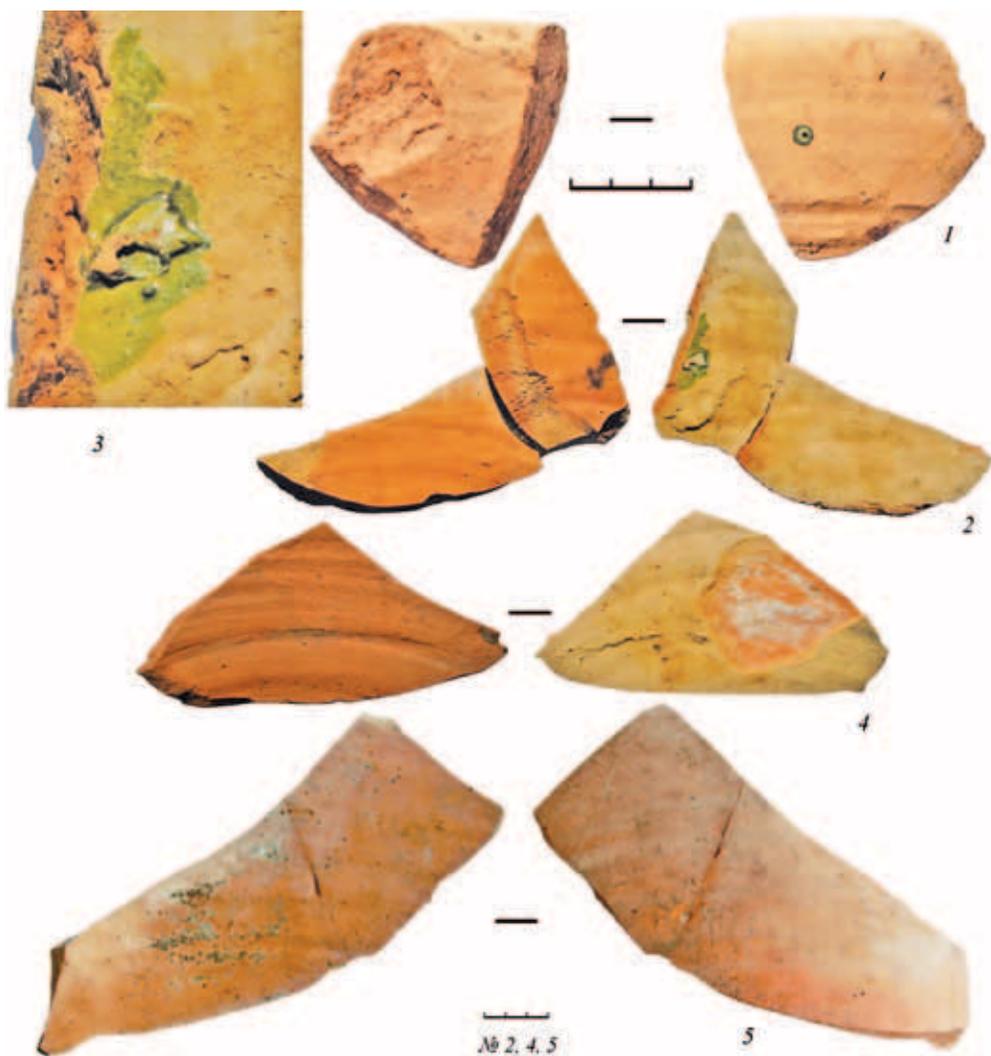

Рис. 2. Обломки пифосов из раскопов CLXXIX (1) и CLXII (2–5)

причем излом черепка был либо одноцветный (рис. 5, 2), либо на нем фиксируется красная или розоватая сердцевина (рис. 5, 1). От пифосов подгруппы А эти сосуды отличались несколько более тонкими стенками. В большинстве случаев они изготовлены из глины без искусственных примесей. В составе примесей изредка встречается мелкий розовый шамот, отмечены также явно случайные включения кварцитов и единичные крупные зерна карбонатов (очевидно, это естественное загрязнение глины). В целом формовочная масса выглядит как естественно-чистая глина со случайными естественными примесями, в которую в некоторых случаях добавлен мелкий шамот. На поверхности отдельных обломков видны пятна и потеки желто-зеленой или желтой глазури (рис. 6, 2).

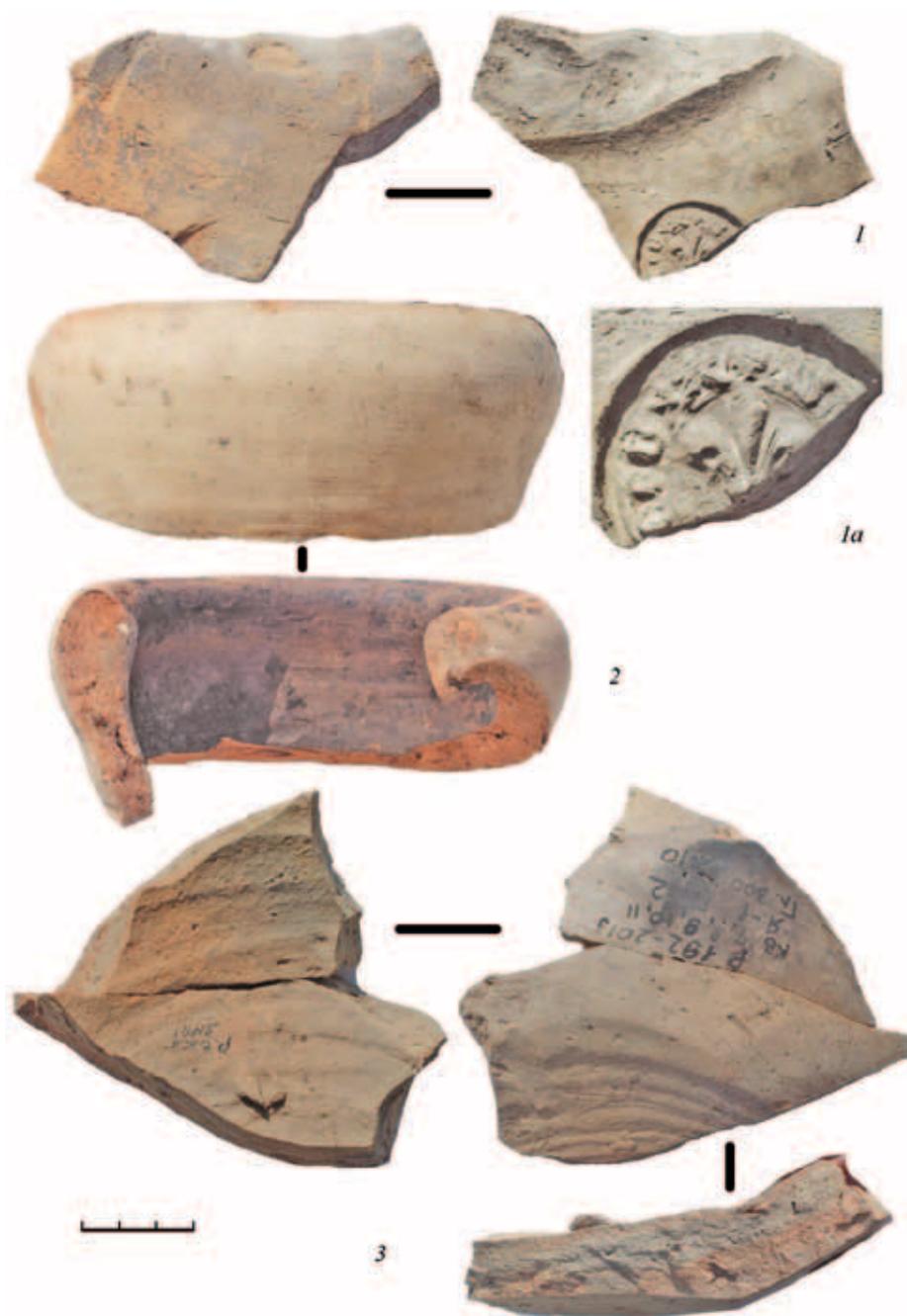

Рис. 3. Обломки пифосов групп 1А (1, 2) и 1Б (3) из раскопов CLXXIV (1, 2) и CXСII (3)

Рис. 4. Клейма на пифосах из Болгара (1, 7) и Испании (2–6, 8, 9; без масштаба)

2, 3 – из монастыря Тринидад в Валенсии (по: *Soler Ferrer*, 1988. P. 179) и рынка в Пальме на Майорке (по: *Beltran, Bercero*, 2012. P. 106); 4 – из монастыря св. Катерины в Барселоне (по: *Beltran, Bercero*, 2012. P. 106); 5, 6 – из археологических материалов Патерны (по: *Villarreal Escalante, Mesquida Garcia*, 2007. Fig. 7, 42; *Amigues, Mesquida Garcia*, 1987. Fig. 32, 40); 8 – из церкви Санта-Мария в Кастельон-де-Ампуриас (по: *Beltran, Bercero*, 2012. P. 105. Lam. 6, 2); 9 – из раскопок на площади Gardunya в Барселоне (по: *Beltran, Bercero*, 2012. P. 105. Lam. 6, 2)

Раскопки Института археологии РАН в 2012–2014 гг. зафиксировали несколько десятков обломков таких сосудов от не менее чем трех-четырех сосудов, причем удалось почти полностью реконструировать один из них (2013-СХСП-132) (рис. 5, 1; 7)³. На стенках пифоса сохранились следы дипинто, выполненного красной краской (рис. 6, 1).

³ Реставрацию сосуда провел канд. истор. наук И. В. Волков (Российский НИИ культурного и природного наследия).

Рис. 5. Пифос группы 1Б (2013-СХСП-132) (1) и излом стенки аналогичного пифоса из раскопа CLXXIX (2)

Все крупные обломки происходили из контекстов 1330–1370-х гг., следовательно, пифосы подгруппы Б поступили в Болгар синхронно сосудам подгруппы А, причем они практически не различались по форме, пропорциям и технологии изготовления. Эти сосуды либо полностью вытягивались на ножном гончарном круге (за исключением горла), либо собирались из трех частей. В последнем

Рис. 6. Обломки стенок пифоса группы 1Б с дипинто (1) и пятнами желтовато-зеленоватой глазури (2)

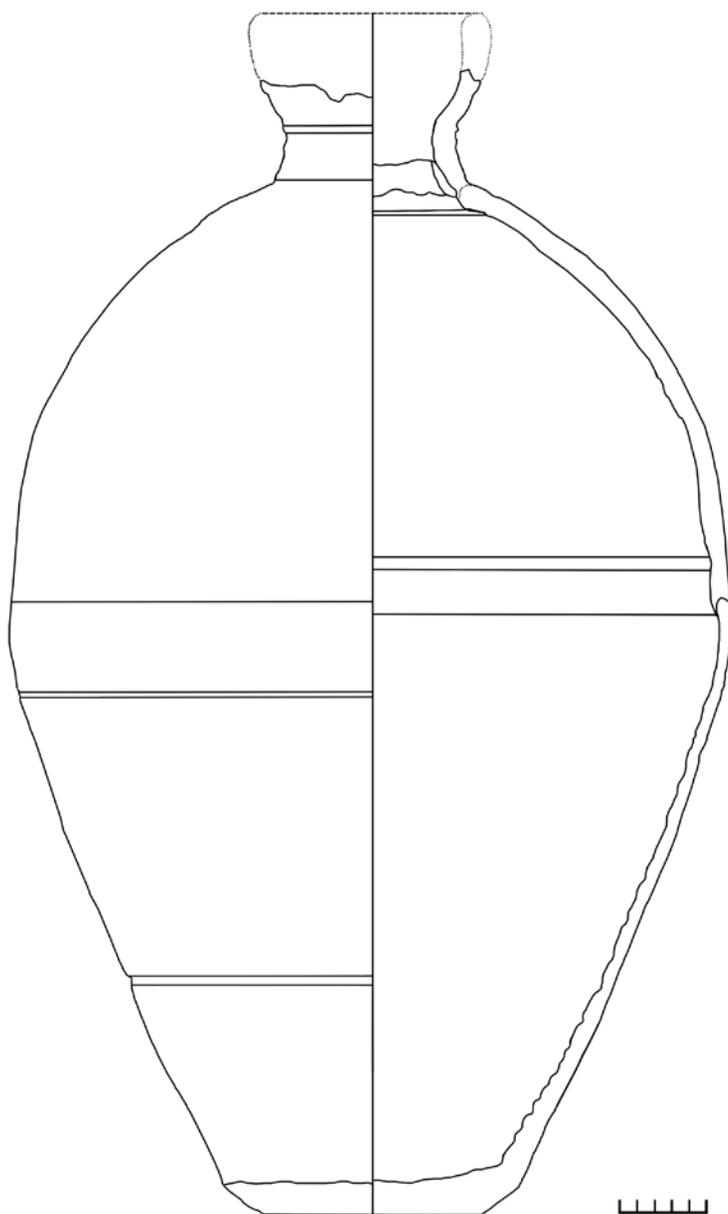

Рис. 7. Пифос из раскопа СХСН (1) в сравнении с амфорами типов *Barcelona IV* (2–3) и пифосами типа *Barcelona V* (5–7), клеймо на амфоре типа *Barcelona IV* (4) (по: *Beltran, Bercero*, 2012. Lam. 6; 7, 8, 10, 12–14)

случае нижняя и верхняя части пифоса вытягивались по отдельности (верхнюю часть могли формовать и ленточным налепом). В одних случаях на днищах видны следы среза нитью, в других – зольной подсыпки. На днищах некоторых сосудов подгруппы Б фиксируются следы срезания излишков глины по краям дна (рис. 5, 1). В последнюю очередь прикреплялась горловина, сформованная отдельно и наклепленная на уже готовое тулово (Волков, Губайдуллин, 2012. Рис. 6, Б). Профилировки горловин однотипны (почти цилиндрические, с утолщенным вертикальным или слегка отогнутым наружу венчиком) и различаются лишь мелкими деталями оформления.

Итак, пифосы группы 1 близки по профилировке и технологии изготовления, но различаются по рецептуре подготовки формовочных масс и самому глиняному сырью, что позволяет говорить о двух различных центрах их производства в пределах одной культурно-исторической области. Для ее определения важны данные о находках во многих городах Каталонии и Андалусии точно таких же по профилировке сосудов, пункты производства которых установлены с разной степенью точности. Формовочные массы этих сосудов не описаны в испаноязычной литературе, но личное знакомство с археологическими материалами и консультации со специалистами⁴ позволяют предварительно указать наиболее вероятное место производства найденных в Болгаре пифосов – это Каталония (с наибольшей вероятностью – Барселона).

При реставрации древних построек в Барселоне были собраны многие десятки сосудов подобного облика, их обломки известны и в археологических материалах. В классификации тарной керамики Барселоны эти сосуды отнесены к типу *Barcelona V*, причем они имеют довольно большие различия по размерам и пропорциям (Beltran, Bercero, 2012. Lam. 7) (рис. 8, 5–7). Для датировки большое значение имеют находки в храмах, где пифосы использовали в потолочных перекрытиях для облегчения веса засыпки кровли. Наиболее ранними постройками, где использовались такие сосуды, являются церковь Санта-Мария в Кабельон-де-Ампуриас (провинция Жерона, северо-восток Каталонии), строившаяся в 1261–1314 гг., и верхний этаж церкви монастыря Сант-Пере де ле Пуеллес, выстроенный в 1322 г. Пифосы этого типа использовались в храмовых постройках вплоть до самого конца XV в. (Beltran, Bercero, 2012. P. 93. Fig. 2). Вероятно, их появление следует связывать с самым началом XIV в. Таким образом, пифосы типа *Barcelona V* изготавливались на протяжении почти 200 лет.

На сосудах типа *Barcelona V* изредка встречаются отпечатки клейм, но особенно широко клеймение было распространено у другой, несколько более ранней, разновидности барселонской керамической тары – амфор типа *Barcelona IV*. Эти

⁴ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность директору Национального музея керамики и предметов роскоши имени Гонсалеса Марти в Валенсии (Испания) доктору J. Coll Conesa за полезные консультации и возможность осмотреть фондовые коллекции музея. Благодарю также директора Муниципального музея керамики в Манисесе S. Blanes Ibanes и директора Муниципального музея керамики в Патерне E. Mopzanego. Большую пользу исследованию принесли также консультации с руководителем «Центра подводной археологии» Киевского национального университета (Украина) С. М. Зеленко, которому выражаю свою благодарность за дружескую помощь.

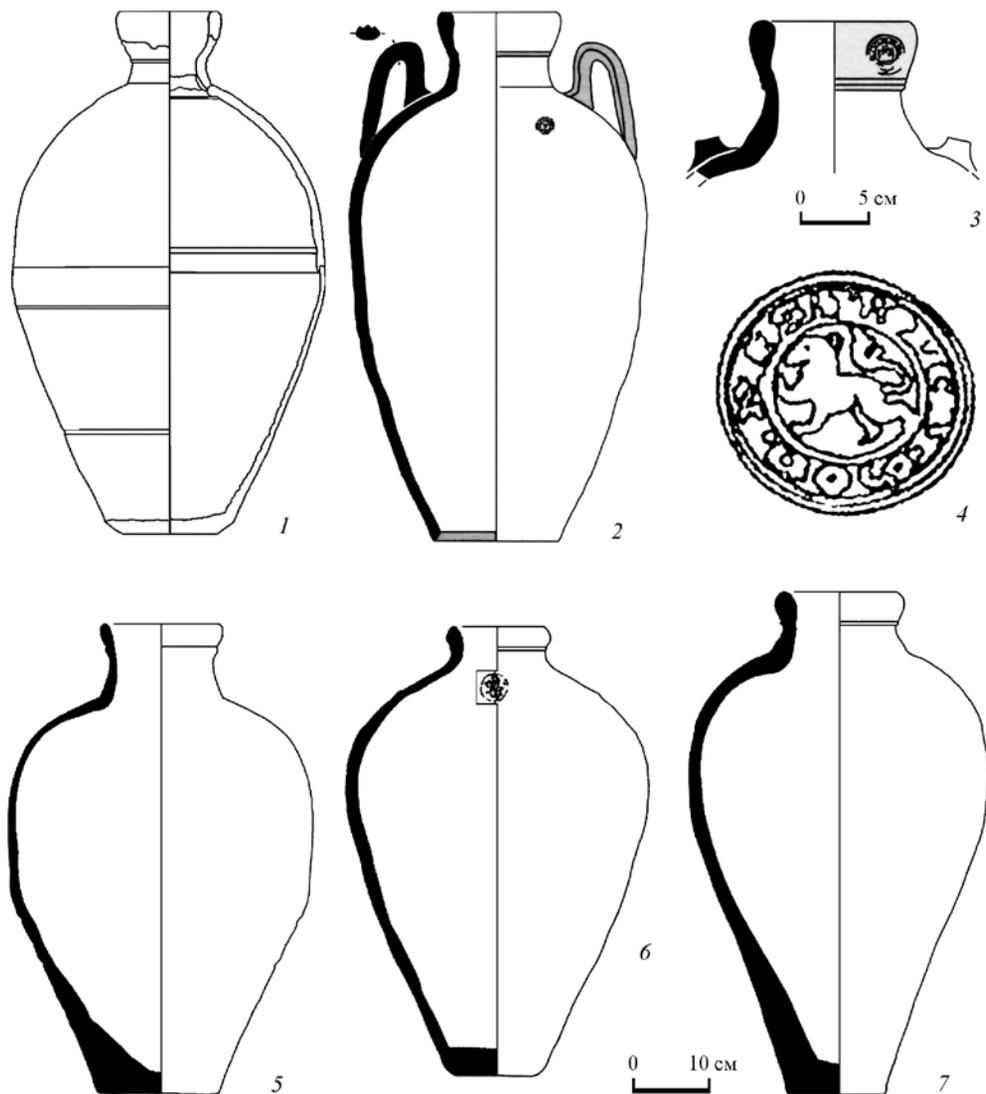

Рис. 8. Пифос группы 1Б из раскопа (2013-СХСII-132). Реставрация и прорисовка И.В. Волкова

сосуды, производившиеся в XIII–XIV вв., имели ту же форму тулова, что у пифосов, но обладали прикрепленными к плечикам петельчатыми ручками (рис. 8, 2). Совершенно очевидно, что амфоры типа IV и пифосы типа V представляют собой разные варианты фактически одного и того же тарного сосуда, трансформировавшегося на протяжении XIV в. в направлении отказа от ручек.

Среди широкого разнообразия клейм, помещавшихся на плечики (редко – на венчик) амфор типа *Barcelona IV*, известны геральдические лилии, аналогичные клейму из Болгара (рис. 4, 1). В немалом числе они известны на пифосах

типа V (*Beltran, Bercero, 2012. Lam. 8, 15, 16; 9, 13, 14. P. 106. № 15, 16*) (рис. 4, 3, 4). В XV в. традиция клеймения пифосов постепенно уходит в прошлое, но даже на сосуды конца XV в. клейма еще иногда ставились (*Menendez Fueyo, 2012. P. 191*).

Геральдические лилии были довольно широко распространены в Каталонии и Арагоне (после объединения с Барселонским графством). Поэтому их можно видеть помещенными на многие монеты королей Арагона и Майорки с XII по XV в. Укажем здесь только на золотые монеты короля Арагона Педро III, королей Майорки Хайме III, Хуана II, Альфонса V (*Crusafont, 1996. Lam. IV; VII, 1–8*) и медные монеты каталонских городов Таларна (*Crusafont et al., 1996. P. 115. № 45*) и Тремпа (*Crusafont, 1996. Lam. X, 7–8*), причем на гербе последнего по сей день красуются те же лилии.

На керамике изображения лилий в клеймах не несли уже прямого геральдического смысла, превратившись, вероятно, в один из символов, популярных у властей разных городов. Поэтому клейма с лилиями встречаются не только на продукции Барселоны, но и на самой разнообразной керамике, найденной в Толедо (*Ruiz Taboada, Fernandez del Cerro, 2009. Lam. 13, 59*), Патерне (*Amigues, Mesquida Garcia, 1987. Fig. 32, 40; Villarrol Escalante, Mesquida Garcia, 2007. Fig. 7, 29–35, 42*), Валенсии (*Soler Ferrer, 1988. P. 179*) (рис. 4, 2–6). Тем не менее очевидно, что именно в гончарстве Каталонии и Валенсии (т. е. в королевстве Арагон) этот символ был распространен особенно широко.

Немалое значение имеет второй клеймо, обнаруженное в Болгаре, с латинской буквой V и восьмиконечной звездой (рис. 4, 7). Это клеймо имеет прямые аналогии, с амфорами типа *Barcelona IV* из Каталонии. Одно близкое клеймо известно на амфоре из церкви Санта-Мария в Кастельон-де-Ампуриас в провинции Жерона (рис. 4, 8). На нем звезда не восьми, а шестиконечная, но зато четко читается круговая надпись *Salvador Sacost* (*Beltran, Bercero, 2012. P. 105. Lam. 6, 2*). Еще ближе вторая аналогия, происходящая из раскопок на площади *Gardunya* в Барселоне, – на этом клейме звезда восьмиконечная, а круговая надпись нечитаема (рис. 4, 9) (*Beltran, Bercero, 2012. P. 105. Lam. 6, 2*).

Вряд ли стоит сомневаться в каталонском происхождении рассматриваемых здесь разновидностей амфор и пифосов. Как уже отмечалось, в Барселоне известны многие десятки таких сосудов, массово применявшихся в храмовом строительстве (*Bassegoda Nonell, 1978. Lam. Vb*). В других городах, удаленных от Барселоны, они встречаются уже заметно реже. Например, в Аликанте, в южной части королевства Валенсия, – крупном торговом порту на берегу моря, пифосы типа *Barcelona V* известны в небольшом количестве. Так, при строительстве там базилики Санта-Мария, возведенной в 1480–1530 гг., из примерно 230 сосудов в кровельных засыпках, только 7 экз. (3%) относились к рассматриваемому типу (*Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005. Fig. 5, тип III*). Столь низкая доля этих сосудов означает, что к началу XVI в. такие пифосы производились в небольшом числе, либо они уже не принимали заметного участия в средиземноморской торговле. Амфоры и пифосы типов *Barcelona IV* и *V* известны также в Жероне, Валенсии и еще в нескольких пунктах на территории Каталонии и Балеарских островов (*Menendez Fueyo, 2012. P. 81; Beltran, Bercero, 2012. P. 105, 106*).

Однако важно отметить, что даже к началу XVI в., судя по находкам из Аликанте, форма и пропорции пифосов этой группы оставались такими же, как

и двумя столетиями раньше (*Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005. Lam. V. Fig. 2, 5, 6. P. 211, 212, 218; Menendez Fueyo, 2012. Fig. 6, 2; 9. P. 189–192, 195, 214, 215, 282–284*). Кроме того, на них по-прежнему ставились круглые клейма, а на поверхности встречались дипинти (*Menendez Fueyo, 2012. P. 215*) и потеки зеленой глазури (*Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005. Lam. V*).

Происхождение потеков глазури остается неясным. Возможно, пифосы изготавливались в тех же мастерских, где занимались производством поливной посуды. Глазурь наносилась в тех же помещениях, где сушились и ожидали обжига уже сформованные пифосы. Отдельные порции глазури могли попадать на стенки пифосов, и с началом обжига пифосов, глазурь закреплялась именно на тех участках, куда она случайно попала. Допускать совместный обжиг тарных и столовых поливных сосудов не представляется возможным, поскольку те и другие требовали разной продолжительности обжига и особенностей в соблюдении режима.

В связи с этим не случайной представляется выявленная идентичность химического состава глиняного теста амфор типов *Barcelona IV* и пифосов типа *Barcelona V*, а также керамики с монокромной зеленой глазурью (*Madrid et al., 2015. Fig. 8*). Если при производстве амфор, пифосов и столовой посуды применялась формовочная масса одного и того же химического состава (а значит из глины одного месторождения), то с высокой степенью достоверности можно допускать и изготовление керамики из этого сырья в одних и тех же мастерских. Следует заметить, что формовочные массы амфор и пифосов имеют близкое сходство с люстровой керамикой Валенсии, хотя и принадлежат к разным кластерам (*Madrid et al., 2015. Fig. 2, 8, 9*).

Поэтому, может быть, не стоит считать случайным существование еще одной группы испанских пифосов, на которых встречаются потеки зеленой глазури (хотя и существенно реже). Это пифосы производства Патерны, отнесенные к «типу II» сосудов, извлеченных из кровли базилики Санта-Мария в Аликанте (*Menendez Fueyo, 2012. P. 204, 281*). От барселонской тары эти пифосы заметно отличаются по формам венчиков, размерам и датировкам: пифосы Патерны значительно крупнее (их объем достигает 80 л), венчики более массивные и всегда отогнуты наружу (рис. 9, 2, 3). Наконец, они появляются позже каталонских (не ранее второй половины XIV в.). С учетом отмеченной выше близости химического состава формовочных масс, можно допускать, что часть пифосов XIV в., морфологически идентичных барселонским, изготавливалась в Патерне. Так как гончарное производство в Патерне появилось в XIII в., после присоединения Валенсии к Арагону (1238 г.), можно предполагать, что налаживание производства пифосов в Патерне происходило не без влияния со стороны каталонского гончарства, что вполне могло привести к копированию известных форм сосудов.

Группа 2

Округлодонные амфоры с петельчатыми ручками на плечиках, изготовленные из сильноожегленной (красножгущейся) глины без видимых примесей (кроме естественных включений карбонатных пород). Изготавливались вытягиванием, из двух частей (фиксируется стыковочный шов на середине высоты сосуда)

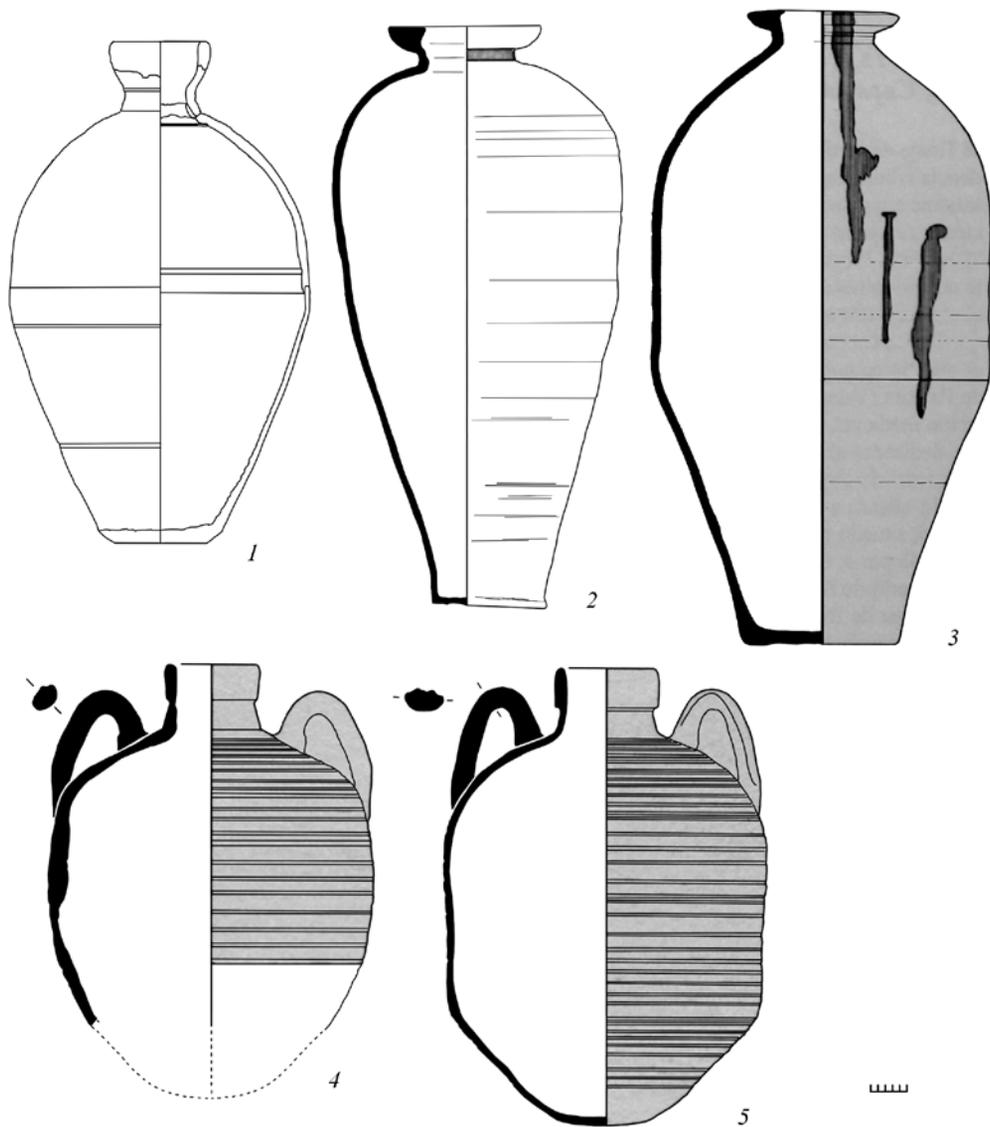

Рис. 9. Пифос группы 1Б из Болгара (1), пифосы «типа II» производства Патерны из Аликанте (2, 3) и амфоры типа *Barcelona II* (4, 5)

2, 3 – по: *Bevia Garcia, Azuar Ruiz*, 2005. Fig. 2, 3; *Menendez Fueyo*, 2012. P. 281; 4, 5 – по: *Beltran, Bercero*, 2012. Lam. 4, 1, 3

и отдельно вытянутого горла, отличительной морфологической особенностью которого являлось утолщение на внешней стороне. На раскопках в Болгаре удалось достоверно зафиксировать только один обломок такого венчика, найденного в контексте 1310–1330-х гг. (рис. 12). По своей форме этот венчик может быть сопоставлен только с одной разновидностью средневековых амфор – сосудами типа

Barcelona II (рис. 9, 3, 4) второй половины XIII–XIV в. (*Beltran, Bercero, 2012. P. 87*). Интересно, что на амфорах этого типа также встречаются потеки зеленой глазури на внешней поверхности (*Beltran, Bercero, 2012. P. 87. Fig. 9*).

За исключением Испании, амфоры рассматриваемого типа известны по единичным находкам на побережье Израиля в комплексе пожара 1291 г. (*Johns, 1934. Fig. 9*) и в Крыму (Новосветская бухта) в кораблекрушении второй половины XIII в. (*Морозова, Зеленко, 2012. С. 83–86. Рис. 1, 1*).

Группа 3

Округлодонные амфоры с петельчатыми ручками на плечиках, изготовленные из слабожелезненной глины (желто-розового цвета) с очень большим количеством крупных (до 1 мм) минеральных включений различных пород – кварцитовые, полевошпатные, карбонатные, железистые. Это единственная разновидность амфор XIV в. со столь грубыми примесями в формовочных массах и сильно шероховатой фактурой поверхности (рис. 10, 1, 2). Второй необычной особенностью амфор этой группы являются отпечатки веревки на уровне максимального диаметра сосуда.

Впервые в Болгаре обломки такой амфоры были диагностированы И. В. Волковым в 2012 г. на раскопе CLXXII (руководитель А. М. Губайдуллин). Созданной им графической реконструкции не хватало только ручек и венчика (*Волков, Губайдуллин, 2012, С. 192, 193. Рис. 1–4*) (рис. 11, 1). Исследователь сделал подробнейшее описание формовочной массы, профилировки амфоры, высказал предположение о порядке ее конструирования (из не менее чем двух частей, вытягивавшихся по-отдельности, а затем состыковывавшихся) и предложил объяснение отпечатков веревочки – для измерения окружности амфоры и, тем самым, ее объема. Сохранившаяся высота амфоры 58,5 см, максимальный диаметр 47 см. Амфора прошла полный высокотемпературный обжиг, ее стенки были трех-пятислойными, с полосами желтого и розового цвета. Обломки происходили из контекста 1330-х гг. (*Волков, Губайдуллин, 2012. С. 191, 192*).

На наших раскопах найдено 12 обломков таких амфор, причем большинство самых крупных обломков связаны с контекстами 1330–1340-х гг. (рис. 10, 1). Единичные обломки встречаются в слоях XIV в. в Азове, на городищах Селитренное и Маджары.

Испанские материалы свидетельствуют, что амфоры идентичной профилировки, с аналогично крепившимися ручками, происходят из кораблекрушения *Les Sorres X*, исследованного на окраине Барселоны и датированного второй половиной XIV в. На поверхности этих амфор также заметны отпечатки крученой веревки (*Raurich et al., 1992. Fig. 33–38; Beltran, Bercero, 2012. Lam. 2, 1*) (рис. 11, 2). По мнению ряда испанских исследователей, такие амфоры привозились из Андалусии, вероятно, из Севильи (*Beltran, Bercero, 2012. P. 82, 84*). Надо думать, что способ контроля за объемом сосудов при помощи мерной веревки был распространен у гончаров Андалусии.

Интересно, что в конце XIV в. производители амфор типа *Les Sorres X* отказались от крепления к ним ручек, превратив их в пифосы (испанские

Рис. 10. Обломки амфор группы 3 из Болгара (1, 2) и поверхность пифоса «типа VIII» (3, 4) из монастыря Санто-Доминго в Валенсии (из коллекции Муниципального музея Манисеса)

исследователи предпочитают называть эти сосуды «кувшинами»). Очевидными наследниками рассмотренных выше амфор стали круглодонные пифосы типов VIII и XX (нумерация типов приводится по группировке находок в потолочных перекрытиях базилики Санта-Мария в Аликанте). Их формовочные массы имеют прямое сходство с образцами из Болгара, поскольку содержат выступающие на поверхности сосудов грубые примеси (рис. 12, 3). Отличие состоит

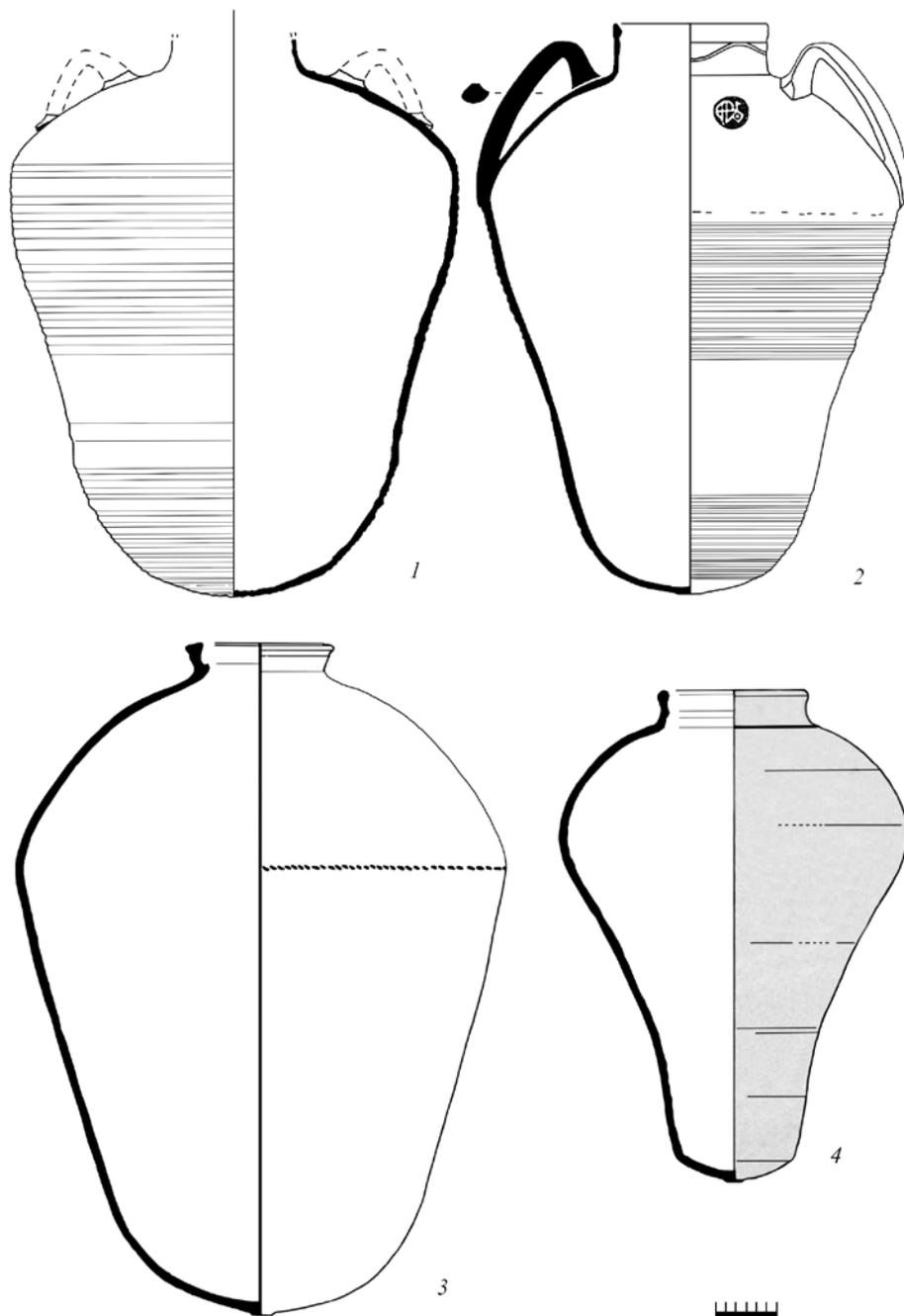

Рис. 11. Амфора группы 3 (1) и испанские сосуды (2–4)

1 – по: Волков, Губайдуллин, 2012. Рис. 1; 2 – амфора из кораблекрушения *Les Sorres X* (по: Beltran, Bercero, 2012. Lam. 2, 1); 3, 4 – пифосы типов VIII и XX (по: Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005. Fig. 3, 2; 4, 5)

Рис. 12. Обломок амфоры группы 2 из раскопа СХСII в Болгаре

в том, что количество примесей на сосудах конца XIV – XV в., которые удалось осмотреть⁵, было заметно меньше.

Пифосы типа VIII изготавливались с середины XIV по XVII в., они имели грушевидный корпус, близкий (практически идентичный) более ранним амфорам (рис. 11, 3), причем большинство из них несли на уровне максимального диаметра отпечаток крученой веревки (*Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005. P. 89, 90, 209, 218. Fig. 3, 2, 3; Menendez Fueyo, 2012. P. 192, 193, 209–213, 276*) (рис. 10, 4). В базилике Санта-Мария в Аликанте пифосы этого типа (19 сосудов) составляли заметную долю (8%), занимая второе место по численности после местных валенсийских.

Не менее интересны пифосы типа XX с большим количеством грубых примесей в формовочных массах (*Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005. P. 100. Fig. 4, 5. Lam. XII; Menendez Fueyo, 2012. P. 241*) (рис. 11, 4). В базилике Санта-Мария в Аликанте обнаружено только 2 пифоса типа XX, что не удивительно, поскольку появляются они лишь в конце XV в., а бытуют в XVI в. (*Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005. Fig. 9*). На их поверхности также встречаются отпечатки крученой веревочки.

Происхождение пифосов типов VIII и XX также связывается с Андалусией. Очевидно, что столь долгое (на протяжении 200–300 лет) сохранение единства формы, набора примесей для приготовления керамического теста и использование веревки для контроля за объемом сосуда, свидетельствует о глубокой традиции, сохранявшейся в среде потомственных гончаров, проживавших, очевидно, в каком-то одном центре.

Доставку испанских амфор и пифосов в Восточную Европу могли осуществлять итальянские купцы, а главной перевалочной базой при этом служила

⁵ Пифосы из монастыря Санто-Доминго в Валенсии (неопубликованные материалы из фондов Музея керамики в Манисесе), за возможность познакомиться с которыми благодарю директора музея Сару Бланес Ибанес.

венцианская фактория Тана, расположенная в устье реки Дон. Отсюда испанские сосуды (вместе с другой импортной тарой, прежде всего, трапезундскими амфорами) могли транспортироваться водным путем по Дону и Волге в золотоордынские города Поволжья, вплоть до Болгара. Однако Азак не был единственным местом, куда ввозилась испанская тара. В последние годы ее находки стали известны в Крыму, в кораблекрушении на дне Новосветской бухты (*Морозова, Зеленко, 2012. С. 83–86. Рис. 1, 1*), которое связывают с торговым судном, принадлежавшим Пизе⁶. Очевидно, что эти единичные находки, при отсутствии сведений о подобных сосудах на поселенческих памятниках, говорят о спорадическом характере импорта испанской керамики в Крым и другие города Северного Причерноморья. Впрочем, небольшие обломки испанских амфор и пифосов при раскопках могли просто не выделяться исследователями из общей массы тарной керамики.

Не вполне понятно, какой товар поставлялся на Волгу в этих сосудах. На эту роль в равной мере могут претендовать вино и оливковое масло. Известно, что в XVII–XVIII вв. в круглодонных пифосообразных сосудах – наследниках рассмотренной выше тары – из Испании вывозилось в основном оливковое масло. Возможно, и в XIV в. в них перевозился именно этот товар, однако полной уверенности в этом быть не может. В амфорах, обнаруженных в упоминавшемся кораблекрушении *Les Sorres X* близ Барселоны, находилась соленая рыба. Конечно, вряд ли на изобиловавшую рыбой Волгу из далекой Испании везли также рыбу, поэтому вино и масло остаются наиболее предпочтительным вариантом. Вероятно, из-за исключительной дороговизны экзотические товары из Западного Средиземноморья попадали в Болгар не часто, но само их присутствие в слоях эпохи его расцвета говорит о высокой покупательной способности жителей в тот период истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Валиулина С. И.*, 2000. Исследования золотоордынского Биляра // Тр. ГИМ. Вып. 122. М. С. 273–285.
- Волков И. В., Губайдуллин А. М.*, 2012. Редкие группы керамического импорта в Болгарах // Поволжская археология. № 1. Казань. С. 190–203.
- Зеленко С. М., Лебединский В. В., Кузьминов В. В., Новицкая Р. С., Царенко С. А., Морозова Я. И., Пронина Ю. А.*, 2016. Подводно-археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2014 г. Феодосия: Арт Лайф. 169 с.
- Коваль В. Ю.*, 1996. Испанская люстровая керамика в Москве // РА. № 1. С. 169–176.
- Коваль В. Ю.*, 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука. 269 с.
- Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю.*, 2015. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. С. 188–199.

⁶ В 2014 г. на территории порта Феодосии (Крым) при подводных исследованиях найден целый пифос, принадлежащий к типу VIII сосудов из базилики Санта-Мария в Аликанте (*Зеленко и др.*, 2016. С. 13. Рис. 4, 6). На линии максимального диаметра этого пифоса также имеются отпечатки веревочки, которой контролировали объем сосуда.

- Масловский А.Н.*, 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов: Азовский музей. С. 308–473.
- Морозова Я.И., Зеленко С.М.*, 2012. Средневековая испанская амфора с кораблекрушения в Черном море // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Київ: Київський національний університет. С. 83–86.
- Тесленко И.Б.*, 2004. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. Киев – Судак: Академперіодика. С. 467–494.
- Arte islamico en Granada.* Granada, 1995. 512 p.
- Amigues F., Mesquida Garcia M.*, 1987. Un horno medieval de ceramica. «El Testar de Moli» Paterna (Valencia). Madrid: Casa de Velasquez. 103 p.
- Beltran J., Bercero H.*, 2012. Les gerres de transport marítim: producció i comerç a Barcelona // Quaderns d'arqueologia i història de la ciutat de Barcelona. Quarhis. Epoca II. Num. 8. Barcelona. P. 80–109.
- Bassegoda Nonell J.* 1978. La ceramica popular de la arquitectura gotica. Barcelona. 261 p.
- Bevia Garcia M., Azuar Ruiz R.*, 2005. Santa Maria Descubierta. Arqueologia, arquitectura y ceramic. Alicante. 259 p.
- Crusafont i Sabater M.*, 1996. Historia de la moneda Catalana. Barcelona: Critica. 198 p.
- Crusafont i Sabater M., Labrot J., Moll i Mercadal B.*, 1996. Plomos y jetones medievales de la peninsula Iberica. Barcelona – Madrid. 174 p.
- Johns C.N.*, 1934. Excavations at Pilgrims' Castle, "Atlit" (1932): the ancient tell the outer defences of the Castle // The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine. Vol. III. Jerusalem – L. P. 145–164.
- Koval V.*, 2013. Medieval glazed ceramics of Spain and Italy in Eastern Europe // 12th European Meeting of Ancient Ceramics. Padova, Italy. Conference Program and Abstracts. Padova. С. 96.
- Madrid M., Buxeda J., Inantz J. et al.*, 2015. Arqueometria i arqueologia de les ceràmiques medieval i modernes de Barcelona: el projecte tecnològic // Actes V Congrés d'Arqueologia medieval i moderna a Catalunya. Vol. 1. P. 253–270.
- Menendez Fueyo J.L.*, 2012. La ceramica medieval de la Basilica de Santa Maria de Alicante. Oxford. 430 p. (BAR International Series. № 2378).
- Raurich X. et al.*, 1992. Les Sorres X. Un vaixell medieval al canal olímpic de rem (Castelldefels, Baix Llobregat). Barcelona. 72 p.
- Ruiz Taboada A., Fernandez del Cerro J.*, 2009. La Puerta del Vado de Toledo. Toledo. 237 p.
- Soler Ferrer M.P.*, 1988. Historia de la ceramica Valenciana. T. II. Paterna. 272 p.
- Villarroel Escalante J.J., Mesquida Garcia M.*, 2007. Las marcas de las tinajas de Paterna // Comercio, redistribucion y fondeaderos. La navegacion a vela en el Mediterraneo. Valencia. P. 383–395. (Actas V Jornadas Internacionales de arqueologia Subaquatica).

ПРИВОЗИЛИСЬ ЛИ В ЕВРОПУ КОРЕЙСКИЕ СЕЛАДОНЫ?

Китайские селадоны в Европе известны давно (*Whitehouse*, 1972. Р. 63–78). Об импорте этой своеобразной китайской керамики свидетельствуют антикварные коллекции многих европейских музеев, а отдельные находки, идентичные музейным, обнаруживаются при археологических раскопках в контекстах начиная с XI в. (*Whitehouse*, 1966. Р. 172).

Семейство *селадонов* – это большая группа керамических изделий, объединяемых такими признаками, как твердая (фарфоровидная) формовочная масса, имевшая, как правило, серый цвет; и глазурное покрытие зеленого цвета. В европейской литературе селадоны относят не к фарфору, а к изделиям из «каменной массы» (*stonepaste*), однако по химическому составу она практически не отличается от обычного (белого) фарфора (*La Ceramique Chinoise*, 1978. Р. 287). При преобладающем светло-сером цвете излома черепка часто встречаются изделия с более темным цветом массы – до темно-серого, а в отдельных случаях – светло-красного или коричневатого цвета; с XIII в. известны селадоны с белым тестом (*Аранова*, 1977. С. 31).

Характерной особенностью селадонов эпохи Юань считается облицовка глазурью дна с нижней стороны. При этом неглазурованной оставалась только внутренняя сторона кольцевого поддона и иногда специально оставленное неглазурованным кольцо (или круг) внутри поддона. Эти неглазурованные поверхности обычно имеют ржаво-красный или коричневый цвет, который, вероятно, является результатом выпадения в процессе обжига изделий оксида железа, содержавшегося в формовочной массе. Вместе с тем, нередко сосуды с неглазурованными поверхностями серого цвета.

Селадоны покрывались зеленой прозрачной глазурью различных оттенков – от голубоватого до бурого, но в большинстве случаев – все-таки, именно нежно-зеленого цвета (*Коваль*, 2010. С. 134–137. Илл. 53–55).

Термин «селадон» появился в Европе в XVII в. Существует легенда, что он происходит от имени главного героя пасторального романа «Астрейя», принадлежавшего перу французского писателя Оноре д'Юфре, который пользовался в первой половине XVII в. оглушительным успехом во всех странах Европы. Однако совпадение имени героя романа с нарицательным наименованием дорогих импортных сосудов представляется скорее случайным или даже обратным по вектору заимствования. Большого доверия заслуживает мнение о происхождении этого названия от арабского «селдун», означающего «твердый» (*Керамика и фарфор Китая*, 1980. С. 70), однако этимологического исследования этой версии не проводилось. Другие объяснения происхождения термина (например, от имени египетского султана Салах ад-Дина) выглядят уже совершенно сомнительными. При всем этом можно констатировать, что уже в XX в. термин «селадон» стал общепотребительным не только в Европе и Америке, но даже в самом Китае.

Производство селадонов существовало в Китае с X по XVII в. В последнее время наметилась тенденция к удревнению начальной даты их производства, которую

относят уже к IX в. (концу эпохи Тан) (Родионова, Френкель, 2012. С. 22, 34). Работы современных китайских и американских исследователей аргументированно доказывают, что изделия, технологически и визуально близкие селадонам, начали производиться в Китае еще раньше – в период «трех династий» (III в. н. э.) и эпоху династии Цинь (III–IV вв. н. э.) (Chinese ceramics, 2010. P. 176–195). Вполне допустимая возможность удревления технологий, представляется все же необходимым придерживаться прежних дат, поскольку массовым производством селадонов становится именно с X в. В этом столетии они приобретают те узнаваемые формы и цвет, благодаря которым легко выделяются в отдельную группу.

В эпоху Сун (X–XIII вв.) селадоны производились в нескольких районах на севере и юге Китая, а также в Корее. В страны Востока селадоны стали ввозиться также с X в. (Scanlon, 1970. P. 82), но никак не раньше, когда мусульманский Восток был уже прекрасно знаком с полихромной китайской керамикой. Появление на Ближнем и Среднем Востоке селадонов вызвало в Иране и Египте волну местных подражаний – сосудов, изготовлявшихся из кашина и покрывавшихся зеленоватой глазурью. Однако ранние (X–XII вв.) подражания были крайне далеки от китайских оригиналов. В эпоху Юань (XIII–XIV вв.) селадоны распространялись по всей империи Чингизидов, в том числе во все города Золотой Орды и государство Ильханов (Иран). Оттуда они попадали на Ближний Восток (Левант), откуда стали проникать и в Европу. Проводниками для них стали государства крестоносцев в Сирии и Палестине, а также генуэзские и венецианские купцы, наладившие левантийскую торговлю в Средиземноморье. Ничуть не менее массовым оставалось производство селадонов в Китае в эпоху Мин (конец XIV–XVI в.). Лучшие подражания селадонам изготовлялись в XIV–XVI вв. в Иране и Египте (Morgan, 1991. P. 67; Scanlon, 1970. P. 88, 89), производили их также в золотоордынских городах Поволжья, хотя по качеству исполнения поволжские изделия сильно уступали не только китайским оригиналам, но и передневосточным подражаниям, прежде всего, из-за использования рыхлого рассыпчатого кашина.

Надо заметить, что на мусульманском Востоке, откуда селадоны поступали в Европу, их называли «мартабани» – по порту Мартабан в Бирме, откуда они доставлялись кораблями исламских купцов (Jenuns, 1967. P. 72). Бытовали и иные названия, например, в Турции – *zeytuni, guri, bataguri* (Родионова, Френкель, 2012. С. 34).

Сегодня селадонами называют изделия с серым фарфоровидным (т. е. идентичным фарфору по химическому и минеральному составу) черепком и зеленоватой прозрачной глазурью, производившиеся на протяжении длительного периода времени в различных районах Китая, Кореи, Вьетнама, Таиланда. Но все же нет сомнений, что самым крупным, наиболее известным центром производства такой посуды был округ Лунцюань в южнокитайской провинции Чжэцзян. Продукция этого центра на китайском языке называется «Лунцюань-яо», т. е. керамикой Лунцюаня.

В отечественной литературе прижилось терминологическое отождествление «Лунцюань-яо» с западноевропейским названием такой керамики («селадоны»). Поскольку «селадоновая» (по цвету и фактуре) керамика с зеленоватой глазурью различных оттенков производилась не только в Лунцюане,

но и в других районах Китая, такое отождествление, в сущности, не является верным (Родионова, Френкель, 2012. С. 21, 22). Однако во всех тех случаях, когда отечественными исследователями проводилось специальное исследование конкретных образцов, обнаруживалось, что их признаки соответствовали именно Лунцюань-яо, а не каким-то иным разновидностям селадонов (Родионова, Френкель, 2012. С. 17, 18). Это означает, что едва ли не вся поступавшая масса импорта такой керамики на Русь в XIII–XIV вв. относилась все же к продукции Лунцюаня. Несколько сложнее обстоит дело с атрибуцией селадонов, поступавших в золотоордынские города Поволжья, но и там, судя по известным находкам, абсолютно доминировала Лунцюань-яо (либо сосуды, на современном уровне знаний неотличимые от Лунцюаньской продукции).

Выше уже отмечалось, что наряду с Китаем, селадоны изготавливались в Корее (с X по XV в.) и Юго-Восточной Азии (Вьетнаме и Таиланде) с XIII в. Хотя технология их производства была близка китайской, изделия каждой из перечисленных стран отличались значительным своеобразием. В частности, вьетнамские подражания селадонам покрыты глазурью с крупинчатыми включениями нерастворившихся частиц, а на днищах видны спиральные следы на красной поверхности внутренней части поддона. Однако все остальные признаки этих подражаний (цвет глазури, формы сосудов, гравированный декор) были необыкновенно близки настоящим китайским селадонам (Stevenson, Wood, 2011. P. 114–135).

В связи с этим вызывает пристальный интерес новая для российской науки тенденция атрибутировать некоторые археологические находки селадонов в качестве продукции мастерских средневековой Кореи (Гаджиев, Лим Джихён, 2011. С. 133, 134; Губайдуллин, 2013. С. 193). Аргументация авторов базируется фактически только на констатации сходства китайских и корейских селадонов, из чего выводится происхождение восточноевропейских находок из разных мест Дальнего Востока, в том числе Кореи (Гаджиев, Лим Джихён, 2011. С. 133). Этот тезис трудно оспорить, однако из гипотетической возможности импорта селадонов из разных стран нельзя автоматически выводить корейское происхождение того или иного сосуда – такой подход нарушает основные законы логики. Даже для самого осторожного предположения о корейской атрибуции находимых в Восточной Европе селадонов нужны более серьезные аргументы: конкретные корейские аналогии, выявленные специфические черты импортов, данные естественно-научного изучения, но ничего подобного авторы новой гипотезы не приводят. В обширной научной литературе также не известно ни одного случая, чтобы селадоны, найденные на территории стран Ближнего и Среднего Востока или хранящиеся в коллекциях музеев Европы и Азии с XV–XVI вв.¹, когда-либо атрибутировались производству Кореи. Подобные определения имеются лишь для изделий, поступивших в музеи непосредственно из Кореи уже в Новейшее время.

¹ Речь идет, прежде всего, об уникальной коллекции дворца Топкапы в Стамбуле, где хранится коллекция селадонов из более чем 1300 сосудов. Она формировалась благодаря покупкам турецких султанов XV–XVII вв. (Jenuns, 1967. P. 51).

При всем сходстве селадонов из разных районов Китая и Кореи, они все же имеют существенные отличия в формах, цвете глазури и основы, декоре, что позволяет различать продукцию если не разных производственных центров, то хотя бы двух этих стран. Среди селадонов, уверенно атрибутированных производству Кореи (XI – начала XIII в.), основную массу составляли недекорированные, а также украшенные гравированным и тисненым рельефным декором. Судя по опубликованным коллекциям таких изделий, при внешнем сходстве с китайскими аналогами они имели ряд существенных отличий:

1. Очень низкий кольцевой поддон, едва выделенный на дне (несомненно, он вырезался на финальном этапе формовки тела сосуда).

2. Выпуклое (внутри поддона) дно у чаш и почти плоское, практически без поддона, у ваз и кувшинов.

3. Небрежности при нанесении глазури на внутренний объем поддона: затеки поливы на кольцо поддона, непокрытые поливой участки, полива с пузырьками и кавернами.

4. Отпечатки на поддонах от подставок с 3 или 5 выступами.

По этим признакам возможно выделение корейских селадонов даже среди фрагментированного археологического материала. Однако необходимо подчеркнуть, что ни на одном из известных в Европе археологических образцов селадонов подобные признаки еще не были замечены.

Наиболее известной и шире всего представленной в музейных коллекциях разновидностью корейских селадонов являются изделия с подглазурной «инкрустацией» белой и красной глинами (*Inlaid Decoration* или *Sanggam-ch'ongcha* – по-корейски), отличающиеся серым, зеленовато-серым или коричневатого-серым цветом крошащей глазури. Декор включал изображения лотосов и хризантем, реже – летящих фениксов и цапель, деревьев, пионов и т.п. Эта разновидность корейских селадонов столь выразительна, что ее невозможно перепутать с китайскими селадонами (рис. 1). Ни одного подобного образца селадонов на территории Европы пока не найдено, так что об их экспорте в Европу говорить не приходится. Впрочем, нет данных и об экспорте такой керамики в страны Востока.

Но мог ли вообще экспорт корейских селадонов осуществляться в Европу и страны Востока? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нужно сначала установить, когда селадоны стали поступать в эти страны. Для Фустата (Египет) и Сирафа (Иран) установлены даты начала подобного импорта в пределах X в. (*Scanlon*, 1970. P. 82; *Whitehouse*, 1973; *Frierman*, 1978; *Tampoe*, 1989. P. 55–59). Для Восточной Европы имеются данные о том, что первые образцы селадонов стали поступать сюда не ранее второй половины XIII в. (самое раннее – с 1236 г., т.е. с начала монгольских завоеваний), хотя надежно датированных комплексов второй половины XIII в., содержащих обломки селадонов, до сих пор нигде не выявлено. Самые ранние комплексы с селадонами в золотоордынских городах Среднего и Нижнего Поволжья датируются 1330–1340-ми годами. Единственный известный на Руси образец селадона (кстати, однозначно лунцюаньского) с точной датой археологизации относится, как раз, к 1340 г. (*Родионова, Френкель*, 2012. С. 26). Таким образом, наиболее вероятное время массового импорта селадонов в Золотую Орду и на Русь относится ко второй трети XIV в. Между

Рис. 1. Бутыль из музея университета Сонгюнван в Сеуле (Интернет-ресурс: <https://fotki.yandex.ru/users/leejongwon/view/919511/>)

тем, с 1231 по 1258 г. государство Корё подверглось шести опустошительным нашествиям монголов, серьезно разорившим страну, после чего Корё попало в вассальную зависимость от империи Юань. В дальнейшем (конец XIII–XIV в.) отношения с Кореей оставались крайне напряженными и конфликтными. В этих условиях производство селадонов переживало кризис, качество изделий ухудшалось и уже вовсе не соответствовало китайским аналогам, а в XV в. их производство полностью прекратилось. Не случайно все наиболее известные шедевры корейских селадонов (в том числе имеющие близкое сходство с китайскими) датируются преимущественно XII – первой половиной XIII в., а не последующим временем (*Choi-Bae*, 1984. P. 13, 14, 17).

Совершенно очевидно, что XIII–XIV вв. были наименее благоприятным временем для экспорта корейских селадонов, тем более – для дальнего экспорта в Европу. Поэтому умозрительные представления о таком экспорте не имеют под собой реальных оснований. Напротив, можно уверенно утверждать, что его не существовало и не могло существовать. Единственным возможным каналом подобного экспорта мог быть вывоз трофеев, захваченных монголами в середине XIII в. при нашествиях на Корё. Но трофеи – не слишком объемный массив, который вряд ли бы сохранился в целостности и сохранности на протяжении столетия, чтобы затем, в середине XIV в. оказаться перемещенным за тысячи километров – в Европу. Количество допущений в этом случае превышает критическую черту доверия к ним.

Если говорить о более ранних находках на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе в Закавказье и Дербенте, часть из которых может датироваться XII–XIII вв. (*Гаджиев, Джихён*, 2011. С. 133), то прежде всего необходимо доказать датировку каждой из этих находок, чтобы утверждать, что они действительно относились к периоду до монгольского завоевания. В этот период государство Корё переживало подъем и развивало внешние связи, поэтому экспорт корейских селадонов в принципе мог достигать стран Востока (но не Европы, где китайскую керамику еще не знали). Дело за малым – выявить такие импорты и доказать, что они происходят именно из Корей.

Надо сказать, что в арсенале авторов новейшей гипотезы о корейских селадонах в Европе XIV в. имеется еще один аргумент, требующий внимания – это выгравированный иероглиф на обломке блюда, найденного при раскопках в Болгаре. Иероглиф вписан в центр цветка, размещенного на дне блюда и столь невелик по размерам, что на опубликованном фото разглядеть его практически невозможно (*Губайдуллин*, 2013. С. 193. Рис. 5–7), а прорисовка иероглифа в публикации не приведена. Определение иероглифа проведено А. М. Пастуховым, реконструировавшим его² в качестве китайского (!) «цзюй» или корейского «ку» (*Губайдуллин*, 2013. С. 193). Сходство начертаний китайских и корейских иероглифов оставляет широкое поле для домыслов, однако, исходя из приведенных выше соображений, китайское прочтение иероглифа, независимо от его значения, выглядит заметно более предпочтительным, нежели корейское.

² При отсутствии зафиксированного изображения речь может идти только о реконструкции.

При публикации блюда автор раскопок предположил его корейское происхождение «судя по цвету и орнаментальным мотивам» (*Губайдуллин*, 2013. С. 193), однако никаких пояснений на этот счет дано не было. Остается лишь догадываться, какие именно признаки цвета (глазурь, судя по фото, была нежно-зеленого цвета, т. е. идентичной лунцюаньским селадонам) и орнаментальные мотивы (включают только крупное изображение цветка на дне блюда, выполненное плоскорельефной резьбой) побудили автора или его консультантов прийти к подобной атрибуции. На такую мысль могли натолкнуть только два обстоятельства:

– довольно редкий для селадонов вариант рисунка цветка, более всего соответствующий китайскому канону изображения мака (*Avitabile*, 1981. Р. 264. № 80);

– несколько небрежное нанесение глазури на внутреннюю часть поддона.

Но, несмотря на то, что указанные признаки выделяют описываемое блюдо из ряда китайских селадонов, они все же не столь значительны, чтобы строить на них корейскую атрибуцию. Во-первых, разнообразие в изображениях цветов на китайских селадонах было достаточно большим. А во-вторых, небрежности при нанесении глазури встречаются и на лунцюаньских изделиях, особенно тех, что шли на экспорт (*Carswell*, 1995. Р. 20). Поэтому для корейской атрибуции данного изделия нужны более веские аргументы и хоть какой-то ряд прямых аналогий.

Надо признать, что на сегодняшний день в музеях Европы и Западной Азии среди археологических находок и вещей с надежно установленным происхождением нет ни одного предмета, который можно было хотя бы с минимальной долей уверенности соотносить с корейскими селадонами. Разумеется, это не значит, что такая керамика не могла выходить за пределы дальневосточного региона, но выдвигать гипотезы о подобном экспорте пока нет ни малейших оснований.

ЛИТЕРАТУРА

- Арапова Т. Б.*, 1977. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Конец XIV – первая треть XVIII века. Л.: Аврора. 138 с.
- Гаджиев М. С., Лим Джихён*, 2011. Селадон из раскопок Дербента и некоторые вопросы его распространения на Кавказе и в Восточной Европе // Тр. III (XIX) Всероссийского Археологического Съезда. 2011 г. Т. II. СПб.–М.–Великий Новгород. С. 133–135.
- Гаджиев М. С., Джихён Л.*, 2012. Находки селадона в Дербенте и проблема его производства и путей поступления на Кавказ и в Восточную Европу // Вестник Дагестанского научного центра Российской академии наук. № 45. С. 55–59.
- Губайдуллин А. М.*, 2013. Исследования в центральной части Болгарского городища («дом ремесленника») // Поволжская археология. № 3. Казань. С. 191–199.
- Керамика и фарфор Китая. Каталог выставки / сост. Л. И. Кузьменко. М.: Советский художник, 1980. 72 с.
- Коваль В. Ю.*, 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука. 269 с.
- Родионова М. А., Френкель Я. В.*, 2012. Китайский селадон из Новгородского Кремля // Тр. Государственного Эрмитажа. Т. LIX. СПб. С. 8–38.
- Avitabile G. G.*, 1981. Die Ware aus dem Teufelsland: Chinesische und Japanische Cloisonné- und Champlevé-Arbeiten von 1400 bis 1900. Hannover: Verl. Kunst u. Antiquitäten. 252 p.

- Carswell J.*, 1995. Chinese ceramics in the Sadberk Hanim Museum. Istanbul. 146 p.
La Ceramique Chinoise. Le guide du connaisseur / ed. by Beurdeley (Cécile et Michel). Fribourg – Paris, 1978. 318 p.
- Chinese ceramics. From the Paleolithic Period through the Qing Dynasty / ed. by Li Zhiyan, V. L. Bower and he Li. Yale University and Foreign Languages Press, 2010. 687 p.
- Choi-Bae S.*, 1984. Seladon-keramik der Koryo-dynastie 918–1392. Köln. 247 p.
- Frierman J. D.*, 1978. T'ang and Sung Ceramics exported to the West in the light of archaeological discovers // *Oriental Art*. Vol. XXIV. № 2. P. 195–200.
- Jenuns S.*, 1967. The Chinese Porcelains in Topkapu Saray, Istanbul // *Oriental ceramic society Transactions*. L. Vol. 36 (1964–1965, 1965–1966). P. 43–72.
- Morgan P.*, 1991. New thoughts on old Hormus: Chinese ceramics in the Hormus region in the thirteenth and fourteenth centuries // *Iran (Journal of the British Institute of Persian studies)*. Vol. 29. London. P. 67–83.
- Scanlon G. T.*, 1970. Egypt and China: trade and imitations // *Islam and the Trade of Asia* / Ed. by D. S. Richards. Oxford and Philadelphia. P. 81–95.
- Stevenson J. A., Wood D. A.*, 2011. Dragons and lotus blossoms. Vietnamese ceramics from the Birmingham Museum of Art. Seattle – London. 263 p.
- Tampoe M.*, 1989. Maritime trade between China and West (An archaeological study of the Ceramics from Siraf (Persian Gulf) 8th to 15th centuries AD). Oxford. 425 p. (BAR International series. № 555).
- Whitehouse D. B.*, 1966. Ceramiche e verti Medievali provenienti dal castello di Luceria // *Bolletino d'Arte*. Seria V. Anno LI (III–IV). Rome. P. 171–178.
- Whitehouse D. B.*, 1972. Chinese Porcelain in Medieval Europe // *Medieval Archaeology*. Vol. 16. P. 63–78.
- Whitehouse D. B.*, 1973. Chinese stoneware from Siraf: the earliest finds // *South Asian Archaeology* / Ed. by N. Hammond. New Jersey: Noyes Press. P. 241–255.

СТЕКЛЯННЫЕ ДЕКАНТЕРЫ НА ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В 2013 г. экспедиция Института археологии РАН под руководством В. А. Зейфера и Б. Е. Янишевского проводила охранные раскопки в Переславле-Залесском (Ярославская обл.), на участке по ул. Советской, 33 (Зейфер, 2015; Зейфер, Мазурок, Рассказова, 2014). В результате раскопок собрана представительная коллекция предметов из керамики, металла и стекла, позволяющая датировать вскрытый культурный слой второй половиной XIII – началом XIV столетия. Многочисленные стеклянные изделия представлены браслетами, бусами и сосудами, как древнерусского производства, так и импортными, в частности восточного происхождения. Среди последних выделяется необычно большое для древнерусского города количество фрагментов сосудов, декорированных эмалью и золотом.

Более 30 фрагментов, найденных в раскопе рядом с другими осколками декорированных сосудов, принадлежали графину, или декантеру (рис. 1; Кузина, Зейфер, Янишевский, 2017), как называют сосуды с высоким тонким горлом, объемным округлым туловом и широкой полый ножкой; на небольшом расстоянии от венчика горло снабжено упором для пальцев в виде кольца. Горло и венчик найденного сосуда собираются из осколков полностью без каких-либо утрат. Высота горла до места перехода в основной объем составляет не более 15 см. Размеры подовального венчика – около 4,5×6,2 см. Толщина венчика по самому краю – до 0,7 см. К низу горло сосуда сужается, уменьшается и толщина стекла, составляя всего миллиметр у стенок тулова. Кольцевидная складка диаметром примерно 6,2 см и толщиной 0,7 см сделана на расстоянии около 7 см от края венчика. О донце информации нет. Общая высота также не восстанавливается, но сравнивая его с другими известными экземплярами можно предположить, что она составляла немногим более 30 см. Сосуд изготовлен свободным выдуванием из бесцветного стекла хорошей прозрачности. Графин полностью покрывала тонкая золотая роспись. Ее сохранность, к сожалению, неполная – местами она угадывается только по следам на стекле. Широкая полоса золота покрывала весь округлый край венчика, золото заполняло рисунки из тонких красных линий на орнаментальных поясах горла и между ними, повторяло линии узора, нанесенного цветными эмалями: красной, синей, желтой и белой. Декор тулова составляют в различных сочетаниях круглые медальоны как минимум пяти видов и обрамляющие их прямые и волнистые красные тонкие линии. Полностью композиция декора не восстанавливается, но можно утверждать, что фигур человека и животных, а также надписи на графине не было. Главной особенностью сосуда из Переславля-Залесского является форма венчика – овальная со сливом. Все известные по публикациям декантеры имеют круглый венчик без слива.

Графины (декантеры) служили столовой сервировочной посудой. В них наливали напитки непосредственно перед употреблением, поэтому наличие

крышек или пробок не предполагалось. По сохранившимся целым сосудам известен их объем: в основном до двух литров. Декантеры изготавливались свободным выдуванием и формовались на понтии, затем расписывались золотом и цветными эмалями, главным образом, синего и красного цветов (*Carboni*, 2001. С. 366). В музейных собраниях мира известны целые экземпляры этих роскошных сосудов (некоторые из них приведены на рис. 2–9). В целом они датируются серединой XIII – XIV в., а местом изготовления обычно в литературе указывается «Египет или Сирия», так как начало периода расцвета производства посуды с росписью эмалями и золотом выпал на последние годы правления Айюбидов и начало мамлюкского периода, когда столицу государства перенесли в Каир, а вместе с ней и дорогие ремесла, обслуживавшие двор и знать. Однако старые центры Восточного Средиземноморья продолжали функционировать и развиваться. Со временем стиль росписи становился все более пышным, для него характерны растительный декор, надписи-посвящения, медальоны со стилизованным изображением зверей и птиц, сцены с развлечениями знати (охота, пиры, игра в поло, музыканты), архитектурные и христианские сюжеты. Декантеры становятся крупнее по сравнению с сосудами XIII в., высота их достигает 50 см и более (*Carboni*, 2002. Р. 205, 206).

В России по литературе помимо переславльского известны еще три декантера, все они происходят с южных, степных, территорий. Один из них, из фондов Государственного Эрмитажа, К. Ламм отнес, по предложенной им классификации, к «дамасской» группе изделий, датируемой в целом 1250–1310 гг. (рис. 8 – *Lamm*, 1929. Taf. 162, 3). Он был найден при раскопках Белореченских курганов. По мнению М. Крамаровского, этот сосуд не мог попасть в регион ранее 1260 г., когда были установлены дипломатические отношения между Египтом и Золотой Ордой (*Kramarovsky*, 1998. Р. 97, 200; *Carboni*, 2001. Р. 366). Сосуд декорирован растительным орнаментом, двумя арабскими надписями с традиционной формулой титула султана и пятью фигурами всадников, скачущих по кругу. Высота его 32,5 см. Второй декантер¹ найден у станции Каменноостровской под Майкопом. Высота сохранившейся части 31,5 см (есть небольшие утраты горла и ножки), в целом виде она достигала, по всей видимости, 40 см. На нем также видна надпись на основании горла, а все оно покрыто арабесками, выполненными синим, белым, красным цветами и золотом. Основной объем с помощью покрытого золотом растительного декора разделен на секторы, в каждом из которых изображены мужские фигуры в чалмах и халатах. Примечательно, что один из сидящих держит в руке стакановидный кубок, вероятно, стеклянный, а перед ним стоит стеклянная, расписанная эмалями бутылка (рис. 9). Еще один декантер, датируемый XIV в., происходит из кургана 1 могильника Носовцева Поляна 1 (г. Сочи), (рис. 7 – *Валиулина*, 2015. С. 254. Рис. 3, 4; *Василиненко*, 2007. С. 247, 252).

Наиболее близким переславльскому экземпляру по сюжету росписи можно считать декантер из парижской коллекции С. Т. Лоо (рис. 3). По размеру он значительно превосходит находку из Переславля-Залесского – высота его горла

¹ ГЭ. Колл. № ЕГ-1029. Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Государственного Эрмитажа за разрешение опубликовать изображение этого сосуда.

Рис. 1. Фрагменты стеклянного графина из раскопок в Переславле-Залесском в 2013 г. Переславль-Залесский историко-художественный музей-заповедник. Фото автора

Рис. 2. Декантер из коллекции Н. Халлили, датируемый сер. XIII в., выс. 34,5 см (по: *Gibson*, 2005. P. 283. Cat. 308)

Рис. 3. Стекланный декантер из парижской коллекции С.Т. Лоо. Сер. XIV в., выс. 41 см (по: *Carboni*, 2001. P. 366, 367).

Рис. 4. Стекланные декантеры так называемой алеппской группы из музеев Торонто и Каира, датированные К. Ламмом XIII в. (по: *Lamm*, 1929. Taf. 140)

Рис. 5. Стекланные декантеры XIV в. из Детройтского Института искусств (слева; выс. 36,5 см) и собрания Смитсоновского института в Вашингтоне (справа; выс. 49,7 см) (по: *Porter*, 1998. P. 198. Fig. 21.2, 21.3)

Рис. 6. Стекланный декантер нач. XIV в. (выс. 51 см) из Музея Метрополитен в Нью Йорке (по: *Vernoit*, 1998. P. 210. Fig. 25.7)

Рис. 7. Декантер XIV в. из курганного могильника Носовцева Поляна 1 (г. Сочи) (выс. ок. 32 см) (по: *Валиулина*, 2015. С. 254. Рис. 3, 4).

Рис. 8. Декантер 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV в. из Белореченских курганов (выс. 32,5 см). Раскопки Н. И. Веселовского. Государственный Эрмитаж (по: *Lamm*, 1929. Taf. 162, 3)

Рис. 9. Декантер 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV в. из Майкопа, выс. 31,5 см.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018

Рис. 10. Декор на горле декантеров из Переславля-Залесского (слева) и коллекции С. Т. Лоо (справа)

до места перехода в основной объем, судя по публикации, примерно на 10 см больше, высота в целом составляет 41 см, максимальный диаметр 20 см, вместимость 2300 мл (*Carboni*, 2001. Р. 366). Датируется он серединой XIV в. Переславльская находка перекликается с ним по манере исполнения декора: особенно по оформлению горла поясками синей эмали, распределением на нем орнаментальных зон с нанесенными тонкими красными линиями и золотом, как будто небрежной «штриховкой» (рис. 10). Оба сосуда не имеют других элементов росписи помимо медальонов и линий. Различия проявляются в наборе

цветов эмали и числу вариантов исполнения медальонов на тулове. Бросающиеся в глаза сходство, особенно в росписи верхней части, наводит на мысль если не об одном мастере, их украшавшем, то хотя бы об одной мастерской. Однако эти элементы росписи в разных сочетаниях встречаются и на других сосудах, поэтому правильнее говорить об устойчивости и традиционности художественных приемов и, с осторожностью, об одном производственном центре; нельзя исключать и несколько иных вариантов датирования одного из декантеров.

Декантер из Переславль-Залесского музея был найден в южной части городища, неподалеку от линии валов (остатков городских укреплений XIII–XVIII вв.), в 600 м к югу от левого берега р. Трубеж, впадающей в Плещеево озеро. В XIII–XIV вв., когда, согласно археологическим данным, началось первоначальное заселение этого участка города, рядом находились ворота городских укреплений. Судя по расположению открытых раскопками объектов и общему составу вещевой коллекции, на этом месте находилась резиденция крупного золотоордынского чиновника, а описанный здесь декантер принадлежал к его личным вещам. Он представляет собой прекрасный образец художественного стиля, достигшего расцвета в сирийском искусстве во второй половине XIII – первой половине XIV в. Общепринятая датировка подобных сосудов не противоречит обстоятельствам находок в Переславле-Залесском. Стеклянные сосуды этого времени хорошо известны на памятниках зарубежной Европы и Волжской Болгарии. Фрагменты различных стеклянных сосудов с росписью золотом и эмалями часто встречаются в золотоордынских слоях практически всех крупных городов Древней Руси (см., например: *Валиулина*, 2015. С. 248–254; *Кузина, Зейфер, Янишевский*, 2017. С. 115). Безусловно, они относятся к предметам роскоши, и их появление в Восточной Европе связано с высшей древнерусской или ордынской знатью. Нельзя не заметить, что три декантера из четырех известных в России происходят из одного региона, но далеко идущие выводы из этого вряд ли стоит делать. Эти находки подтверждают, что, при ведущем значении волжской магистрали, дорогая стеклянная посуда с Ближнего Востока поступала на подвластные Золотой Орде территории разными путями (*Валиулина*, 2015. С. 255), в данном случае – через Северное Причерноморье.

Декантер из Переславля-Залесского – редчайшая находка для древнерусских памятников, поражает сохранность, позволяющая сравнивать его с кругом подобных сосудов. Очевидно, что нужно ждать новых находок из раскопок и уточнения определений в фондах музеев.

ЛИТЕРАТУРА

- Валиулина С. И.*, 2015. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века* / отв. ред. П. Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История. С. 236–261.
- Василиненко Д. Э.*, 2007. Средневековый курганный могильник Носовцева Поляна 1 в долине р. Мзымта (г. Сочи) // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. М.

- Зейфер В. А.*, 2015. Предварительный анализ жилых и хозяйственных построек из раскопок южной части кремля г. Переславля-Залесского (по результатам исследований 2013 года) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 287–298.
- Зейфер В. А., Мазурок О. И., Рассказова А. В.*, 2014. Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 304–321.
- Кузина И. Н., Зейфер В. А., Янишевский Б. Е.*, 2017. Из новых находок стеклянных сосудов в Переславле-Залесском // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 110–116.
- Carboni S.*, 2001. *Glass from islamic lands*. NY: Thames and Hudson. 416 p.
- Carboni S.*, 2002. *Painted Glass // Glass of the Sultans*. NY – Corning – Athens – L. P. 199–273.
- Gibson M.*, 2005. “Admirably ornamented glass” // *Glass from Sasanian antecedents to European imitations* / by Sidney M. Goldstein. L.: Nour Foundation. P. 262–291. (The Nasser D. Khalili collection of Islamic art; vol. XV).
- Kramarovsky M.*, 1998. The import and manufacture of glass in the territories of the Golden Horde // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / ed. by Ward, R. Dorchester: British Museum Press. P. 96–100, 200, 201.
- Lamm C. J.*, 1929. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnitarbeiten aus dem Nahen Osten*. 2 Bänden. Band II. Abbildungen. Berlin: Dietrich Reimer. 566 s. (Forschungen zur islamischen Kunst, Bd. 5. Ed. F. Sarre).
- Porter V.*, 1998. Enamelled glass made for the Rasulid sultans of the Yemen // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / ed. by Ward, R. Dorchester: British Museum Press. P. 91–95, 197–199.
- Vernoit S.*, 1998. Islamic gilded and enameled glass in the nineteenth-century collections // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / ed. by Ward, R. Dorchester: British Museum Press. P. 110–115, 207–210.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СТАТУС МАЛЫХ ГОРОДОВ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII – XV ВЕКЕ

Настоящее исследование основано на анализе археологических материалов из раскопок Переяславля Рязанского, Ростиславля Рязанского и Пронска. Археологические свидетельства, отражающие существование и развитие торговых и международных историко-культурных связей известны и на других средневековых памятниках Рязанского княжества, прежде всего в его древней столице – городе Старая Рязань. Там они представлены десятками категорий, исчисляемых порой сотнями и тысячами экземпляров. Однако рассмотрение материалов из перечисленных городских центров позволяет более детально охарактеризовать торговлю так называемых малых городов Рязанской земли во второй половине XII – начале XIII в., ее дальнейшее развитие в золотоордынскую эпоху и выявить корреляцию административного статуса городов с торговыми связями.

В результате археологических исследований в Переяславле Рязанском, Ростиславле Рязанском и Пронске обнаружены достаточно представительные свидетельства торговых и культурных связей населения. К ним относятся различные категории импортных изделий, предметов, изготовленных из привозного сырья (3211 экз.), находки торгового инвентаря (12 экз.) и нумизматические материалы (шесть монетных кладовых комплексов и 54 отдельные монеты XIV – середины XV в.; один клад серебряных денежных слитков).

Весь массив находок импортного происхождения и изделий, изготовленных из привозного сырья, можно разделить на два блока: предметы массового ввоза и единичные предметы импортного происхождения.

1. *Предметы массового ввоза.* В этот блок, объединяющий 9 категорий предметов, входит 3167 изделий (98,6% от общего количества предметов импорта и изделий, изготовленных из привозного сырья). К ним относится продукция древнерусских ремесленников из привозного сырья и его остатки – изделия из цветных металлов и отходы их производства (435 единиц). Другими категориями импортных находок массового ввоза являются готовые изделия, привозимые как из-за рубежа, так и из других русских земель: некоторые изделия из стекла (бусы и бисер – 186 экз., браслеты – 2217 фр., посуда – 67 фр., перстни – 44 экз.), бусы из сердолика и хрусталя (22 единицы), пряслица из овручского шифера (49 шт.), восточная поливная и тисненная посуда – 117 сосудов, а также тарная посуда (амфоры), в которой поставлялись некоторые виды товаров (вино, масло) – 30 фр.

2. *Единичные изделия иноземного происхождения* представлены 44 предметами, разделяемых на 14 категорий: стеклянные вставки (2 экз.); крестики (3 экз.) и бусина из шифера; фрагменты необработанного янтаря (3 экз.) и изделия из него (бусы – 3 экз., крестики – 3 экз., перстень); подвески (2 экз.) и крестики (2 экз.) из полудрагоценных камней, глиняный сферокус, кашинные поливные бусы (3 экз.), кочевнические зеркала (3 фр.), зооморфный навесной

замок, серебряный перстень золотоордынского производства, железный казан и красноглиняная посуда – более 10 фр.

При разделении предметов импорта и изделий, изготовленных из привозного сырья, на два обозначенных выше блока необходимо учитывать хронологический принцип, так как в один период они могут оказаться предметами массового ввоза, а в другой – единичными изделиями. Ярким примером является художественная поливная керамическая посуда восточного и византийского происхождения, происходящая из раскопок в Переяславле Рязанском. Если в золотоордынскую эпоху это массовая категория, то в предшествующее время ее находки единичны – всего два сосуда.

Важно отметить, что предметы импорта поступали не только в ходе торгового обмена, но также в качестве военных трофеев, в результате этнокультурного влияния, миграции населения из различных территорий и т. д., то есть по внеэкономическим каналам. Таким образом, достоверно определить способ поступления того или иного импортного предмета оказывается довольно сложно. Но все же можно утверждать, что массовые предметы импорта, в отличие от единичных, поступали в большей части по торговым каналам. Именно комплексное рассмотрение обоих блоков предметов позволяет воссоздать направления торговых связей, определить степень их интенсивности на разных хронологических этапах (*Даркевич, 1985. С. 387*).

В истории торговли городов Рязанской земли во второй половине XII – XV в. выделяются два этапа, каждый из которых характеризуется определенным составом категорий импорта, объемом торговли, направлениями торговых связей и их динамикой.

В середине – второй половине XII столетия в Среднем Поочье происходят важные этнокультурные изменения, имевшие многосторонние последствия. Увеличение численности населения способствовало более плотному освоению региона, появлению разветвленной сети сельских поселений и формированию новых городских центров. Прямым следствием этих процессов стало экономическое развитие края, а следовательно, и торговли.

Датируемые второй половиной XII – началом XIII в. предметы импортного происхождения и изделия, изготовленные из привозного сырья, найдены во всех рассматриваемых городах. Набор предметов, отражающих существование торговых связей в этот период, схож между собой и является наиболее распространенным для материальной культуры средневековой Руси.

К этому времени относятся восемь категорий предметов из группы массового ввоза (шиферные пряслица, стеклянные браслеты, бусы, перстни, посуда, амфоры, изделия из цветных металлов, бусы из сердолика и хрусталя). Единичные изделия представлены четырьмя категориями: мраморные и шиферные крестики, бусина из розового шифера, поливная посуда из Переяславля Рязанского. Возможно, к этому периоду относятся изделия из янтаря, но четко датированных находок нет. Необходимо отметить, что количество предметов, приходящихся на этот период во всех городах, не велико.

Среди предметов торгового инвентаря ко второй половине XII – началу XIII в. относятся бочонковидные гирьки-разновесы (4 экз.) и пломбы дрогичинского типа (2 экз.).

Рис. 1. Предметы импорта и торгового инвентаря

1 – перстень; 2 – зооморфный замок; 3 – рычажные монетные весы; 4 – котел; 5–7 – бусы. 1 – цветной металл; 3 – кость; 4 – железо; 5–6 – кашин; 7 – керамика. (1, 3–7 – Переяславль Рязанский; 2 – Пронск)

Наибольшее количество предметов импорта домонгольского времени связано своим происхождением с Приднепровьем – шиферные пряслица, крестик и бусина, стеклянная посуда, производившаяся в Киеве (ее доля среди стеклянных сосудов в этот период составляет 94,1%), стеклянные бусы (83,7%), перстни и возможно часть стеклянных браслетов. Вторую по численности группу образуют предметы связанные своим происхождением с Византийской империей и Причерноморьем – мраморные крестики, стеклянная посуда (5,9%), бусы (2,3%). Через территорию Волжской Булгарии на Русь поступали бусы из сердолика и хрусталя. Вполне возможно, к этому же времени относится зооморфный навесной замок в виде коня (рис. 1, 2), найденный на Пронском городище в нестратифицированных слоях, хотя более вероятно его золотоордынское происхождение (*Монгайт*, 1961. С. 327).

Монгольское нашествие имело катастрофические последствия для Рязанского княжества, отразившиеся на всех сферах жизни, в том числе экономической. Спад в развитии торговых связей региона фиксируется по археологическому материалу во второй половине XIII в. Он прослеживается для всех категорий импортов, чье поступление носило массовый характер. Так среди точно датированных материалов Ростиславля Рязанского и Переяславля Рязанского на этот период приходится всего от 1,4% до 7,6% предметов.

Однако материалы Переяславля Рязанского и Ростиславля Рязанского демонстрируют постепенное увеличение числа импортных предметов уже с конца XIII – начала XIV в., а пики их поступления наблюдаются во второй

Рис. 2. Сосуды импортного происхождения

1, 4, 5, 8–14 – Переяславль Рязанский; 2, 3, 6, 7 – Пронск

половине XIV – начале XV в. Такая закономерность прослеживается для стеклянной и глиняной поливной посуды, изделий из цветных металлов и пр. На этот период приходится 26,8% стеклянных браслетов, 27,9% изделий из цветного металла, около 69% поливной и тисненной восточной керамики. В XV в. вновь отмечается некоторое сокращение импорта (рис. 2–3; табл. 1–3).

Среди импортов второй половины XIII–XV в. подавляющее большинство изделий связано своим происхождением с территорией Золотой Орды или поступлением через нее: поливная керамика (доля посуды произведенной в золотоордынских городах Поволжья составляет более 50%, полуфаянсы из Сирии и Ирана – 4,2%, Закавказье – 3,3%, Хорезм – 4,2%, китайские селадоны – 3,3%), красноглиняная столовая посуда (более 10 фр.), бусы из полудрагоценных камней, стеклянные изделия ближневосточного и золотоордынского производства (сосуды восточно-средиземноморского производства – 77,4%; бусы золотоордынского и среднеазиатского производства – 77,8%; перстни, доля которых от всех перстней составляет в Переяславле Рязанском 26,9%, в Пронске – 31,2%). Непосредственным свидетельством активных торговых связей с Золотой Ордой являются нумизматические материалы второй половины XIV – первой половины XV в., предметы торгового инвентаря (гирьки-разновесы – 2 экз. и рычажные костяные весы – 2 экз.; рис. 2, 3).

Среди единичных находок золотоордынского происхождения отметим серебряный перстень (рис. 1, 1), железный клепанный казан (рис. 1, 4) и сфероконус из Переяславля Рязанского; кашинные поливные бусы – 3 экз. (рис. 1, 5, 6), подвески из сердолика и хрусталя – 2 экз., аналогии которым обнаружены в материалах Болгара этого времени (*Судаков, Челяпов, Буланкин, 1997. С. 379*).

При оценке материалов необходимо учитывать, что они могли поступать на территорию Великого княжества Рязанского не только по торговым каналам. Отношения между Русью и Золотой Ордой имели разносторонний характер, затрагивали различные сферы политической, экономической и духовной жизни. Взаимоотношениям двух политических образований посвящено большое число исследований, однако, этот вопрос выходит за рамки нашей работы. Кратко отметим, что археологические материалы свидетельствуют о проживании представителей ханской администрации в городах Рязанского княжества. Так, долговременное присутствие ордынских чиновников и тяжеловооруженных воинов вместе семьями во второй половине XIII – первой половине XIV в. отмечено в Ростиславле Рязанском (*Коваль, 1998*).

Но все же анализ поступления массовых категорий импортных изделий и нумизматических материалов позволяет говорить, что XIV в. является временем наиболее активных торговых отношений между двумя регионами.

Преимущественная ориентация торговых связей Рязанской земли на Золотую Орду объясняется несколькими причинами. Прежде всего, это политическое подчинение региона ханской администрации, а также подконтрольность основных международных торговых путей Золотой Орде.

Волжский путь (на него выходили по нижнему течению Оки) позволял торговать с золотоордынскими городами Среднего и Нижнего Поволжья – важными транзитными воротами для связей с Востоком и Азией. Большое значение имел черноморско-донской путь, связывавший Рязанскую землю с Причерноморьем

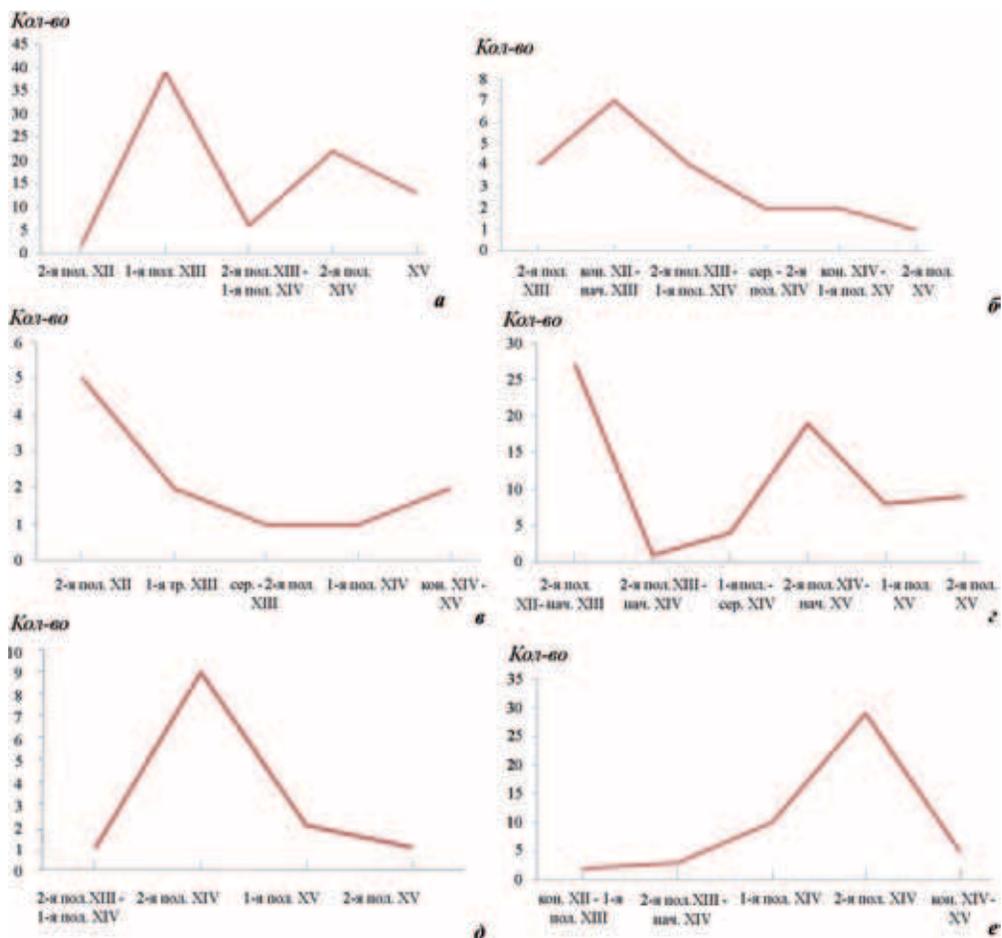

Рис. 3. Хронологическое распределение находок импортов в Ростиславле Рязанском (а-д) и Переяславле Рязанском (е)

а – стеклянные браслеты; б – стеклянные бусы; в – шиферные пряслица; г – изделия из цветных металлов; д, е – поливные и тисненые сосуды

и Византией. Помимо собственно золотоордынских городов, ведущими контрагентами в торговой деятельности русских купцов в этом регионе были генуэзские и венецианские колонии, располагавшие в Тане, Кафе и Суроже. Именно там встречались русские, золотоордынские, греческие и итальянские купцы.

Отражением торговых связей с крымским регионом являются находки поливных сосудов изготовленных из формовочных масс восточно-крымского и византийско-причерноморского типов (по типологии В.Ю. Коваля). Их доля среди всех импортных керамических сосудов, найденных на рассматриваемых памятниках составляет более 34%. В Переяславле Рязанском обнаружен один сосуд из прозрачного стекла с поддоном и каплевидными налечами

Таблица 1. Стекло́нные браслеты в культурном слое Переяславля Рязанского

Дата по слою	Количество браслетов
2-я пол. XII – нач. XIII в.	74
2-я пол. XIII – нач. XIV в.	334
XIII в.	43
кон. XIII – XIV в.	45
XIII–XIV вв.	59
1-я пол. XIV в.	536
XIV в.	208
XIV – нач. XV в.	20
XV в.	2
XIV–XV вв.	123

Таблица 2. Стекло́нные бусы в культурном слое Переяславля Рязанского

Дата по слою	Количество бус
2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.	2
2-я пол. XIII – XIV в.	13
XIII в.	16
кон. XIV – XV в.	3

Таблица 3. Стекло́нные сосуды в культурном слое Переяславля Рязанского

Дата по слою	Количество фрагментов сосудов
XIII–XIV вв.	1
2-я пол. XIII – нач. XIV в.	3
2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.	6
2-я пол. XIII – XIV в.	4
XIV в.	4

венецианского производства XIV в. Сам он происходит из комплекса второй половины XIII – первой половины XIV в. Вместе с ним найдены фрагменты бутыли большого объема западноевропейского производства, выполненной из зеленого прозрачного стекла.

С территории посада Ростиславльского городища происходит свинцовая западноевропейская товарная пломба XIV–XV вв. (Волков, 2005. С. 259; Коваль, 2015. С. 219. Рис. 3, 2). Подобная пломба с изображением зверя есть среди подъемного материала Селитренного городища (Клоков, Лебедев, 2000. С. 275–277). Такими товарными пломбами производители удостоверяли качество тканей, количество в данном «куске» и место изготовления.

Интересен вопрос о соотношении различных категорий импортных предметов и их количества в городах в различные хронологические периоды. Подобная

работа впервые была проделана В.Ю. Ковалем для восточной импортной керамики (Коваль, 2005. С. 511). Сравнительный анализ находок показал, что практически все домонгольские фрагменты амфорной керамики и восточной поливной художественной посуды сосредоточены в Старой Рязани, в то время как в других городах они представлены единичными экземплярами, а поливная керамика этого времени в Ростиславле Рязанском и Пронске не встречена вообще.

Выявленная закономерность прослеживается и для других категорий предметов. В первую очередь это характерно для стеклянных сосудов, основная масса которых происходит из раскопок городища Старая Рязань. Здесь обнаружены изделия разных производственных центров, в то время как в Пронске и Переяславле Рязанском единичные фрагменты сосудов представлены преимущественно образцами, относящимися к русской школе стеклоделия (29 из 60 в Переяславле Рязанском и три в Пронске).

Наиболее ярко различия в статусе городов домонгольского времени подчеркиваются присутствием уникальных импортных предметов в Старой Рязани, таких, как стеатитовая иконка, каменный котел, витражи, изделия из цветных металлов европейского производства. Все это свидетельствует не только о столичной роли города, но и о том, что он являлся основным торговым центром княжества и крупным экономическим узлом всей древней Руси. Отмеченное явление вообще характерно для Средневековья, когда внешняя торговля концентрируется в крупных городах древнерусских княжеств и является именно их прерогативой (Даркевич, 1985. С. 398).

Соотношение различных категорий импортных предметов, их количества в городских центрах во второй половине XIII–XV в. показывает, что по сравнению с предшествующим периодом происходят заметные изменения. Во-первых, большинство предметов, указывающих на международные связи, сосредоточено в Переяславле Рязанском. Это свидетельствует о смене статусов городов в Рязанском княжестве: столичные функции переходят Переяславлю Рязанскому, как следствие, меняется основной торговый центр региона. Во-вторых, в этот период изделия, как массового ввоза, так и уникальные единичные импортного происхождения появляются, помимо столицы княжества, в Ростиславле Рязанском и Пронске. Это свидетельствует о существовании в регионе нескольких торговых центров, активно участвующих не только во внутренней, но и в международной торговле. Данное явление прослеживается по материалам восточной поливной керамики, стеклянным сосудам восточносредиземноморского происхождения, изделиям из стекла золотоордынского или среднеазиатского производства, предметам из полудрагоценных камней. Естественно возникает вопрос: это отражение общих закономерностей в развитии торговых связей всего региона в золотоордынский период или же исторических реалий и статуса названных городов. Ведь Пронск был центром удельного княжества, где в начале XV в. осуществлялась чеканка собственной монеты, а Ростиславль Рязанский в начале 40-х годов XIV в. был резиденцией великого князя Рязанского. На сегодняшний момент пока не достаточно материалов, которые позволили бы дать однозначный ответ на поставленный вопрос.

Итак, встречаемость предметов импорта и изделий, изготовленных из привозного сырья, в культурном слое Переяславля Рязанского, Ростиславля Рязан-

ского и Пронска характеризует динамику торговых связей населения этих городов в эпоху Средневековья. Для второй половины XII – начала XIII в. количество предметов импорта не велико. Их набор не отличается особым разнообразием и схож между собой: амфоры, стеклянные браслеты, бусы, посуда, перстни, бусы русской школы стеклоделия из сердолика и хрусталя, изделия из цветных металлов, шиферные пряслица, – т. е. вполне обычный набор предметов того времени для городских памятников.

Наиболее активное развитие торговли в перечисленных городах наблюдается с конца XIII–XIV в., что прослеживается по количественным и качественным характеристикам рассматриваемых материалов. Происходит не только увеличение числа предметов, разнообразнее становятся категории импортных изделий. Преобладание различных импортов в Переяславле Рязанском в этот период указывает на его статус столицы Рязанского княжества. Характерно, что для предшествующего периода прослеживаются существенные отличия в поступлении импортов в столицу и малые города как по числу находок, так и по разнообразию категорий. В золотоордынское время фиксируются преимущественно количественные отличия, тогда как наборы импортов в городах схожи между собой.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков И. В.*, 2005. Средневековые монеты Ростиславля Рязанского // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 255–263.
- Даркевич В. П.*, 1985. Международные связи // Город, замок, село. М.: Наука. С. 387–411. (Археология СССР).
- Клоков В. Б., Лебедев В. П.*, 2000. Западноевропейские торговые пломбы из развалин Сарая // VIII Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докладов. М. С. 275–277.
- Коваль В. Ю.*, 1998. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. № 2. С. 177–187.
- Коваль В. Ю.*, 2005. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики // Великое княжество Рязанское. М.: Памятники исторической мысли. С. 480–520.
- Коваль В. Ю.*, 2015. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. Вып. 237. С. 211–221, 333, 334.
- Монгайт А. Л.*, 1961. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР. 400 с.
- Судаков В. В., Челяпов В. П., Буланкин В. М.*, 1997. Переяславль Рязанский (итоги археологических исследований 1979–1985 гг.) // Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М. С. 371–382.

СЛЕДЫ ЗНАКОМСТВА С ВОСТОЧНЫМ ДВЕНАДЦАТИЛЕТНИМ ЦИКЛОМ В СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Важнейшими памятниками, отражающими взаимоотношения Северо-Восточной Руси с Золотой Ордой, является серия ханских ярлыков, выданных митрополитам всея Руси (*Григорьев*, 1842; *Боровков*, 1966; *Плигузов*, 1987, и др.). Дипломатическая переписка великих и удельных князей с правителями Золотой Орды, несомненно, существовала (она упоминается в письменных источниках как «дела ордынские»), но практически полностью утрачена. Сохранились лишь фрагменты документов времен Менгу-Темира (1266–1282 гг.), опубликованные в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» (1949. С. 11, 57), а также сохранившийся среди летописных сообщений текст известного письма ордынского военачальника Едигея Василию Дмитриевичу, датируемый 1409 г. (ПСРЛ. Т. 11. 1965. С. 210). К счастью, сохранилась дипломатическая переписка великих князей московских с крымскими ханами.

Сохранность подборки ханских ярлыков митрополитам объясняется ее значением для обоснования прав и привилегий Русской Православной Церкви, которые достигли исключительно высокого уровня в эпоху ордынского ига. Отдельные ханские ярлыки из этой серии документов, древнейший из которых составлен от имени Менгу-Темира, датируется 1267 г., включают датировки по годам тюркского (и дальневосточного) двенадцатилетнего цикла. При этом в нескольких грамотах упоминается «заячье лето», фигурируют также «овечье лето» и «свиное лето». В грамоте крымского хана Менгли-Гирея Ивану III фигурирует «курачье лето» (год петуха) (Сборник Русского исторического общества, 1884. С. 48, 83).

Библиография, посвященная китайскому и тюркскому двенадцатилетнему циклу, исключительно обширна. Отметим лишь отдельные публикации на эту тему: И. В. Захаровой «Двенадцатилетний цикл у народов Центральной Азии» (1960) и В. М. Беркутова «Народный календарь и метрология болгаро-татар» (1987). Ссылки на другие работы, затрагивающие данный вопрос, приведены ниже.

Наличие в митрополичьих и великокняжеских канцеляриях ордынских документов, датированных подобным образом, ставит исследователей перед вопросом, сопровождалось ли их получение соотношением этих датировок с принятым в средневековой Руси юлианским календарем и летосчислением от Сотворения Мира.

Вопрос оставался без ответа до появления статьи британского слависта В. Ф. Райана (*Ryan*, 1971; краткий пересказ см.: *Райан*, 2006. С. 573–576). За рубежом исследователю удалось обнаружить в отечественных рукописных собраниях, в составе подборок календарно-астрономических текстов, имевших преимущественно богослужебное назначение, специальные таблицы, включавшие названия восточного двенадцатилетнего цикла (рис. 1). Эти таблицы довольно многочисленны в рукописях XVII–XVIII вв. Тем не менее, внимание

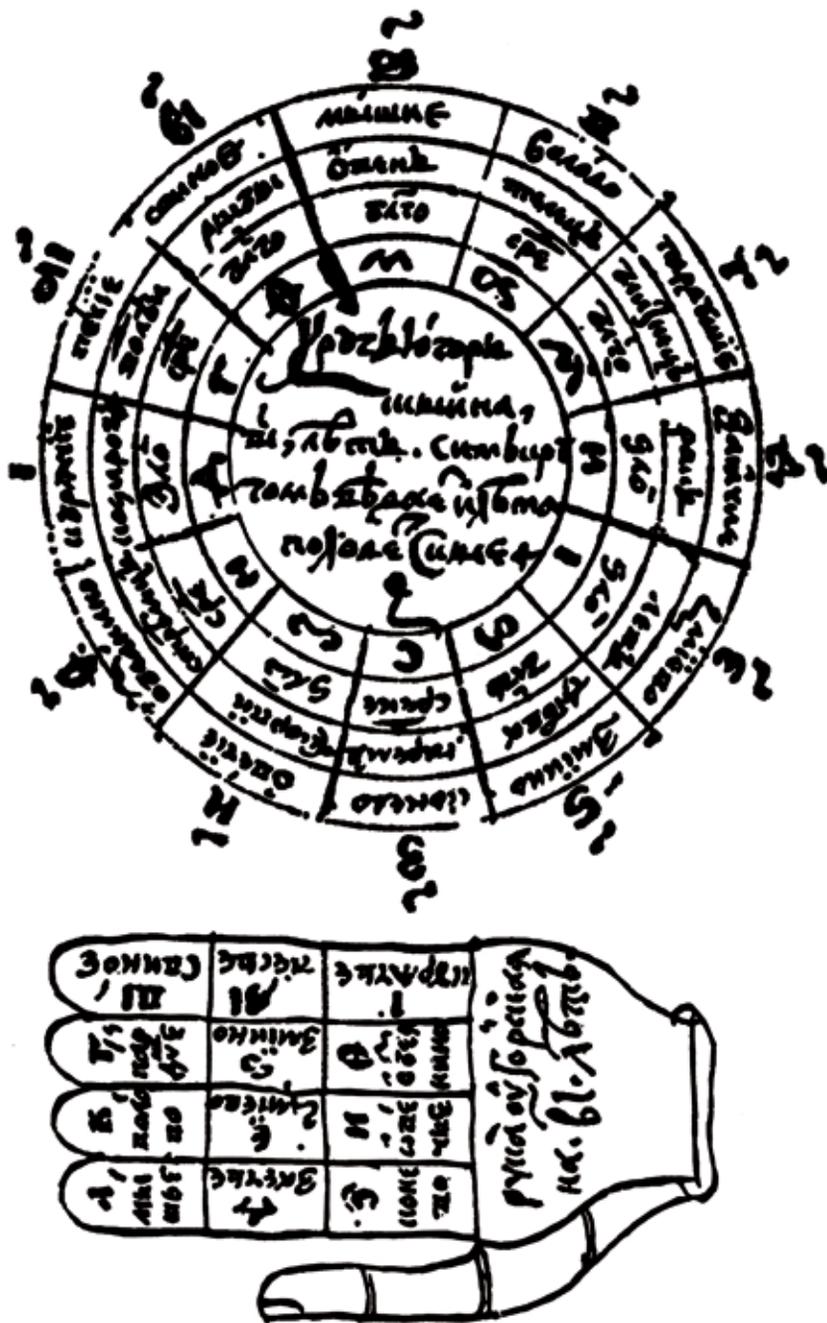

Рис. 1. Названия восточных циклических знаков на календарных таблицах из рукописи XVII в. (Библиотека РАН. Санкт-Петербург, Архангельское собр. 204. Л. 170 об. – по: Райан, 2006)

российских ученых они ранее не привлекали. Таблицы имеют вид концентрических кругов или схемы в виде ладони левой руки. Отметим, что распространенные в русской рукописной традиции календарные таблицы в виде рук не характерны для византийской книжности и имеют, по-видимому, западноевропейское происхождение (так называемая Рука Беды Достопочтенного).

На этих таблицах представлены «лета»: 1 – «мышье»; 2 – «волово»; 3 – «пардуше» (год тигра); 4 – «заячье»; 5 – «змиево» (дракона); 6 – «змиино» (змеи); 7 – «конево»; 8 – «овечье»; 9 – «обезьянино»; 10 – «курячье»; 11 – «песье» (собаки); 12 – «свиное».

В.Ф. Райан высказывает предположение, что появление подобных таблиц было связано с учетом и использованием восточных дипломатических документов в эпоху ордынского владычества. Необходимо, однако, отметить, что дошедшие до нас таблицы не содержат ключа, позволяющего соотнести годы от Сотворения Мира с двенадцатилетним циклом или сопроводительного текста соответствующего содержания. Очевидно, подобная привязка первоначально существовала, но позднее была утрачена, что, несомненно, свидетельствует о том, что этими таблицами редко пользовались. В некоторых рукописях порядок циклических знаков нарушен.

Таблицы сопровождаются названиями «Рука угорская/югорская на 12 лет» и «Круг югорский на 12 лет, Сим кругом ведает и лета половецкие». В них внимание историка привлекают этнонимы «угра/югра» и «половецкие».

Словоупотребление «угорский/югорский» может в данном случае вводить в заблуждение, поскольку ни у угров-венгров, ни у югры – племен, заселявших Северное Приуралье и Зауралье, использование циклических знаков не фиксируется. Возможно, с таким календарем могли быть знакомы древние венгры, пришедшие в Европу в едином потоке с племенами тюркского происхождения, но сведения об этом неизвестны.

В.Ф. Райан предлагает в данном случае понимать этноним «угорский/югорский» как уйгурский (*Ryan*, 1971. P. 15–17). Сходная интерпретация предлагалась ранее для подобной терминологии иных древнерусских текстов. Уйгурский язык (а также надписи на монгольском языке, записанные уйгурским алфавитом) использовался в канцеляриях империи Чингизидов, в частности, в Золотой Орде до начала XIV в. Уйгурские надписи (наряду с арабской графикой) можно видеть и на более поздних монетах Чингизидов, исповедовавших ислам (см.: *Нямаа*, 2005. С. 97, 104, 105 и др.). Знаменитые пайцзы – символы власти чиновников монгольской империи, обычно несли надписи уйгурскими письменами. Такова, в частности, известная серебряная пайцза мусульманского правителя Золотой Орды – Узбека (1313–1341) (*Спицын*, 1909).

Подборка ярлыков ордынских ханов митрополитам в ряде списков завершается дополнением «Обретохом в святейшей митрополии старых царей ярлыки, мнози же суть от первых и давних царей, иные и велицы ярлыки суть, но иных невозможно превести, занеже неудобь познаваемою речью писании быша». В данном случае речь явно не идет о татарских или арабских текстах, поскольку переводчики с этих языков в XV–XVII вв. работали в Москве постоянно. Вероятно, в данном случае речь идет о документах, писанных менее известным, уйгурским письмом, но не исключено использование иных языков и алфавитов.

По-видимому, уйгурский (в тексте «угорский») алфавит упоминается в известном памятнике рубежа XIV–XV вв. – «Житии Стефана Пермского». «У жидовския азбуки первому слову имя алф... а угорьские афакавасака» (Житие... 1897. С. 70). Поскольку никакого особого алфавита в средневековой Венгрии не было, а югра в те времена оставалась бесписьменным народом, и в этом случае, по-видимому, речь идет об уйгурском алфавите. Отметим, что в этом житии в пассажах, посвященных датировке основных событий, имеются ссылки на годы правления ордынских ханов и правителей, что представляет собой редкое для древнерусской книжности исключение. «В шестое же лето владычества Тактамыша царя, и обладающе ему Мамаевою ордою, Заволжское царство обдержашу второму царю именем Темирькутлюю» (Житие... 1897. С. 85, 74). Знакомство отдельных московских чиновников с уйгурским алфавитом подтверждается существованием нескольких так называемых дьяческих монограмм XV в., которые представляют собой надписи, выполненные знаками этого алфавита (Морозов, 2016).

Встреченное в подписях к таблицам, содержащим названия циклических знаков, выражение «лета половецские» в эпоху ордынского ига и Московского царства могло быть связано с архаичным этнонимом, который мог обозначать тюркоязычное население Золотой Орды, в частности, кочевников. Отметим, что на Руси, оказавшейся под властью Чингизидов, не был в те времена известен этноним «монголы». В первых летописных упоминаниях завоеватели фигурируют как «языци, ихже никтоже ясно не вестъ», «татары, а инии зовуть таурмены [у С. Герберштейна *Taurimeni*], а друзии печенежи» (ПСРЛ, 1962. С. 445; *Герберштейн*, 1988. С. 165). В «Задонщине» степные просторы, подвластные Золотой Орде, фигурируют как «поле Половецкое» (*Адрианова-Перетц*, 1947. С. 199, 203).

В. Ф. Райан полагает, что этноним «половцы» можно в данном случае понимать как «татары» (в широком смысле) (*Ryan*, 1971. P. 16. Note 28). Вслед за А. Самойлович он полагает, что нет оснований предполагать распространение двенадцатилетнего цикла у половцев (кыпчаков, куманов) и хазар. Это положение, однако, не является бесспорным, поскольку существуют надежные данные об использовании двенадцатилетнего цикла в весьма раннее время на крайнем юго-западе тюркского мира, у протоболгар (см. ниже). На раннем этапе история протоболгар была теснейшим образом связана с Хазарией.

Календарные таблицы, выявленные Райаном, датируются не ранее XVII в. Для того, чтобы надежно связать их появление с эпохой ордынского ига, необходимы более ранние свидетельства. Действительно, подобная таблица в виде руки была обнаружена в рукописи 10–20 гг. XV в. (собрание Ярославского музея-заповедника. № 15231. Л. 258 об.). Подпись читается «рука югу[р]ская», сами названия циклических знаков не были вписаны переписчиком. Еще одна подобная таблица из рукописи середины XV в. (Кирилло-Белозерское собрание. № 10/1087) опубликована в книге А. А. Романовой (2002. С. 59–63). Еще одним свидетельством знакомства древнерусских книжников с двенадцатилетним циклом, по-видимому, является надпись на резном каменном кресте, установленном митрополитом Алексеем (1354–1378 гг.) в новгородском Софийском соборе. Эта надпись включает, наряду с частично утраченной датой от Сотворения Мира, слова «овцаго лета». Предложенное истолкование слова «овцаго» как гиперкорректное написание

слова «овчаго» (овечьего») является наиболее убедительным. Такое прочтение позволяет датировать крест 1367 или 1378 гг. (Турилов, 2007).

К приведенным свидетельствам знакомства древнерусских горожан с восточным календарем следует добавить недавнюю находку при спасательных работах в Новгороде, в 2016 г. на раскопе Посольский-2016 (Торговая сторона, Славенский конец) китайского бронзового зеркала с изображением животных, соответствующих циклическим знакам (Олейников, Руденко. В печати)¹. Зеркало обнаружено в постройке, предварительно датируемой третьей четвертью XIII в. Находка, очевидно не восточноевропейская по происхождению. Все найденные аналогии указывают на Китай или Центральную Азию.

В русской книжности XVII в. представлен еще один повествовательный текст, посвященный восточному календарю (монгольским месяцам), опубликованный М. Н. Тихомировым (1958), не обнаруживающий связи ни с календарными таблицами, впервые открытыми В. Ф. Райаном, ни с ханскими ярлыками.

Работа В. Ф. Райана, опубликованная в 1971 г., в свое время произвела впечатление сенсации. Она, по существу, впервые открыла следы глубоких связей древнерусской космологической и календарно-астрономической традиции с Дальним Востоком и Центральной Азией. Ранее считалось, что древнерусские календарно-астрономические тексты следуют в основном церковной традиции византийского происхождения, на которую с рубежа XV–XVI вв. накладывались следы знакомства с западноевропейской книжностью. Отмечались эпизодические влияния средневековой еврейской и арабской книжности подобного содержания на славянскую рукописную традицию. Речь идет о переведенном с древнееврейского в конце XV в. тексте книги Шестокрыл (Соболевский, 1903. С. 413–418) и о некоторых древнерусских «лунниках» (Перетц, 1901). Небольшой фрагмент, славянского календарного текста, встреченный в русских рукописях и посвященный планетам, обнаруживает несомненное арабское происхождение, включает оставленные без перевода восточные названия небесных светил (Рачева, 1981). В монументальном календарно-астрономическом трактате, составленном, по-видимому, во второй половине XVI в. упоминается «лунник, иже зовется тотарской», очевидно, текст, восходящий к мусульманской календарной традиции (Симонов, Турилов, Чернецов, 1994. С. 122). Встречающаяся в русских рукописях XVII в. астрологическая статья о значениях местоположения звезды Чигирь (Венеры) и сопровождающие эту статью схемы, находят близкие аналогии в арабских и турецких рукописях (Райан, 2006. С. 571, 572). Любопытным свидетельством знакомства высшей московской знати с восточными космографическими сочинениями являются сведения о наличии в «царских казнах» Ивана Грозного книги «Аджайбу-ль-махлукат» («Азя ибу имал лукат», или «Язя иб ехмалуккат», а по-русски «Всего мира мудрость»), т. е. «Чудеса природы» Мухаммада Казвини (ум. в 1273 г.). Книга была отбита у казанских послов в 1549 г., в 1565 г. ее пытались найти, но «не доискались» (Библиотека... 1982. С. 19. Сноска 20; С. 30).

¹ Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность авторам за возможность ознакомиться с этой находкой.

В исследовании В. Ф. Райана, посвященном восточному двенадцатилетнему циклу, остались неучтенными более ранние материалы, связанные с протоболгарами и южнославянской книжностью X–XI вв. Речь идет о дошедших до нас в русских списках XV–XVI вв. в составе «Летописца Еллинского и Римского» «Именника болгарских ханов», составленного, очевидно, в начале VIII в. Перечень сопровождается указанием годов начала правления ханов, датированным восточными циклическими знаками, которые в данном случае даются без перевода на протоболгарском языке. Это «сомор» (мышь), «шагор» (бык), «вер» (волк, соответствует знаку тигра), «двани» (заяц), «дилом» (змея), «текучимем» (баран или конь), «ток» (петух), «их/ехт» (собака) и «докс» (свинья). В послесловии болгарского книжника Тудора Доксова, датированном 902 г., к «Слову Афанасия Александрийского против ариан», переведенном Константином Преславским, указана дата «ехт бехти» – пятый месяц года собаки, также включает название восточного циклического знака. Этот текст дошел до нас в позднейших русских списках (*Златарский*, 1912; *Миккола*, 1913; *Тихомиров*, 1969. С. 277–284; *Петканова*, 1982. С. 192, 193). Рассмотренные упоминания восточного календаря, использовавшегося протоболгарами, очевидно, оставались непонятными для позднейших славянских переписчиков.

Приведенные данные показывают, что первое знакомство славянских книжников с восточным двенадцатилетним циклом относится к эпохе формирования кирилло-мефодиевской традиции. Свидетельства преемственной связи этого раннего знакомства славян с восточной календарной традицией с более поздними данными подобного рода, относящимися уже к эпохе ордынского ига, не прослеживаются.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианова-Перетц В. П.*, 1947. Задонщина. Текст и примечания // Тр. отдела древнерусской литературы. Т. V. М.–Л.: АН СССР. С. 194–224.
- Беркутов В. М.*, 1987. Народный календарь и метрология булгаро-татар. Казань: Татарское книжное издательство. 95 с.
- Библиотека Ивана Грозного, 1982. Сост. Н. Н. Зарубин. М.: Наука. 160 с.
- Боровков А. К.*, 1966. Опыт филологического анализа тарханых ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 25. Вып. 1. М.: АН СССР. С. 13–24.
- Герберштейн С.*, 1988. Записки о Московии / под ред. В. Л. Янина. М.: МГУ. 430 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л.: АН СССР, 1949. 408 с.
- Григорьев В. В.*, 1842. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству: историко-филологическое исследование. М.: Университетская типография. 134 с.
- Житие святого Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб.: Тип. Академии наук, 1897. 112 с.
- Захарова И. В.*, 1960. Двенадцатилетний цикл у народов Центральной Азии // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Т. 8. Алма-Ата, АН КазССР. С. 32–65.
- Златарский В. Н.*, 1912. Болгарское летосчисление // ИОРЯС. Т. XVII. Кн. 2. СПб. С. 28–59.

- Миккола И.*, 1913. Тюрко-болгарское летосчисление // ИОРЯС. Т. XVIII. Кн. 1. СПб. С. 243–247.
- Морозов Д. А.*, 2016. Древнерусская надпись уйгурским письмом // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. С. 100–103.
- Нямаа Б.*, 2005. Монголын эзэнт гүрний зоосон мөнгө ба хаадын овгийн тамга (XIII–XIV зуун). Улаанбаатар. 254 с. (*Nyamaa B. The Coins of Mongol Empire and Clan Tamgha of Khans (13–14 cent). Ulanbaatar, 2005*).
- Олейников О. М., Руденко К. А.*, (в печати). Металлическое зеркало китайского типа из Великого Новгорода // РА.
- Петканова Д.*, 1982. Старобългарската литература. Енциклопедически речник. София.
- Перетц В. Н.*, 1901. Материалы к истории апокрифа и легенды: К истории Лунника // ИОРЯС. Т. 6. Кн. 3. С. 1–126.
- Плигузов А. И.*, 1987. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив. Вып. 3. М. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962. 580 с.
- ПСРЛ. Т. 11. Никоновская летопись. М., 1965. 254 с.
- Райан В. Ф.*, 2006. Баян в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России / отв. ред. тома А. В. Чернецов. М.: Новое литературное обозрение. 720 с. (Сер. *Historia Rossica*).
- Рачева М.*, 1981. Към раните заемки от арабски происход в славянските езици: няколко редки астрономически названия – заемки в старобългарски или в староруски език // *Palaeobulgaria*. София. (Старобългаристика. Т. V. № 3).
- Романова А. А.*, 2002. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин. 429 с.
- Сборник Русского исторического общества. Т. 41. 1884.
- Симонов Р. А., Турилов А. А., Чернецов А. В.*, 1994. Древнерусская книжность. Естественнаучные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковым. М.: МГАП. 168 с.
- Спицын А. А.*, 1909. Татарские байсы // Изв. Археологической комиссии. Вып. 29. СПб.: Тип. Главного управления уделов.
- Соболевский А. И.*, 1903. Переводная литература Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: Академия наук.
- Тихомиров М. Н.*, 1958. О двенадцати монгольских месяцах в старинной русской письменности // Советская этнография. № 3.
- Тихомиров М. Н.*, 1969. «Именник» болгарских князей // Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими народами и Византией. М.: Наука. С. 277–284.
- Турилов А. А.*, 2007. О времени создания новгородского Алексеевского креста: возможности непалеографической датировки (1367 или 1379 г.) // От Царьграда до Белого моря. Сб. статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. М.: Северный паломник. С. 571–580.
- Ryan W. F.*, 1971. The Oriental Duodenary Animal Cycle in Old Russian Manuscripts // *Oxford Slavonic Papers*. New series. Vol. 4. P. 12–20.

Сокращения

АО	– Археологические открытия
АП	– Археология Подмосквья. Материалы научного семинара
БРЭ	– Большая российская энциклопедия
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	– Отчет Императорской Археологической Комиссии
ПКМ	– Полтавский краеведческий музей
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РИО	– Русское историческое общество
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
УЖ	– Украинський історичний журнал
ЦАИ	– Центр археологических исследований

Научное издание

**От Руси до Китая:
из новых археологических исследований**

Сборник статей к юбилею Ю. Ю. Моргунова

Автор обложки: А. С. Загрядская

Верстка: В. Б. Степанов
Художник: А. С. Леонтьева

Подписано в печать 30.11.2017
Формат 70×108/16
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58

ISBN 978-5-94375-239-1

9 785943 752391